

Акцент

Уважаемый читатель!

Взяв в руки первый номер журнала за 2018 год, читатель вправе рассчитывать на хорошую литературную подборку, и он её получит, прочитав рассказы ростовского писателя Ф. Ошевнева («Болтыш и Жаба») и стихотворения усинской поэтессы Н. Стикиной. В рубрике «Юбилей» традиционный юбилейный материал, на этот раз, посвящённый известному учёному, археологу и прекрасной женщине – Э. Савельевой. Интервью с ней записал П. Лимеров, а сама она предоставила редакции статью о происхождении народа коми – теме, которой занимается много лет. Однако главная тема номера – Украина. О ней сегодня много пишут, но, отстраняясь от политики, журнал нашёл возможность показать некоторые аспекты культуры, связывающие Коми и Украину – два максимально удалённых друг от друга региона. Раздел «Украина и Коми» открывает очерк К. Жакова «Киев», посвящённый годам учёбы философа в Киевском университете. Статья А. Ельцовой «Коми писатели в Украине» раскрывает малоизвестные факты из биографий В. Савина и В. Чисталёва, чей творческий путь начинался в Украине. Переводил украинских поэтов И. Куратов, издавались на украинском и его стихи, в украинской земле похоронен коми поэт-воин А. Размыслов. С другой стороны, с Коми землёй, пусть невольно, но связана биография украинского поэта и переводчика Г. Кочура. Журнал публикует цикл его стихов «Интинские тетради», в переводе с украинского М. Каганцова, а также сопроводительную статью к стихам израильского литературоведа Ю. Систер.

«Арт-факт» продолжает украинскую тему. В редакцию журнала с разрешения родственников и РИА «Новости» были переданы эксклюзивные материалы: рассказы, автобиография, а главное – дневниковые записи А. Стенина, фотожурналиста РИА «Новости», уроженца Коми, погибшего на украинской земле. Дневник А. Стенина – это, безусловно, ключевой материал в номере. Читателю даётся возможность посмотреть глазами очевидца на важнейшие мировые события, тем более, что очевидец обладает безусловным даром слова. С разрешения РИА «Новости» мы также даём подборку фотографий А. Стенина, посвящённых событиям в Украине.

**Павел Лимеров,
главный редактор**

АРТ

6+

Содержание

Проза. Поэзия.

Литературная критика

Ф. Ошевнев. Болтыш и Жаба. Рассказы	4
И. Стикина. Внутренний цензор. Стихи	27

Украина и Коми

К. Жаков. Киев (отрывок из романа «Сквозь строй жизни»).....	35
А. Ельцова. Коми писатели в Украине	43
Ю. Систер. Г. П. Кочур: очерк жизни и творчества.....	71
Г. Кочур. Интинская тетрадь.....	77
Г. Бутырева. Киев, 2010. Путевые заметки	98
Л. Воробей. Украинцы в Коми.....	107

Юбилей

Э. Савельева: «Самый большой критик в моей жизни – это я сама...». Интервью П. Лимерова	112
Э. Савельева. Истоки народа коми.....	122

Арт-факт

О. Капустина. С ним можно было бы пойти в разведку	130
А. Стенин. «Думающий никогда не поднимет руки на ближнего...».....	137
С. Грачёва. «Для мастера не может быть решенья вне мрамора...».....	177

“ы”

И. Носов. Вётон нисьё вемёсён.....	184
А. Шомысова. «Ворсё гажа сунисься кись...».....	185
А. Ельцова. И кольёны миянлы төвру	189

Сыктывкар, 2018

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республика литература, публицистика,
история, культурология да художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

*Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов
осуществляется при государственной поддержке
Администрации Главы Республики Коми.*

Зарегистрировано Управлением Роскомнадзора по Республике Коми. Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г.

Учредители (соучредители):

Администрация Главы Республики Коми,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми войтыр», АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции – Новикова Н.М.

Главный редактор – Лимеров П.Ф.

Адрес редакции, издателя: 167982, г. Сыктывкар, Республика Коми, ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru, www.artlad.ru

© Журнал «Арт», № 1 (82) 2018 г.

Подписано к печати по графику 20.03.18. Фактически 20.03.18. Дата выхода в свет 28.03.18.
Формат: 70x100 1/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 15,48.

Тираж – 1200 экз. Заказ – . Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискрет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов.
Адрес типографии: 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС П4453

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

В оформлении обложки и заставок использованы работы (©) Ю. Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам.
Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йӧзбӧдӧм гижӧдӧяс редакция оз рецензируют и авторъяслы найӧс оз мӧдӧд. Редакция оз век во ӧти кывйӧ авторъяскӧд.

**Проза. Поэзия.
Литературная критика**

Фёдор Ошевнев

Ошевнев Фёдор Михайлович – прозаик, публицист, журналист. Родился в 1955 году в г. Усмани Липецкой области. Окончил Воронежский технологический институт (1978 г.) и Литературный институт имени А.М. Горького (1990 г.). Двадцать пять календарных лет отдал госслужбе: в армии и милиции. Майор внутренней службы в отставке, участник боевых действий, ветеран труда. Член Союза журналистов России. Член Союза российских писателей.

Автор девяти книг, а также более ста журнальных публикаций прозы. Причислен к направлению «жёсткого» реализма. Награждён медалями «За ратную доблесть» (за создание повести на тему афганской войны «Да минует вас чаша сия»), «За отличие в охране общественного порядка» (по итогам командировки в Чеченскую Республику), «За отличие в воинской службе» I степени (по итогам командировки в Ингушетию) и другими, нагрудными знаками «Участник боевых действий», «За службу на Кавказе», «Знак Почёта ветеранов МВД».

Болтыш и Жаба

Конфликт этот стартовал в позднебрежневские времена.

У завуча-историка, двадцати лет потерявшего на фронте ногу выше колена и начинающим педагогом заполучившего незavidное прозвище Раскладной – при ходьбе негнушующая деревяшка приходилось выносить по дуге вбок, – было двое детей. По сути, из разных поколений. Дочь пятидесятого года рождения и сын шестьдесят восьмого: дважды отцу тогда уже стукнуло сорок четыре.

Последыша назвали Толей. Рос он вездесуще-суетливым, по любому поводу спеша высказаться. В каждой бочке затычка. Это именно про него.

Впрочем, учился паренёк почти на одни пятёрки.

Ещё с младших классов его, легко забывающего о своих обещаниях, окрестили Болтуном. Позднее прозвище это фатально переродилось в сходно-тухловастенькое – Болтыш: так называют неплодотворённое, без зародыша, яйцо. Негожее ни под наседку, ни в пищу. Толик не единожды дрался, не желая мириться с позорной кликухой. Раз даже к отцу воззвал: как бы от неё избавиться?

– А никак, – ответил тот. – Не удастся. По крайней мере, в этой школе.

– Между прочим, в нашей выучке тебя втихую тоже дразнят. Знаешь кем? – раздражённо вырвалось тогда тайное у сильно раздосадованного мальчишки.

– Конечно, – разительно удивил его в ту минуту отец.

– И не обидно?

– Ну ещё бы... Ведь не сам же я себя по дурусти ноги лишил. Или вот наш физрук Староконев – глаза. Ты про его-то прозвище в курсе?

– Ага. Косой. Говорят, вроде по пьяни прицелом на сук напоролся.

– Эх ты, охальник! Слышал звон... Василий Николаевич – фронтовой лётчик. После тяжелейшего воздушного боя – один против трёх «мессеров» – чудом, с осколком в глазу, до своих дотянул, истребитель спас. Он этот осколок и им располосованный шлемофон как память о боевой юности хранит. Мы Родину от нелюдей защищали, а вы, по глупости малолетней да необъяснимой жестокости, за наши раны и кровь нас же – и носом в дерьмо. Не судите, да не судимы будете. Фраза хоть и библейская, а бесспорна. Впрочем... И с телесными изъянами надо стараться жить полноценно. Ну а ты, сын, прозвище своё поделом заслужил. За язык без костей, за необязательность, за «и так сойдёт».

– Но я ж не знал... – рефлекторно тронул мальчишка овальную плоскую родинку-лентигу на левой щеке. – Про физрука, значит... А он сам не рассказывал... – окончательно съехал паренёк с темы собственной кликухи.

– Зачем? Я ведь тоже всякому не объясняю, что в танке горел. Гадости же и про меня измышляют. Мол, во хмелю под поезд угодил, и прочее в том же духе.

Толик смущенно отошёл от отца...

Классным руководителем у мальчишки после «началки» стала русистка Алевтина Филипповна Полякова. Дородная с юности, она поначалу пыталась – впрочем, халтурно – бороться со склонностью к ожирению. Перепробовала кучу диет, с ленточкой когда-когда занималась гимнастикой... Однако после тридцати расплылась безнадежно. Вес женщины резво перевалил за сто кило, а на пухлом лице, обрамленном короткими светлыми кудряшками, обозначились обвисшие лоснящиеся щёки и вырос тройной подбородок, студнем сотрясавшийся при волнении. И никакие усилия: сдавливание теннисного мячика подбородком, медовый массаж, втирание всяких кремов и даже отчаянное лупцевание шейных складок скрученным в жгут мокрым полотенцем – к их исчезновению не привели.

Как и многие учителя той да и иных российских школ Полякова со временем получила прозвище. Не по характеру или сфере деятельности, а (так случается много чаще) по схожей наружности, и весьма нелестное: Жаба.

Было время, когда она серьёзно нацеливалась на место Раскладного. Внушая на всех уровнях, что инвалид первой группы просто не в состоянии полноценно исполнять обязанности зав. учебной частью. Мол, здесь явно требуется кто-то и помоложе, и поздоровее. И что – ах, если бы только ей поверили и доверили...

Алевтина Филипповна даже пыталась надавить на директора школы и заврайоно через мужа – работника райкома. Не прокатило: директор, сам участник войны, прошедший её в полковой разведке, натвердо придерживался иной точки зрения: в его школе всякий завуч должен быть только мужчиной!

Отношения у Поляковой с Толиком упрочились перманентно конфликтные. Начиная с того, что русистка яро не терпела забывчивости и трёпа. Но главное: комплексуя по поводу неудавшейся педагогической карьеры и упорно продолжая считать,

будто виновен в том именно не возжелавший «подвинуться» Раскладной, женщина свой субъективизм к отцу проецировала на сына. (Подобного рода поведение больше свойственно как раз детям, склонным переносить неприязнь к конкретному учителю на его предмет). И стоило Толику в чём-то, пусть по мелочи, проштрафиться, классуха тотчас спешила наябедничать о попрании школьных устоев начальнику-родителю, упиваясь недолгой специфичной властью над ним.

Вкушать это сладостное чувство винительнице ничуть не надоедало.

– Как же так? Вы – завуч, опытный педагог и нас, рядовых учителей, во всех вопросах воспитания должны направлять и поправлять... Сына же столь явно упускаете, – с наслаждением выговаривала Алевтина Филипповна Раскладному, вновь вторгшись на перемене к нему в кабинет. – Он же мне урок сегодня едва-едва не сорвал! Да! – И многоэтажный «бурдюк» русистики гневно заколыхался. – Убедительно требую уделять его воспитанию должный надзор!

– Нельзя ли поконкретнее? – прервал тогда историк поток возмущений.

– Можно и нужно. Значит, сегодня мы изучали фразеологизмы. В качестве одного из примеров я использовала идиому «кот наплакал». Пояснила, что хотя слёзные каналы у кошек и есть, самих слёз от них не дождёшься. Отсюда и пошло упомянутое выражение, обозначающее ситуацию, когда кого-то или чего-то гораздо меньше необходимого или ожидаемого.

– Прошу прощения, – прервал мини-лекцию Раскладной. – А вот я где-то читал, что здесь имело место транслитерирование. То есть арабский оборот «коты наилак» – изначально лишь «перестать получать достаточно денег», а по-нашему «чтоб ты жил на одну зарплату» – передали буквами русского алфавита. Ну и потом ещё подкорректировали. Только со временем смысл устоявшейся фразы почему-то резко расширился до значения мизерного количества уже всеохватно.

– В данном случае вариации генезиса не столь важны! – не позволила втянуть себя Полякова в этимологический спор. – Значит, я предложила подобрать синонимы к расхожему словосочетанию. Высказывались, надо сказать, активно. И «с гулькин нос», и «очень мало», и «всего ничего»... «недостаточно», «на донышке»...

– Ну, это-то я понял, – снова вклинился Раскладной. – Конкретно к Анатолию у вас какие претензии?

– Большие! – пришёл в движение могучий подбородок. – Он на галёрке сидит. Думал, не услышу. А я услышала! Знаете, что он ляпнул?

– Пока нет.

– Кот наплакал – кот накакал! Ещё и с таким глубокомысленным видом! А весь класс триумфально ржал, громче табуна диких лошадей! Откуда в лексиконе шести-классника, позвольте спросить, почти нецензурщина?

– Отнюдь. Вполне приличный глагол для обозначения естественных надобностей. По поводу же процитированной вами фразы – кажется, догадываюсь о её корнях. У моей сестры сиамская кошка имеется. В кои-то веки нашли ей аналогичной породы жениха, случили. Ну а одного мальчишка из приплода придарили нам. Вот с переменным успехом учим теперь котика в противень с песком ходить, но вчера он посреди кухни нагадил. Ассоциация ясна?

– Да уж конечно! Только это вашего сына не оправдывает! И сегодняшний случай – вовсе не первый, когда он во время уроков несусветицы и завиральные идеи выкрикивает. Так дальше продолжаться не может! Ещё скажите спасибо, что я пока до

директора не дошла! А по большому счёту давно следовало бы! Да!

Фронтоник, возраст которого на тот момент приближался к шестидесяти, классной руководительнице сына отнюдь не симпатизировал.

– Я-то, конечно, с ним поговорю, – пообещал он. – Но, на мой взгляд, вы опять палку перегибаете. Ничего такого уж, как вы утверждаете, чуть ли не криминального, Анатолий не совершил. Ну, брякнул с места глупость, так и не оправдываю... Однако и вы не забывайте: ему всего-то двенадцать.

– Фундамент воспитания закладывается в детстве! Сами о том твердите! – витийствовала Полякова. – Только к собственному сыну этот тезис почему-то не желаете применять! А он, чувствуя вашу поддержку, на голове готов ходить!

– Ну, это уж вы явно через край хватанули! Анатолий ничем не хуже сверстников, – возражал Раскладной.

– А должен быть примером для всего класса! – гнула свою линию Алевтина Филипповна. – При таком-то заслуженном отце!

– В ваших последних высказываниях усматривается недобрая ирония. Ага, звонок. Что ж, напоследок – в коллекцию синонимов к наплававшему коту. Две консервные банки плюс дыра от баранки. Извините, у меня урок...

«Банки-баранки... Яблоко от яблони... Не-ет, только к директору!» – распаяла себя не удовлетворённая разговором русистка, грузно топя по коридору.

Особо же следует рассказать, как в начале седьмого класса сын Раскладного угодил в серьёзный переплёт и разряд неблагополучных учащихся.

В один из сентябрьских выходных он собрался на новый фильм. Но в тот день даже до кассы кинотеатра не дошёл. На подходе к кинотеатру попался на глаза хулиганистому дылде-девятикласснику из соседней школы, не подозревавшему, что перед ним – сын завуча, а то бы наверняка поостерегся связываться.

– Мелочишку на кинчишку... Ну-кась! Быстро карманы вывернул! – не очень-то страшась прохожих, в лоб потребовал дылда.

– У меня ровно себе на билет, – явно не спешил Толик расстаться с деньгами.

– В упор не колышет! – отрубил озлившийся девятиклассник. – Слышь, ты, чмошник тупорылый... Могу ведь для понятливости и по мордасам вкатить!

– Попробуй – пожалеешь... – решительно сжал кулаки Толик.

Но дылда «по мордасам» бить не стал. Он подло ударил несговорчивого паренька ботинком в пах. От дикой боли мальчишка моментально сложился вдвое, прижав ладони к ушибленному месту и тщетно пытаясь вздохнуть. Грабитель меж тем предприимчиво обшарил карманы жертвы, выудил несколько монет, разгрёб их по ладони, деловито пересчитал.

– Вот выручил, – издевательски хлопнул он Толика по согнутой спине. – Теперь дуй домой и зубри, зубри, зубри. Ученье – свет, неученье – сумерки! Хо-хо!

И, донельзя довольный, поспешил к кинотеатру...

Жаловаться обиженный не пошёл. Выслушал участливые слова двух параллельноклассников, наблюдавших бесчестный удар... А затем удачно отыскал на ближайшей мусорке кусок ржавой трубы-дюймовки с полметра длиной. Там же, в закутке, потренировался в обращении со своим «холодным оружием». Потом обернул его старой газетой и уселся в засаде на лавочке.

Обидчика он увидел за несколько кварталов от кинотеатра, когда ничего не подозревающий дылда высматривал очередной объект для быстрого обогащения.

Трубой Толик с размаху врезал сзади. По затылку врага. Что есть силы.

Более чем удачно: девятиклассник неловко завалился набок, потом на спину. Пользуясь этим, ограбленный с прыжка безжалостно приземлился ему на гениталии.

– Понял теперь, как мне больно было? – уточнил он у скорчившегося в позе эмбриона жалисто взголосившего врага.

Улепётнуть вершитель справедливости не успел. Трое мужчин, один из которых оказался пенсионером МВД, привлечённые тоскливым воем поверженного, задержали драчунов, препроводив обоих в милицию.

Давно состоявший там на учёте девятиклассник поначалу факт избиения и ограбления младшего отрицал. Однако свидетелей начальной фазы конфликта оперативно разыскали, и они стопроцентно подтвердили показания Толика.

В финале разбирательства принимала участие и Полякова. На следующий же день она наступательно высказывала свое «фу» отцу-завучу.

– С таких лет – и такая жестокость! – возмущалась Алевтина Филипповна. – Откуда? Напасть сзади, колотить люто, нещадно, металлом и по голове! Он же человека убить мог! Да!

– Ну а о том, что сей человек, который моего сына и старше и сильнее, его раньше не менее жестоко избил, деньги отнял и кино лишил, вы почему-то забываете? Анатолий, в силу своих возможностей, нашёл способ самостоятельно покончить с заведомо превосходящим его физически хулиганом. Заодно начинающему гопнику и мозги промыл... Уверяю: на будущее он трижды три раза подумает, прежде чем вновь решиться младших грабить!

– Однако каким именно образом ваш сын действовал? По сути, учинил форменный самосуд с явной опасностью для чужой жизни. Это не по-советски! Коль уж так случилось – расскажи о том учителям, родителям. Они и будут принимать соответствующие меры. Кто ему мешал, если он знал, что хулиган на сеансе, быстренько домой возвратиться и об инциденте доложить?

– Скорее, заложить... Только кому? Мы с женой с утра к родственникам уезжали. В школе в воскресенье – разве сторож. Вашим же адресом сын не располагал. И даже если бы его выяснил, крайне сомнительно, чтобы из-за сорока-пятидесяти копеек вы бы немедленно помчались в милицию. Да и вообще: достойно он поступил! Как настоящий мужчина, не опускаясь до фискальства. Хотя признаю: палку перегнул. За что уже и поплатился. По полной программе.

– Как отпетый хулиган он поступил! Вы в корне неверно воспитываете сына! – школила завуча русистка. – Порочно! Несвойственно нашему строю! Да!

– Мне, как отцу и как педагогу, виднее.

– Я сильно в этом сомневаюсь!

– Ну а я – нисколько! И по праву родителя сына защищать буду всегда!

– Были бы вы правы – не оказался б он на учёте в милиции! – победоносно подытожила Алевтина Филипповна. – Жутчайший стыд и позор для нашей школы!

От дальнейшей полемики Раскладной тогда воздержался. Только губы сердито сжал и глубоко, страдальчески вздохнул.

Перенесёмся теперь на несколько месяцев вперёд.

Накануне Дня Победы Полякова запланировала читательскую конференцию «Великая Отечественная война в произведениях советских писателей». Толику же поручила, плюс к чтению наизусть отрывка из «Сына полка», ещё и рассказать о боевом прошлом

Раскладного. Ведь он оказался единственным в классе родителем-фронтовиком, остальные папы были гораздо моложе его. И надо же так случиться, что подросток соби-рался поподробнее расспросить отца о пережитых баталиях именно накануне культме-роприятия – чтобы назавтра, в своём выступлении «по свежим впечатлениям», ничего не упустить, – и напрочь забыл подойти в тот вечер к родителю. Ещё и книжный текст выучил через пень-колоду. Сама же классная руководительница захлопоталась, не про-контролировав малонадёжного ученика. Впрочем, всё это, как говорится, было бы ещё полбеды, однако в класс – ну совсем уж некстати! – нагрязнул заврайоно.

Картина маслом...

– По обыкновению, в своём репертуаре! – желчно распекала классуха Толика – пока один на один – после занятий. – Ни капли стыда! Да! Хоть кол на голове теши: никаких сдвигов к лучшему! Наобещает с три короба, а потом «с чистой совестью»: «Извините, заспал, упустил из виду, память отшибло...» Полнейшая безответствен-ность! Интересно бы узнать: как ты дальше-то жить собираешься?

– Не хуже других, – насупленно огрызнулся семиклассник.

– Вот-вот! Не хуже! Свежо предание, да верится с трудом! – И огромный подборо-док боевито заколыхался. – Э-эх, чудо беспоминное! Не выйдет из тебя ничего путного. Недаром Болтышом-то окрестили! Тоже никчемный и негодный ни на что растёшь! Да!

– Ах, значит, я – Болтыш? – мгновенно оцетинился Толик.

– Во всяком случае, не я же тебе это зазорное прозвище прилепила, – саркасти-чески усмехнулась Полякова. – Запомни: по заслугам и честь...

– Ага... Ладно... – И Толик раздумчиво коснулся крупной родинки на щеке: привыч-ка-паразит. – Пусть я – Болтыш... – Подросток упёрся в классную руководительницу упрямым жалящим взглядом. – Зато ты тогда – Жаба!

И после мини-паузы дерзко усугубил-утвердил, растягивая начальный согласный звук:

– Жжжаба! Жжжаба!! Жжжаба!!!

На какое-то время Алевтина Филипповна впала в ступор: застыла, надрывисто ловя воздух ртом, с выпяленными глазами, исступленно сжимая пальцами классный журнал... Наконец, трудно сглотнув, рявкнула:

– Ты-и-и!

И со второй попытки неловко вскочила со скорбно скрипнувшего стула.

– Негодяй! Хам! Паршивец! Пошли! Бегом! К отцу!

Русистка воинственно стиснула тонкое запястье Толика своей крупной тестяной ладонью.

– Пусти! – упираясь всем худеньким телом, изогнулся мальчишка. – Не имеешь права! Хватать!

– Я т-те сейчас покажу права! – грубо поволокла его Полякова к двери в коридор. – Ты у меня в момент из школы вылетешь! Да! А-ай! – внезапно взвыла она: Толик впил-ся зубами ей в руку ниже локтя, едва не прокусив до крови...

– Суть конфликта мне ясна, – выслушав обе враждебные стороны и внешне сохра-няя спокойствие, заявил Раскладной, сидя за своим рабочим столом, перед которым угнездилась на стуле отчаянно трясущая подбородком Полякова и, набычившись, стоял Толик. – Сын, а ну-ка пойдя, погуляй пока в коридоре...

А когда мальчишка вышел, мрачно-раздражённо поинтересовался:

– Ну, Алевтина Филипповна, и как теперь из крайней ситуации выходить?

– И вы ещё спрашиваете? – донельзя возмутилась русистка. – Для начала пусть зарвавшийся мальчишка извинится! В присутствии всего класса! А дальше требую вынести этот вопиющий инцидент на заседание педсовета. Уж там-то живо дадут принципиальную оценку, в каком именно моральном духе зав. учебной частью воспитывает собственного сына! Да!

– Нет! Совсем не кругло выходит! – сгустил мечевидные брови Раскладной. – Как там у дедушки Крылова? «Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» Изначально-то ведь это вы Анатолия обозвали. И ещё потом, разно-многократно. Плюс, непонятно по какому праву, посмели вслух перечеркнуть всё его будущее. Ну и с чего вдруг такая уверенность, что мой сын в жизни ничего не достигнет? Где неизбежные на то основания? Лишь само время единственно и сможет рассудить, насколько вы прозорливы. Разумеется, личное мнение на сей счёт вам никто не запрещает иметь. Но вместе с тем держите-ка его глубоко при себе! И – повторяю и акцентирую: зачинщиком конфликта явились именно вы.

Полякова при этих словах дёрнулась на стуле и слегка подалась вперёд, явно собираясь возразить. Но Раскладной протестующее поднял руку:

– Минуту! Само собой, я сына ни в коей мере не обеляю, однако его выпад хотя бы объясним. Он ведь как мог защищался. И уж простите за эту параллель, примерно тем же макаром, как от хулигана, избившего его и обобравшего. Затевающий бой без правил всегда рискует огрести обратку на столь же беспринципный манер.

– По-озвольте! – в бешенстве взвопила Алевтина Филипповна. – За эдакое оскорбляющее сравнение... Я на вас! В суд! Иск!

– Без возражений, – хмыкнул, согласно разведя руками, Раскладной. – Только приплюсуем к словесным оскорблениям, что вы при любых обстоятельствах также не были правомочны школьника, как преступника, за руку уцеплять и тащить волоком. Это, пардон, никому не понравится, потому вас и укусили. А что Анатолию ещё оставалось? Весовые категории разные, а чувство собственного достоинства, как и у любого другого, имеется. Вы же это чувство – через коридор, на виду у всех, волоком и в пыль растереть возжелали. Осознаёте?

Завуч повертел в руках толстый красно-синий карандаш, хмуро сунул его в гипсовый стаканчик с барельефным рисунком из ракушек.

– По справедливости если, так вы первая перед моим сыном извиняться должны, а уж он – следом. Только я уверен, что на это у вас мужества неостанет, хотя варварски нарушить каноны педагогической этики – пожалуйста. Так что вот вам моё предложение: забыть этот... м-м-м... схлёт – другого слова и не подберу. Тем паче что кроме нас троих о нём пока никто не знает и – со своей стороны могу вам твёрдо обещать – не узнает. Ну а с Анатолием у меня дома состоится более чем серьёзный разговор. И в чём он неправ, я ему сам подробно растолкую.

– Ни за что! – воинственно провозгласила Полякова. – Исключительно через педсовет! А за травму, – русистка ещё раз продемонстрировала уже побледневшие следы укуса, – он у меня отдельно ответит. Если надо, и до районо дойду! На сей раз сына, как обычно, не выгородите! Да!

– Архиглупо, – отреагировал завуч. – В таком случае вынужден буду поставить вопрос перед тем же районо, допустимо ли после содеянного вам заниматься педагогической деятельностью вообще.

– Вы... Вы его во всём покрываете! – задрожали шейные складки. – Используя слу-

жебное положение! А он уверен в безнаказанности за широкой отцовской спиной, вот и вытворяет... такое!!! Я, к примеру, специально детей в другую школу отдала. Уж меня никто не упрекнёт, что особые условия им создаю!

– Это сугубо ваше личное дело, – прокомментировал Раскладной. – А мне, знаете ли, удобнее, когда наследник под боком. На протезе-то далеко не разбежишься... Дочь, кстати, тоже у нас обучалась – и ничего, уже в люди вышла: институт окончила, работой довольна, прекрасная семья, сына-второклассника растит. Не отличник, но хорошист...

– Вы с больной-то головы на здоровую не переваливайте! – воинственно перебила Алевтина Филипповна. – Сейчас речь не о внуке, а о сыне вашем идёт. До сегодняшнего дня меня ещё никто и никогда в глаза Жабой не обругивал! Как у него только язык-то повернуться посмел?!

– А за глаза – в курсе? – жёстко спросил завуч. – Или, может, будете уверять, что впервые в жизни о своём прозвище от Анатолия узнали? Что вы сами-то ему заявили? «По заслугам и честь», так? Так и кушайте то же с маслом, никуда теперь не денетесь. И он от ему прилепленного... по крайней мере, пока аттестат не получит. И я с наклеенным ярлыком помру, хотя, мыслю, ну никак его не заслужил. Про три четверти других наших учителей, в ту же линию «маркированных», сейчас промолчим. Поймите: с этим просто надо научиться жить, не принимая близко к сердцу. Однако остаюсь при своём мнении, что для школьника услышать его прозвище из уст педагога, а ещё и классного руководителя, обиднее вдвойне и даже втройне, нежели наоборот. И руки нечего распускать! А теперь – скатертью дорога. Хоть в райком, хоть в обком, хоть на приём к министру образования!

«Тайну троих» сохранить-таки не удалось. Нетривиальный склест выкатился за школьные стены, и судачили о нём многие. Однако подробности разбирательств на директорском уровне и в районе широкой публике остались неизвестны. Достоверно лишь одно: вскорости Толика перевели в параллельный класс, в котором, отметим особо, Полякова не преподавала. И до самого выпускного бала подросток при встречах с бывшей классухой нарочито с ней не здоровался.

Время... Непреклонное бескомпромиссное время...

В тысяча девятьсот девяностом году Анатолий окончил Ярославское высшее военное финансовое училище, выслужив лейтенантские погоны, и был назначен на должность начальника финслужбы отдельного десантно-штурмового батальона.

Как раз тогда в России стартовала эпоха «горячих точек», и молодой офицер прошёл их не одну и не две, повидав на своём веку немало такого, о чём ещё долго не напишут открыто. В армии он получил и новое прозвище: Железный Финик.

После смерти его родителей – мать быстротечно съел рак, а немного погодя, тяжело переживавший кончину супруги, вслед за нею в мир иной ушёл и завуч-фронтвик – бывший Болтыш на малую родину не приезжал много лет...

Но вот однажды, по весне за несбывшимся концом света, вдова и пенсионерка со стажем Алевтина Филипповна Полякова, страдавшая от целого букета болезней и потому ведущая малоподвижный образ жизни, сподобилась выйти на прогулку, заодно желая и прикупить кое-какую продуктовую мелочёвку.

Доковыляв до главного райцентровского гастронома, женщина, вес которой вплотную приблизился к полутора центнерам, приостановилась, опираясь на клюку и астматично, с хрипотцой дыша. В эту минуту из дверей магазина вышел и спустился по облицованным клинкерной плиткой ступеням здания моложавый, но с густо се-

ребрящимися висками подполковник-десантник в фуражке-«аэродроме» с высокой тульей. Остановившись неподалёку от Поляковой, он поставил на асфальт серый дипломат, достал зажигалку и пачку «Парламента»...

Алевтина Филипповна скользнула взглядом по мужской фигуре в ладно пригнанной военной форме – и вдруг углядела коричневатую-красную родинку-лентиго на лице прикуривавшего. Аккурат на левой щеке. Присмотрелась повнимательнее... И сквозь толщу десятилетий внезапно проступил знакомый детский облик.

«Неужели он? Ведь определённо похож на отца!»

– Толя? – осторожно-полуутвердительно спросила бывшая учительница.

Подполковник, в свой черёд, затаенным прощупывающим взглядом нацелился на безобразно оплывшую сгорбленную старуху с рыхлым лицом, на котором сильно выделялись глазные впадины, а радужка самих глаз почти выцвела; с густо-морщинистой шеей, кажущейся утопленной в грудную клетку; с отёчными деформированными суставами пальцев рук и слоновьими ногами. Глубоко, жадно затаился. Рефлекторно дотронулся до приметной родинки. Наконец кратко, отчуждённо обронил:

– Да...

Подхватил дипломат. И стремительно зашагал прочь.

Конверт без обратного адреса

– Службу обозначаете! Былыми заслугами кичитесь! На них далеко не уедешь! – рубил воздух ладонью в такт хлётким «воспитательным» фразам командир учебного батальона подполковник Ушаков, распекая вытянувшегося перед ним в струнку подчинённого – командира учебной роты майора Ишова. – Лучшая рота! – брезгливо поморщившись, зло продолжил разнос комбат. – И лучшие сержанты, организовавшие лучшую ночную пьянку! Самоустроились от личного состава! Не живёте жизнью подразделения!

– Да я, товарищ подполковник, с них семь шкур... – вклинился было в критический монолог Ишов. Но – напрасно...

– Молчать! Молчать, пока я вас спрашиваю! – едва не подпрыгнул в кресле Ушаков от неуместного оправдания. – Меня пустые словеса не интересуют! С людьми работать надо! Кропотливо! Методично! Тогда и пьянок в роте не будет, и вообще ЧП! А сейчас – засучайте рукава и шагом марш немедленно наводить порядок в подразделении!

И комбат довольно расслабился в кресле после ухода подчинённого, промаршировавшего строевым шагом до дверей кабинета.

Из дверей ротный вылетел пулей, через строевой плац пронёсся снарядом, в казарму вломился гранатой с выдернутой чекой. «Взрыв» последовал незамедлительно...

Выходец из младших командиров, майор Ишов являл собой хрестоматийный типаж холерика, тяготеющего к психопату истероидного типа. По простоте душевной он сам однажды сознался комбату, что если не поорёт в казарме хотя бы раз за полдня,

то «зримо чувствует», как бразды правления уплывают у него из рук. Стоило же ротному самому попасть «на ковёр» к начальству – пусть даже не за чьи-то, а за личные прегрешения, – как офицер немедленно спешил передать испорченное настроение своим подчинённым (обходное защитное поведение), восполняя энергетические запасы особенно громкими криками и порой доходя до рукоприкладства. К тому же изначально низкая культура – Ишов воспитывался в семье хронического алкоголика – и почти полное отсутствие сдерживающих центров никогда не позволяли майору признать собственную неправоту перед подчинёнными, и даже самая невыгодная для него ситуация в таких случаях неизбежно и грубо выворачивалась им наизнанку.

Скажем, после «строгача» за опоздание на «тревогу» – а именно под её прикрытием Ишов и ночевал у любовницы – ротный моментально вывернулся на комвзводов и сержантов, их заместителей, обвинив всех скопом в нарушении порядка заправки солдатских постелей.

– Верхняя простыня должна складываться вдоль, а не поперёк, как это, оказывается, уже месяц вытворяется в роте! И я только сегодня узнаю! – никого не слушая, на повышенных тонах упрямо долдонил он.

Наконец удалось напомнить ротному про устное распоряжение командира части об изменении порядка заправки, однако Ишов растерялся лишь на секунду, а в следующую завопил:

– Да что вы все ко мне с этими ср...ными простынями поприцеплялись? Я спрашиваю: когда в прикроватных тумбочках будет наведён должный уставной порядок?

Его-то, по «рекомендации» комбата, Ишов и собирался сейчас наводить. Причём во всей казарме единовременно. И так...

«Взрыв» последовал незамедлительно. На головы наряда по роте обрушилась лавина ругательств: лексикон у ротного был небогат, но ярок.

– Почему, блин, дневальный на тумбочке не рапортует, а шепчет? Почему свободный дневальный, как сволочь, не стрижен, на ушах висит? Почему все опухли ото сна – к такой-то матери, заняться нечем? В казарме, блин, сплошная грязь, а они болтом груши околачивают! Почему пол ни хрена не намастичен? Бездельники! Скоты! Всех после наряда на «губу» засажу!

И по мере выплескивания бранных слов на солдат ротный вновь начинал ощущать себя великим руководителем, проникаясь осознанием собственной значимости: а как же – сто восемьдесят девять подчинённых, включая офицеров, и все обязаны беспрекословно ему повиноваться! – и цементировал щели в пьедестале царя и бога подразделения, который бесцеремонно пошатнул комбат.

Тр-рах! – слетел Ишов с этого пьедестала, поскользнувшись хромовыми сапогами на беспощадно намастиченном полу.

– Идиот! – чуть не с кулаками набросился майор на дежурного по роте, неловко поднявшись с желтоватых пахучих досок. – Чокнулись, блин, столько мастики в пол вгонять? Где экономия, мать вашу так?! А по тревоге побегут – друг друга покалечат?!

Наученный горьким опытом, ефрейтор молчал, с трудом сохраняя серьёзный вид, поскольку изнутри его распирала и смех, и желание напомнить начальнику более раннее его высказывание относительно мастики и пола. Майора же, снедаемого злостью, переполняло острое желание немедленно излить её на кого-то ещё, помимо наряда по роте, и он прорычал:

– А ну, кто ещё из бездельников в наличии?

– Так все ж в учебном корпусе, на занятиях, – осторожно ответственвал дежурный. – А старшина с каптёрщиком на вещсклад ушёл. Один Рязанцев в подвале паяет.

– Вот я сейчас проверю, какого хрена там этот Умелец наработал, – с угрозой не по делу пообещал Ишов.

Секунду помедлив, ротный быстрым шагом направился к лестнице, ведущей в подвал...

Рядовой Рязанцев в роте, да и во всей части, был единственным детдомовцем. Именно поэтому беседовали с ним, по прибытии вчерашнего призывника в подразделение, не только взводный, но и сам Ишов в паре с замполитом роты. Худощавый горбоносый солдат с асимметричным лицом и уныло опущенными уголками губ отвечал тоже уныло, односложно.

Найдёныш. Младенцем на задворках вокзала подобрали. Родители не объявились – отправили в детдом. Там фамилии воспитанникам иногда давали по названиям городов страны: Москвин, Калужцев. Так и он свою получил. Окончил восьмилетку – направили в строительное ПТУ. Выучился на маляра-штукатура, но может и другое: класть кирпичи, плитку, по-плотницки, электриком. Полгода работал на заводе, жил в общежитии. Потом призвали на срочную. Всё...

И лишь услышав от замполита глупейший вопрос – из серии обязательных на первой беседе с солдатом: чем собираешься заниматься после армии (это при сроке-то службы в неделю!), рядовой неожиданно оживился и стал рассказывать, что очень хотел бы иметь С в о й Д о м – то есть какой-то жилой угол, жену, детей и, естественно, работу. Только обязательно от нормы, чтобы можно было сверх неё сколько-то давать и за несколько лет как-то скопить на этот свой угол.

– Это ты про квартиру, что ли? – решил уточнить замполит.

– Не-е... Про частный угол, – разъяснил солдат. – Квартиры мне не дадут.

– Почему ты так думаешь? – удивился ротный идеолог.

– Я не думаю, – поскущел Рязанцев, и уголки его губ опустились еще сильнее. – Знаю. Мужики на заводе все так говорили. Мол, тебе, из детдома, да одиночке, ни в жисть не дадут. Женатому только и с блатом. А женишься – куда идти? К чужому на постой? Там дети пойдут... Не-е, свой угол заработать надо. Хоть комнатёшку...

– Ну и много детей-то в своём углу по «дембелю» настрогать распланировал? – с подковыркой поинтересовался Ишов, которому рядовой по неясным причинам, но сразу не поглянул, а замполит от такого вопроса недовольно поджал губы, однако смолчал: начальнику, да еще армейскому, замечания делать чревато последствиями.

– Не меньше как трех, – серьёзно, не почувствовав подковырки, заявил Рязанцев. – Не-е, может, четырёх?

– Дурное дело нехитрое, – язвительно усмехнулся ротный, некстати вспомнив своё собственное детство, щедро сдобренное колотушками, коими отец-алкоголик от души оделял будущего офицера и двух его сестёр, сроду не принося домой ни копейки. – Только потом-то чем рты прокормишь?

– Руки прокормят. А они – вот они, – протянул вперёд ладони рядовой. Уже загрубелые, в мелких шрамах и неожиданно крупные. – Не-е... Прокормлю. Говорю – повсякому работать могу.

– Это мы ещё проверим, – с долей скептицизма заявил Ишов. – Шагом марш к стар-

шине: в туалете плитка поотваливалась, пусть инструмент и фронт работы обеспечит. И смотри у меня... Умелец!

Но Умелец – как быстро и окрестили Рязнцева в роте – свои слова о «всякой работе» с блеском оправдал, и с тех пор старшина постоянно выдёргивал бывшего детдомовца с учебных занятий, будто морковку из грядки: разного текущего ремонта в подразделении круглый год хватало и перехватало. К наукам же военным, а в особенности к политподготовке, Умелец относился с завидным равнодушием. Зато лучше всех заправлял «кирпичиком» постель, даже быстрее и ловчее сержантов наматывал портянки, умело стирал и гладил «хэбэ», без малейшей тени отвращения убирался в свою очередь в туалете. И никогда за время службы на её тяготы и лишения никому не жаловался, как и вообще ни на что.

Был случай в первые дни службы: наглый здоровенный сослуживец из того же взвода стал отбирать у Рязнцева на обеде кусок хлеба – я, значит, не наедаюсь, а ты тощий, обойдешься. Так здесь детдомовец на открытый конфликт не пошёл, а часть пайки компенсировал своеобразно: стал подходить к хлебрезочной уже после еды и просить вроде как добавку – горбушку. На третий день женщина-хлебрезка показала постоянного попрошайку дежурному по части, и тот вычислил, из какой роты рядовой, передав информацию замполиту подразделения. Будучи искушенным в солдатских взаимоотношениях, офицер отследил неуставную ситуацию и жёстко пресёк её раз и навсегда.

После разборки в канцелярии роты солдат-здоровяк сунулся было в курилку к Рязнцеву – со своей разборкой: настучал, гад, значит! На что Умелец резонно возразил:

– Не-е... Я в жизни никого не закладывал! А вот ты – тормоз. Пайку-то мою при всех, наглаком, отнимал. А шакалы – они ж тоже не слепые. Тебя и взяли за задницу.

Но при крайних обстоятельствах детдомовец готов был принять бой.

Как-то его окликнул старослужащий из музввода:

– Эй, сюда! Я не понял, солдат! Бегом! Ты чё, блин, туго всасывашь? – И несильно, больше для порядка, одной рукой ударил Умельца в грудь, а другой протянул ему свои грязные портянки: – Вечером прихожу в казарму и удивляюсь: они уже чистые и выглажены!

– Не-е... – не взял портянок молодой солдат. – Я тебе не чмырь!

– Ты чё, салага, совсем охренел? – ухватил Рязнцева за ворот музыкант. – Чё, службу, блин, не понял?

Но детдомовец, накрыв его ладонь своей, неожиданно ловко вывернул кисть старослужащему и оторвал её от кителя. После чего только и ответил:

– А чё ж тут непонятного? «Деды», как ты, и в ПТУ были. Навалом. Тоже слабых повсякому трахали.

– Так ты сильный, блин, да? Тогда готовься – ночью подыдем; за базар, душара, отведишь! – пригрозил разозленный музыкант и собрался было уйти, отложив расправу над взбунтовавшимся наглецом до поры до времени.

Но тут Рязнцев его остановил:

– Не-е... Ты не убегай... Толпой-то вы мне по бороде быстро настучите – и разговора нет. Только я с тебя одного потом спрошу.

– Это как, салага? – даже развеселился музыкант. – Ну-ка, не понял...

– А просто, – пояснил Умелец. – Половинкой силикатного кирпича по «чердаку». У меня в ПТУ один крутой раз стипуху отнял, ну я ему назавтра полбашки и снёс. Три

месяца в «травме» отдыхал. А бил сзади – оно таким макаром вернее. И учти: я своё слово всегда держу!

– Ты чё, опупел, что ли? – пошёл на попятную «дед». – Тебя ж тогда посадят...

– Не-е... Замнут для ясности. Как в ПТУ. В случае же чего – тюрьма ли, армия, детдом – мне всё едино. Везде своя камера, казарма или там спальня на десятерых. Подъём-отбой, невкусная жратва по распоряжку. И без зарплаты... Не-е, мне терять нечего. А вот тебе...

Обескураженный музыкант молча убрался восвояси, и больше детдомовца никто под себя поднять не пытался.

С тех пор Умелец довольно счастливо и легко (на его взгляд) продолжал тянуть лямку солдатской службы – то подштукатуривая казарму, то беля ее изнутри, то ремонтируя нехитрую «военную» мебель: табуреты в спальном помещении, стулья и столы в ленинской комнате. В последние же дни переквалифицировался в электрика, изобретая пульт для дневального, где мыслилось свести воедино тумблеры тревожной сирены, вечернего и дежурного освещения, различных световых табло – формы одежды, уличной температуры – плюс туда же подключить телефон.

С паяльником в руке Рязанцев мараковал над замысловатым пультом в подвальной комнате-мастерской роты, а в это время в казарме, наверху...

Секунду помедлив, ротный быстрым шагом направился к лестнице, ведущей в подвал. Перейдя через порог примитивной мастерской, из потолка которой там и сям торчали водопроводные и канализационные трубы, а меж ними, посередине помещения, чужеродно нависала лампа дневного освещения, Ишов сразу углядел на самодельном столике, перед увлечшимся работой рядовым, початую водочную бутылку. Из горлышка поллитровки вился какой-то слабый дымок, но на эту деталь офицер внимания не обратил: вся его злость за ночную сержантскую пьянку, «разбор полётов» в кабинете комбата и дурацкое падение в казарме мгновенно выплеснулась в не контролируемый разумом поступок.

Ишов рванулся к бутылке с водочной этикеткой, словно взбешенный бык к красной тряпке, ухватил поллитровку ближе к дну и со словами: «Ага, сука, и ты такой же!» – резко плеснул содержимым стеклотары поперёк лица удивлённо поднявшего голову рядового. Плеснул и тут же доплеснул ещё раз.

– А-а-а-а! – дико закричал Рязанцев, обхватив ладонями лицо. – А-а-а-а!

– Э-э, ты чего? – опешил Ишов и тут же испугался, замер, поняв, что и м е н н о он натворил.

В бутылке из-под водки была концентрированная соляная кислота. Ротный сам же её и принёс в этой самой стеклотаре, выпросив несколько дней назад в лаборатории горюче-смазочных материалов учебного полка. Из ядовитой техжидкости, растворяя в кислоте цинковые стружки, готовили необходимый для пайки хлористый цинк.

– Ну, ну, – засуетился вышедший из ступора Ишов, безуспешно пытаясь успокоить не перестававшего голосить, и всё старался оторвать его плотно прижатые к лицу ладони от обожжённых мест и выяснить, не попала ли кислота в глаза.

Химический ожог быстро дал серый, плотный на ощупь обширный струп, широкой полосой проходящий под глазными нишами, через переносицу. Брызги кислоты разлетелись и по лбу, и по щекам рядового. Облегченно вздохнув наконец – глаза у него вроде не пострадали, – ротный потянул Рязанцева наверх, в казарму, к умывальнику.

– Ну, ты чего? Сейчас промоем – и всё будет нормально, – уговаривал Ишов. – Ну, ведь не больно уже, правда?

– Не-е... – наконец отозвался солдат. – Жжёт. Сильно...

– Сейчас, сейчас, – и майор приказал дежурному по роте звонить в санитарную часть, старшему врачу полка.

Минут через двадцать медицинский «уазик» увёз пострадавшего в гарнизонный военный госпиталь, в кожное отделение. Там обожжённое кислотой место быстро обработали слабым щелочным раствором и обильно смазали жидкой мазью с антибиотиками.

– И как же тебя угораздило? – спросил потом у Рязанцева хирург.

– Не-е... Это не я, это ротный. Из бутылки плеснул. Ни с того ни с сего. А там – кислота, – пояснил детдомовец.

– Он что, с ума сошел? – возмутился военврач.

– Да ладно, – примирительно махнул рукой Рязанцев и полуутвердительно спросил: – До свадьбы-то ведь заживет? – И тут же поморщился: – Жжёт все-таки ещё.

– Иди в палату, ляг на спину и постарайся заснуть, – посоветовал хирург, обходя вопрос о свадьбе. И взялся за телефонную трубку – сообщить руководству госпиталя о неординарных обстоятельствах травмы вновь поступившего больного.

Рядовой же, внутренне почувствовав неладное, впился в глаза врачу вопрошающим взглядом:

– Так у меня лицо заживет? Следы несильные останутся? Не-е, мне со следами никак нельзя, да?

Но хирург, ничего не ответив по сути, заторопил медсестру:

– Уводите, уводите больного...

Вот так, впервые за свою недолгую жизнь, Умелец оказался в достаточно комфортных условиях небольшой госпитальной палаты...

– Проходите, присаживайтесь, – произнёс пасмурно-официально, указав Ишову на стул в торце длинного стола в своём кабинете, командир полка. Его заместители и старший врач части, присутствовавшие тут же, старались с проштрафившимся офицером взглядами не встречаться.

– Я давно замечал, товарищ майор, – ровным, бесцветным голосом заговорил комполка, – что ваши методы укрепления воинской дисциплины порой выходят за рамки уставов. Заметьте: учитывая личное рвение к службе и стабильно высокие показатели подразделения, вам многое прощалось. Да и защитник всегда был – ну прямо отец родной, – кивнул полковник в сторону потупившего взор комбата, – он же и учитель. Зря, что ли, во время оно в его взводе сержантом и начинали? Только чем закончили? Горькими плодами рукоприкладства, которые пожинать теперь всей части придётся? Да вы хоть соображаете, товарищ майор, что совершили уголовное преступление и скоро будете беседовать со следователем военной прокуратуры?

– Да не знал я, клянусь, правда не знал, что там не водка! – мрачно пробурчал Ишов, и сам прекрасно понимая шаткость этого аргумента.

– А следовало б поинтересоваться... – комполка сделал ударение на глаголе сослагательного наклонения. – Кстати, пусть даже в бутылке действительно оказалось бы спиртное, а солдат пьян, и это ещё не повод и не право выплескивать алкоголь в физиономию нарушителю воинской дисциплины: дисциплинарный устав предусматривает достаточный перечень законных мер-взысканий. Так что отвечать будете по всей

строгости закона – я уже и военному прокурору суть ЧП доложил.

– Так сразу? – Комбат тяжело оторвал взгляд от полированной столешницы. – А может, можно было... как-то... – и изобразил недвусмысленный жест, перекрестив над столом руки и быстро их разведя.

– Нет, нельзя, – спокойно возразил полковник и кивнул старшему врачу части: – Объясните.

– При средних и тяжких телесных повреждениях – скажем, когда у военнослужащего сломана челюсть, пробита голова или, как сегодня, серьёзный химический ожог, руководство госпиталя обязано поставить в известность военную прокуратуру, – буднично сообщил тот. – Её сотрудники проводят соответствующую проверку, и далее, по результатам последней, не исключается возбуждение уголовного дела. Наше шило в мешке никак не утаишь – оно налицо и на лице, так что товарищ полковник абсолютно прав в своём решении превентивно поставить в известность прокурора о... хм... ну, в общем, понятно. И ещё. По наружным химическим ожогам я, конечно, специалист небольшой – наши пациенты чаще всякой дрянью внутренне травятся, – но ныне разговор особый. От обширного попадания на кожу концентрированных неорганических кислот лечатся месяцами, и тем не менее на теле навсегда остаются заметные рубцы. По науке и уголовному кодексу – неизгладимое обезображивание лица...

Минуту молчания нарушило шумное астматическое дыхание заместителя командира полка по МТО, и он быстро достал карманный ингалятор, жадно вдохнул порцию аэрозольной смеси. До Ишова наконец-то дошла вся серьёзность его положения с переспективной попадания на скамью подсудимых, и майор-холерик, набычившись, вдруг вскочил со стула и с отчаянной жестикуляцией, на повышенных тонах, зачастил:

– Это что же мне теперь, из-за какого-то, значит, подкидыша... – и на секунду загнулся... – в тюрьму идти? В благодарность за все пятнадцать лет, что из сапог да из роты не вылезал? По-русски ж говорю: почём я знал!

– Молчать! – слегка приподнялся в кресле комполка. – Вам слова никто пока не давал! Что за хамство, товарищ майор?! Вот они, сержантские замашки в действии! Подкидыш! Да для суда какая разница! Ладно, сядьте пока да помолчите...

– Офицеру в руках себя держать уметь надо, – басом прогудел зам-астматик, наконец отдышавшись. – А ты бутылкой махал – не думал, а теперь как паршивый кот: нагадил, и в кусты сбежать захотелось? Не по-мужски, не по-мужски...

– Анатолий, прекращай истерику! – сказал начальник штаба полка, пристукнув ладонью по столу. – Знал, не знал – не о том сейчас речь.

– О чём же? – вступил в разговор замполит полка, меж тем как Ишов медленно, горбясь, опустился на неудобный стул.

– О том, как из создавшегося положения достойно выйти, – пояснил начштаба. – Закон законом, но он ведь, по поговорке, что дышло... Да и с прокурором... Он, я в курсе, заядлый охотник. Вот выезд ему с обеспечением по полной программе и организовать. Когда у нас там сезон-то открывается?

– Сомнительно... – качнул головой комполка. – Впрочем, вы его лучше меня знаете, так что вам и карты в руки: честь мундира в любом случае попытаться спасти надо.

– А солдата? – вспомнил о пострадавшем замполит.

– А что солдата? – отозвался начштаба. – Подлечат его в госпитале – специалисты-кожники там хорошие...

Старший врач части беспокойно побарабанил пальцами по столу.

– Товарищи офицеры, вы, видимо, не до конца меня поняли...

– Отставить! – голосом и жестом остановил его комполка. – Напротив, всё понятно и солдату можно только посочувствовать. В отличие от другого нашего «героя». Эх-х! Моя бы воля – в порошок растёр... – И полковник леденяще уставился на виновника экстренного совещания. Больше на нём выражение «неизгладимое обезображивание лица» никто не употреблял.

Вот так, впервые за свою недолгую жизнь, Умелец оказался в достаточно комфортных условиях небольшой госпитальной палаты. Если бы только быть уверенным в благополучном исходе лечения! И тогда – беспокоиться больше не о чём: кормят нормально, спать дают вволю, в домино и шашки играть можно, а телевизор – в соседней палате. Чего ещё желать? Лишь бы лицо...

Лицо добросовестно обрабатывали жидкой серой мазью. Детдомовец было любопытствовал, из чего она делается, но, услышав незнакомые слова – «ферменты» и «гормональная терапия», – махнул рукой: мол, ладно, вы своё дело знаете...

Однако через несколько дней лечения внимание к Рязанцеву стало ослабевать (оно, впрочем, и понятно: появились новые пациенты), хотя в перевязочную солдата вызывали регулярно. Сам Умелец теперь подолгу простаивал перед зеркалом, рассматривая ставший багрово-сизым струп, на ощупь остающийся твердым. Нет, зеркало отражением не радовало.

Дважды к детдомовцу наведывался следователь военной прокуратуры, дотошно расспрашивал о происшедшем. Даже задал идиотский, на взгляд рядового, вопрос: а не возводит ли Рязанцев напраслину на начальника, не опрокинул ли нечаянно на себя ядовитую техжидкость сам?

– Не-е... Что ж я – дурной, себе лицо травить? – яростно запротестовал солдат и даже головой несколько раз отрицательно мотнул. – Это товарищ майор. Бутылку с кислотой сам принес, а потом забыл. И вообще: упади бутылка – ну, руку бы обжёг. Не-е... – И без всякого перехода сменил тему: – А товарищу майору что будет? Ведь он же это... как его... рукоприкладство, ага?

– Разберёмся, – туманно пообещал следователь-капитан.

...Рядовой Рязанцев и не догадывался, что вокруг него плетется заговор...

На двадцатый день явно незавершённого лечения, несмотря на протесты начальника кожного отделения, Умельца из госпиталя выписали – по личному распоряжению его начальника.

– Будешь долечиваться у нас в санчасти, а потом амбулаторно, – неохотно пояснил старший врач части, приехавший за рядовым.

– Это как? – не понял тот.

– В санчасть из роты ходить, – допояснил офицер. – Помолчал и ещё добавил: – Ну, это потом, а пока ещё в палате полежать придётся...

Обширный химический ожог заживал плохо, гноился, мок. В санчасти вечно не оказывалось на месте дежурной сестры, а новую порцию мази забывали приготовить. К тому же вокруг лечебного учреждения кругами ходил старшина роты, вымаливая Умельца «ну хоть на часок», потому как «в подразделении сплошной завал», и диалоги старшего прапорщика и старшего врача учебного полка порой доходили до выражений, которым мог позавидовать даже майор Ишов.

Словом, прошло дней десять – и Рязанцев стал ощущать, как кожа под глазами стягивается, а сами глазные щели начинают деформироваться.

Именно тогда детдомовец впервые серьёзно обеспокоился за будущее собственного лица. Вынимая из кармана синей пижамы восьмигранное зеркальце и критически вглядываясь в него, он со страхом отмечал, что...

Правая глазная щель расширилась, почти округлилась.

Левая, напротив, сузилась до щелевидной формы, словно у наций Востока.

Переносицу, в центре горбинки, пересекал глубокий и толстый рубец.

Рубцы поменьше и многочисленные точечные поднимались высоко на лоб и пятнали щеки.

Какое счастье, что Рязанцев хотя бы успел, когда Ишов плеснул в него кислотой, инстинктивно зажмуриться и сохранил глаза!

И тем не менее Умелец хотел и продолжал верить, усиленно убеждая себя, что со временем следы химического ожога в большой мере сотрутся, загладятся.

Верил – пока не произошел инцидент в курилке...

Как и многие его сослуживцы, детдомовец страдал известной пагубной привычкой, отравлявшей легкие: приучился к сигарете еще в ПТУ, а позднее, работая на заводе (деньжата там появились поболее стипендии), уже дымил весьма основательно. В армии, на солдатском семирублевом денежном довольствии, которое к тому же постоянно реквизирировал на корню старшина – на приобретение утюгов, спортпринадлежностей, ткань для подворотничков и много иного, – с куревом у Рязанцева дела обстояли куда хуже. Так что на первых месяцах службы, в редкие минуты отдыха, Умелец чаще всего скромно подсаживался в уголок курилки, где остальные солдаты делились новостями из писем и разглагольствовали о райской жизни после «дембеля», при сём щедро изничтожая табачные изделия, и молча ждал.

Ждать он умел.

И порой его угощали целой сигаретой или оставляли солидный бычок – окурков Рязанцев не подбирал и из чувства своеобразной гордости сам сигарету никогда не просил. Но – не всякий раз фартило – порой безденежному солдату приходилось «натощак» слушать разговоры о Д о м е, которого в роте, да и во всей части, не было только у него одного.

...Взращенный без семейного очага и ласки порой всю жизнь потом чувствует себя ущербным...

В госпитале Умельцу с куревом было проще: многие офицеры, узнав о его несчастье, отмеченном на лице, охотно оделяли рядового сигаретой-другой, а вот в санчасти пришлось бы совсем худо, если бы только старшина роты не выдал Рязанцеву его «кровные» рубли – дендовольствие за прошедший месяц, освободив от какой-то очередной дани. Впрочем, эти невеликие деньги закончились как раз перед выпиской и возвращением в подразделение.

А накануне, на одном из построений роты, Ишов сам предупредил весь личный состав: «Если только какая б... на Рязанцева пальцем покажет, или обзовет, или вообще – лично, вот этими руками придушу!» Увы, «отеческий» совет дошёл не до всех: четверо самых крепких солдат в тот день втихую были посланы на мясокомбинат, зарабатывать колбасу для дня рождения комбата, и в казарму возвратились только к вечерней поверке.

Через сутки же один из этих крепких – тот самый здоровяк, который в начале при-

зывает какое-то время отбирал у детдомовца хлеб, – похвалялся в курилке:

– Перед самой армией я отцу как следует рожу наквасил, когда он в очередной раз домой «на рогах» приполз. Ох и мордовал: за всё сквитался! И приду домой – с порога опять сразу неслабо в пятак получит! Пусть, гад, привыкает, кто теперь в доме будет хозяин!

– Не-е... Какой ты хозяин, – неожиданно для всех вдруг прервал угрожающий монолог здоровяка Рязанцев. – Тут родителя-то отдубасить маловато... Ты вот сначала С в о й Д о м займай... – И мечтательно добавил: – Эх, если бы у меня отец был... Любой, какой-никакой, я б его никогда и пальцем не тронул.

– Ну ты, подкидывай! – неожиданно взорвался в ответ на укор здоровяк. – Ты гля, как он хайло разинул! Твое дело сиротское: получил в рожу кислотой – и сиди, помалкивай!

– Ты чё, офонарел? – ткнул его в бок сосед-ефрейтор.

– Он и так ни за что пострадал, – заступился за Рязанцева ещё один солдат. – И вообще, разве не слышал, что ротный сказал...

– Да клал я, кто там чего сказал! – не дослушав, перебил защитников Умельца вконец разозленный здоровяк. – Ни за что, говоришь? А вот не хрена было по подвалам отсиживаться! В «учебке» – учишь, а то ишь, хитрозадый, пригрелся под боком у старшины! И туда же: отец! У него! Пальцем не тронул! Зато мой предок чуть что – за ремень и годами не просыхал! Да я б такого родителя... – И окончательно добил детдомовца внезапной фразой: – А ты и сам-то теперь отцом навряд ли будешь!

– Это ещё почему? – тихо спросил Умелец.

– Это ещё потому, как суродовали тебя – пусть и зазря, но до гроба, а за такого страхоидола... Да ну ни одна дура зрячая не пойдет! – выплеснул всю злобу здоровяк и замолчал, поняв, что явно хватил лишку.

Молчали и остальные солдаты, перекрестив взгляды на Рязанцева. Детдомовец медленно поднялся с лавочки и, сутулясь, тоже не сказав ни слова, с безвольно повисшими руками, побрел из курилки.

Из страха перед командиром роты все свидетели растоптанной мечты о Д о м е впоследствии долго об услышанном и увиденном не распространялись.

Рядовой Рязанцев и не догадывался, что вокруг него плетется заговор. Со стороны солдат – пока неосознанный, а вот со стороны офицеров...

Через день после того памятного для детдомовца эпизода в курилке, его вызвали в военную прокуратуру гарнизона.

В кабинете следователя-капитана, который некогда беседовал с рядовым в госпитале, над рабочим столом висели рядышком портреты двух Ильичей. Под ними важно восседал хозяин помещения, для солидности густо обложившийся всякими бумагами. Рязанцев осторожно примостился на полумягком стуле по правую руку военного юриста. Слева от него, напротив Умельца, рядом уселись майор Ишов, комбат и заместитель командира полка по политической части.

– Товарищи офицеры, товарищ рядовой! – начал отретпетированную речь следователь. – Напоминаю вам, что восьмого августа сего года, по телефонному сообщению из гарнизонного военного госпиталя о факте причинения военнослужащему телесного повреждения была назначена прокурорская проверка и возбуждено уголовное дело. В результате проведённого мною расследования было установлено, что в тот

день, около десяти ноль-ноль, командир учебной роты майор Ишов А.Н., находясь в подвальном помещении подразделения, выплеснул в лицо своему прямому подчинённому, рядовому Рязанцеву С.И., около ста пятидесяти миллилитров концентрированной соляной кислоты, открыто содержащейся, в нарушение установленного порядка хранения ядовитых технических жидкостей, в стеклянной бутылке с водочной этикеткой. Тем самым рядовому Рязанцеву был причинён обширный химический ожог верхней части лица, без ущерба для зрения. Впоследствии пострадавшего госпитализировали, и он находился на излечении в кожном отделении гарнизонного госпиталя в течение двадцати суток, после чего был признан годным к дальнейшей строевой службе без ограничений. Учитывая, что действия майора Ишова, виновного в причинении рядовому Рязанцеву химического ожога, вызвавшего впоследствии временную потерю трудоспособности, были совершены по неосторожности, то есть без прямого умысла, поскольку офицер не предполагал наличия в бутылке ядовитой технической жидкости, а стало быть, не преследовал цели унижения достоинства подчинённого и причинения ему увечья, упомянутые действия подпадают под статью 114 Уголовного кодекса РСФСР «Неосторожное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение», а так как период временной нетрудоспособности составил двадцать суток, то есть по продолжительности длился менее трех недель, химический ожог в данном случае следует отнести к категории менее тяжких телесных повреждений, за которые пункт второй вышеназванной статьи УК РСФСР предусматривает наказание исправительными работами на срок до одного года или общественное порицание...

Следователь выдержал паузу – опять-таки для солидности – и закончил речь:

– Однако, учитывая положительные характеристики командира учебной роты и ходатайство командования части, военный прокурор гарнизона счёл возможным не привлекать майора Ишова к уголовной ответственности, но применить в отношении него меры общественного воздействия, направив постановление о прекращении уголовного дела в войсковую часть, где проходит службу офицер, для принятия решения по этому делу коллективом офицеров на суде офицерской чести.

Ещё следователь пояснил, теперь уже обращаясь к Рязанцеву лично, что если тот не согласен с постановлением о прекращении уголовного дела, то вправе подать жалобу по инстанции.

Нет, не в характере детдомовца было кому-то и куда-то плакаться, хотя главное он уловил: за его изуродованное лицо ротный никакой ответственности, по сути, не понесёт. Однако неоднократное рассматривание не заживших ещё до конца шрамов и отталкивающе-безобразных глазных ниш настроило Умельца отнюдь не на лирический лад, и он решительно обратился к капитану:

– Не-е... Это, выходит, мне тоже можно в любого кислотой брызгать – и ничего? Ага?

На что следователь поморщился и нехотя ответил:

– Ну, я же уже объяснил: всё решит суд офицерской чести.

...Суд офицерской чести ходатайствовал перед командиром полка об объявлении майору Ишову неполного служебного соответствия занимаемой должности. Выписка из приказа была официально вручена рядовому Рязанцеву в кабинете комбата.

Через две недели новым приказом командира полка «за высокие показатели в воспитании личного состава и большой вклад в наращивание материальной базы подразделения» проштрафившегося командира роты поощрили, сняв ранее наложенное взыскание.

В тот же вечер Ишов в канцелярии громко орал, по-всякому костеря Умельца, напроць отказавшегося от очередной ремонтной работы и заявившего, что намерен в дальнейшем посещать все учебные занятия. В конечном итоге ротный объявил строптивому подчинённому два наряда вне очереди: «за пререкания и нетактичное поведение со старшим по званию». Через сутки в подразделение зашёл комбат и, узрев детдомовца на месте очередного дневального, тут же устроил Ишову страшный разнос за то, что «дневальный на тумбочке – лицо подразделения, а ты, мать твою растак, урода на неё додумался засунуть!»

При этом подполковник не обращал внимания на открытую дверь из канцелярии в холл, где стоял сам «урод», и вовсе не старался снизить тон.

Дальше Умелец был обречён «летать» по нарядам, посыпавшимся на него как из рога изобилия: найти повод для наказания Ишову не составляло проблем, – и на долю детдомовца, как правило, доставалась самая тяжёлая и грязная работа.

Попытки майора Ишова сплавить куда-нибудь подальше рядового, один вид которого вызывал у ротного душевный дискомфорт, неожиданно натолкнулись на жёсткий запрет командира учебного полка.

– Даже и не мечтайте, – прищурился на секунду глаза, заявил он, когда Ишов и комбат сунулись было к полковнику с просьбой перевести детдомовца в другую часть. – Он у вас так до увольнения в запас и будет дослуживать – каптенармусом или ещё кем, найдём. Лицезрейте, товарищ майор, ежедневно творение рук своих и не забывайте, что по вас три статьи Уголовного кодекса плачут: за ненадлежащее хранение ЯТЖ, за оскорбление насильственным действием подчинённого и за умышленное тяжкое телесное повреждение, выразившееся в неизгладимом обезображивании лица. Или что – ребёнок, не понимаете, что следовательно по указанию военного прокурора комедию ломал? А уговорить начальника госпиталя выписать пациента с недолеченными тяжелейшими химическими ожогами? А то, что старший врач части на подлог пошёл: документально лечения в санчасти не оформлял? Идите, и не дай бог я когда-нибудь услышу, что вы вашего «крестника» в чём-то ущемили! Вы ему жизнь сломали, так я сломаю вам! И чтобы по этому вопросу больше никаких разговоров! Всё ясно? Свободны!

После эдакой командирской тирады Ишов стал значительно осторожнее цепляться к Умельцу, зато распивавшую его злобу частично перенёс на весь личный состав роты, ещё более нещадно придираясь ко всему и всем. И солдаты это быстро почувствовали.

Вокруг детдомовца постепенно образовался вакуум общения. Никто не обращался к нему больше, кроме как по неотложной служебной необходимости. Никто не хотел делиться сигаретой. Никто не желал поддержать беседу о Д о м е – единственную мечту обделенного жизнью о послеармейском будущем. Даже командир взвода почти не опрашивал Умельца на занятиях. Даже старшина роты перестал без острой нужды пускать его в кладовую, ранее облагороженную мастеровитыми руками рядового.

А однажды утром, перед разводом на учебные занятия, к Ишову обратился сосед Рязанцева по койке: в казарме они в спальном помещении располагались сдвинутыми попарно.

– Товарищ майор, переведите меня куда-нибудь от этого урода, – попросил солдат. – Ну, каждый день при подъёме, да и вообще, невольно эту страшную рожу видеть...

И сначала заочно, а затем и в глаза Умельца перекрестили в Урода, совершенно искренне уверовав, что все беды в подразделении именно и только от него...

Изменение внешности и перемена отношения к нему сослуживцев и ротного начальства вызвали у Урода закономерную перемену в отношении себя. Первым признаком этого болезненного процесса стал первый воровато поднятый с одной из асфальтированных аллей части окурков. Теперь Урод собирал их, сначала стесняясь, а потом и открыто. Выкуривал же в одиночестве, облюбовав себе место в дальнем углу военного городка, под кустами за мусорной кучей.

Бог знает о чём размышлял детдомовец, уединяясь ото всех в вечерние часы. Он уже не стремился следить за образцовой заправкой койки и чистотой одежды, по два дня не подшивал новый подворотничок, за что неоднократно принимал в свой адрес ругань старшины роты и командира взвода, Ишова и солдат-сослуживцев. Урода все они постепенно привыкали ненавидеть...

Выпускные экзамены в учебном полку по времени совпадали с серединой осени – «унылой порой, очей очарованьем». Однообразная монотонная жизнь в казармах заметно оживилась: уже известны были «хорошие» и «плохие» места, куда будут отправлять выпускников «учебки» для дальнейшего прохождения службы. И теперь солдаты вели бесконечные беседы на темы: «вот бы хорошо было попасть поближе к дому» или «здорово бы к родителям хоть на сутки по пути заскочить».

Урод слушал эти разглагольствования отрешённо: свою дальнейшую армейскую судьбу – каптерщика в роте Ишова, до самого дня «дембеля», – он давно знал. Да и какой там из него был бы младший специалист, если половину времени обучения он ремонтировал казарму и лежал в госпитале и санчасти, а всю вторую половину «пролетал» из наряда в наряд.

Восьмигранное зеркальце детдомовец давно выбросил в туалет, а в бытовую комнату, где кругом висели большие настенные зеркала, старался заходить как можно реже, и если уж заходил – погладиться там или подшиться, – то на лицо свое совсем не глядел и радовался, что изуродованные щеки пока не знают бритвы. Но если подобным образом Урод и обманывал себя, то скрыться от взглядов сослуживцев он никак не мог.

...В тот вечер накануне последнего солдатского экзамена Ишов вновь заткнул Рязанцева в наряд по роте. Сам же допоздна засиделся в канцелярии: зашился с бумагами. И перед вечерней поверкой вышел в холл казармы, лелея тайную мысль: «оторваться» на ком-то из подчинённых, чтобы вновь поднакопить растраченную за день энергию. Скажи кто майору, что он – «грязный» энергетический вампир, тот бы очень удивился. Сарказм судьбы: на глаза ротному первым попался именно рядовой Рязанцев, убиравшийся в бытовой комнате. Урод и в зеркало-то вовсе не смотрел, но протирали полировку его рамы. Протирал-протирал да и остановился на минутку передохнуть, и как раз в эту минутку в бытовку заглянул Ишов. Гневу ротного не было предела.

– Ты! Урод хренов! – завопил майор. – Ты, сука, долго ещё будешь морду свою по зеркалам изучать? Что, служба, блин, медом кажется, от безделья исстрадался? Или, может, жениться в роте вздумал – дом, дети, в казарме угол отдельный отгородить? Живо, скотина ленивая, тряпку в руки!

Помолчал, наблюдая, как детдомовец трудится, протирая полировку, и добавил, со смаком выговорив слово:

– Урод!

– Не-е... Это вы сами меня им и сделали, – звеняще тихо произнес Рязанцев, застыв с тряпкой в руке, и Ишов вдруг разглядел, с какой лютой, неугасимой ненавистью через зеркало смотрят на него из изуродованных глазных ниш блестящие глаза солдата. Безобразное лицо его побагровело, а глубокий, идущий через переносицу шрам побелел. От двери майор даже усмотрел, с какой страшной силой сжала влажную тряпку большая ладонь рядового: на пол часто закапала вода.

– Ладно-ладно, – пошёл ротный на попятную, вспомнив обещание комполка в отношении «крестника»: кто его разберёт, полковника, а вдруг перерешит да и отдаст прокуратуре на растерзание, – тебе же по-русски разъяснили: без умысла все случилось, нечаянно... – и осторожно притворил дверь в бытовую комнату.

Офицер-холерик не мог знать, что именно в тот момент, когда Рязанцев услышал из уст виновника его трагедии смачное оскорбление, в сознании солдата мелькнула мысль о суициде. Но как только детдомовец на мгновение представил себя висящим, с высунутым языком, в петле под потолком туалета, солдата передёрнуло, и он подумал: «Не-е... Почему я?»

...Через полчаса, сразу после окончания вечерней поверки, Урод постучался в дверь канцелярии роты.

– Какого ещё? – недовольно отозвался уже было собиравшийся домой Ишов.

Обезображенный солдат вошёл и молча прикрыл за собой дверь.

– В чём дело? – нахмурился ротный: визит Урода его подспудно беспокоил. – Не видишь, я занят!

– У нас в детдоме говорили, – разлепил губы Рязанцев, не спеша приближаясь к Ишову, – говорили, товарищ майор... – И вдруг выхватил из ножен на пояском ремне штык-нож, обязательный атрибут дневального по роте, и резко ударил офицера в грудь, метаясь в сердце. Под треск разрываемых тканей Урод закончил фразу: – За нечаянно бьют отчаянно!

– Да, я хотел убить ротного, – сразу сознался детдомовец на допросе у уже знакомого следователя военной прокуратуры. – Не-е, не раскаиваюсь. Наоборот, жаль, что не убил. А за что – сами знаете...

...Когда Урод замахнулся штык-ножом, Ишов стоял возле своего рабочего стола и частично сумел среагировать, начав уход от удара. Холодное оружие вначале скользнуло по кости, но затем глубоко воткнулось наискосок и вниз, посреди груди. Офицер упал на колени и истерично завизжал. Нет, в канцелярию не сунулась ни одна живая душа: мало ли что взбрело в голову полоумному начальнику! Собственные нервные клетки дороже.

Урод отпустил рукоятку штык-ножа, за которую тут же ухватился коленопреклонённый майор, силящийся вытащить клинок из собственного тела. Солдат помолчал, наблюдая за офицером, и повторил, со смаком выговорив слово:

– Отчаянно!

...И судил рядового Рязанцева военный суд за попытку умышленного убийства через подготовку к нему. И получил детдомовец от щедрот военных юристов семь лет лишения свободы.

– За нечаянно бьют отчаянно! Семь лет! Ну и дурак! – усмехался выписавшийся из госпиталя майор Ишов в кабинете комбата. Но тот радости лучшего ученика и под-

чинённого отнюдь не разделял.

– Считаешь, дёшево отделался, да? Всё ранением своим решил? Рано в литавры бьёшь: ты ещё этого фрукта увидишь. Мыслю, он и через семь лет тебя достанет. Хотя...

– Да ну, ерунда, – отмахнулся Ишов. – Тоже мне, Монте-Кристо из него делаете.

– Это ты ситуацию сам до пиковой довёл, – возразил комбат. – А мы ещё и помогли. Думать надо было...

– Поэт сказал про армию: «Не надо думать, с нами тот, кто всё за нас решит», – попытался свести разговор к шутке Ишов.

– Вот уж в корне не согласен, – пожал плечами комбат.

– Ладно, чего уж теперь, – вздохнул ротный, – раз оно случилось. Но я так рассчитываю, что уродская проблема ныне окончательно закрыта...

Но... Прошли-пролетели семь лет, и вот, в день рождения, ставший к тому времени комбатом подполковник Ишов получил на своё имя толстый почтовый конверт без обратного адреса и с надписью по краю, сбоку: «Осторожно, фото!»

Разодрав конверт, офицер вынул из него прекрасного качества цветной портретный снимок, наклеенный на плотный картон. Перед Ишовым предстало изуродованное лицо бывшего подчинённого. Минувшие годы сделали своё, и шрамы уже не столь явно выделялись на зажившей коже. Впрочем, глазные ниши так и остались деформированными.

Подполковник долго вглядывался в безобразно-отталкивающие черты. Рядовой из прошлого отвечал немым укором.

Внезапно Ишов яростно вскочил с кресла и, матерясь, стал рвать фотопортрет в клочья; прочный картон отчаянно сопротивлялся. На остатках снимка комбат истерично сплясал, выделявая хромовыми сапогами неуклюжие па. Настроение было испорчено мерзопакостнейшим образом.

...С тех пор каждый год, и именно в день своего рождения, Ишов вновь и вновь получает конверт без обратного адреса. Старший офицер точно знает, что и м е н н о окажется внутри, и ему до звериной злобы хочется порвать почтовое отправление, не вскрывая, но болезненное любопытство всегда берёт своё. И вот уже бывший ротный долго всматривается в заученные черты, обезображенные химическим ожогом. Затем фотопортрет традиционно уничтожается.

Что ж, и в нынешнем году на личный праздник подполковник опять получил все тот же «подарок». Мрачно поглядев на знаковый конверт, Ишов приказал вызванному для «отеческой» беседы ротному выйти из кабинета и извлёк из упаковки очередной фотопортрет. Показалось или нет, что глазные ниши изуродованного лица стали менее деформированными?.. А-а, какая, по большому счету, разница?!

И комбат методично изодрал снимок в клочья, смахнув их в мусорное ведро. Потом вновь потребовал подчинённого в кабинет, и через несколько секунд из-за его дверей послышались знакомые «воспитательные» крики:

– Службу обозначаете! Былыми заслугами кичитесь! На них далеко не уедешь!

Наталья Стикина

Стикина Наталья Вениаминовна – поэт. Активно участвует в творческой жизни г. Усинска и Республики Коми. Лауреат Международного литературного конкурса «Серебряный стрелец-2011» (Лос-Анджелес); лауреат Коми республиканского конкурса «Сретенские встречи»; победитель городского конкурса православного искусства «Пасха красная». Участница форума молодых писателей России «Москва–Липки-2010» и семинара молодых писателей Республики Коми (2011-2015 гг.); победитель IX Международного литературного конкурса хайку. Автор четырёх поэтических книг: «Осенние сны», «Рисунки песка», «Прозулка в белую ночь», «В лабиринте стихов». Произведения Натальи Стикиной публиковались во многих коллективных сборниках, как в России, так и за рубежом; публикации в журналах «Наш современник», «Северная Аврора», «Дети Ра», «Юность», «Невский альманах» и др. Многие стихотворения переведены на английский, немецкий, армянский, венгерский, японский языки.
Член Союза писателей России.

Внутренний цензор

А смерти нет сегодня, и пока...

А смерти нет сегодня, и пока
Не свистнет рак, разъяв нутро при этом.
И тянется к перу твоя рука
Писать о жизни. Только белым цветом.

А смерти нет, пока не замолчит
Кукушка, поперхнувшись верным словом
Поэта, что в тебе ещё звучит
Набатом? Эхом? Чем-то старо-новым.

О том, что каждый день – есть Божий дар.
О том, что красота есть даже в луже.
О том, что ты ещё кому-то нужен.
Что всё ещё внутри горит пожар
Из мысле-слов, так рвущихся наружу!

И смерти нет. Ни завтра, ни пока.
Есть те, о ком в ответе перед Богом.
И тянется к перу твоя рука
Писать о Жизни. Только Высшим слогом.

Лестничная гармония

самые узнаваемые шаги –
твои,
по ступеням моей лестницы.

слышал бы ты,
видел бы ты,
какие птицы просыпаются
в моей душе

и поют,
усевшись на струны перил,
встречая тебя
и сливаясь
с мелодией твоих шагов,
слетающей
со ступеней моей лестницы.

Самолётик

Папе. Помню и люблю всегда

Сделай мне самолёт из бумаги,
И на крыльях его напиши мне,
Что земля будет тёплой и мягкой,
А любовь будет вечной и сильной.
Обмани меня так же, как в детстве,
Чтоб ни тени сомнения после
Взлёта к синему Богу сердцу
Белых крыльев (некрепких-то вовсе).
И пока дует ангельский ветер,
Ещё рано до встречи с землёю
Самолёту, летящему к свету,
Что ты сделал своею рукою.

О морозах

Из цикла «Таёжные сны»

Сумерки... Небо похоже на порванный флаг,
Ветром забитый на поле сраженья морозов.
Сыплется время со скоростью старых прогнозов,
Колкою взвесью за ветхий потёртый обшлаг
Белого кителя сверженного Декабря.
Пообломались за окнами ртутные копя...
Сыплется время, сбиваясь в пушистые хлопья,
Пеплом салюта ложится у ног Января.
Но ненадолго спокойствие. Войпель* седой
С воинством крепких морозов вновь примет присягу
И с победителем станет под рваные стяги,
Новым сияньем, под яркой Полярной звездой...

...От снегопадов тишайших до новой войны
Время свободно парит в небесах белой птицей.
Север, мой Север – открытая миру страница,
С правом изведать такие таёжные сны.

Сочельник

Налеть на окнах. За окнами ветер-бездельник
Вяло гоняет безродный морозный туман.
Звон колокольный, как будто сквозь вату... Сочельник
Тихо спускается с неба в глубокий карман
Заледенелого города. Снежную взвесью
Будет сегодня начертан наш путь в Рождество.
Стали разборчивей слуху колядные песни,
Словно почувствовав со сквозняками родство.
Сумерки ниже, а вверх поднимаются звуки
Первой вечерней молитвы о светлом... И пусть
Губы обветрились, стали шершавыми руки, -
Это не страшно. Всё это – расплата за грусть.
Может быть, нам не бояться, и стужу обидеть?
Ведь этот вечер на что-то нам всё-таки дан.
Прочь из квартиры! Мы всё ещё можем увидеть
Свет путеводной звезды сквозь морозный туман.

*Войпель – божество в мифологии коми. Имя переводится как «Северный ветер» или «Владыка Севера».

Каждую ночь...

каждую ночь
над твоей головой я
раскрываю разноцветный зонтик,
(потому что ещё верю в сказки).
и каждое утро,
как ребёнок, ты удивляешься снам
ярким, детским:
с машинками, солдатиками, оловянной конницей...
потому что только любя,
можно без боли отдавать сны тебе,
а себя – бессоннице.

Анне

Из цикла «Письма»

...И, собственно, октябрь здесь ни при чём:
как дым воспоминаний он нечаян.
Ах, Анна, Анна... Как же я скучаю
По нашим разговорам ни о чём...

И по уюту колкому зимы,
Чьи вечера темны, как лисьи норы.
По музыке шопеновских миноров,
По вкусу замороженной хурмы...

Работу всё ещё вершит висок*:
Рука не дрогнет, стих не оборвётся.
Пусть в этот день обманчивое солнце
Вольётся поздним мёдом между строк,

Чтоб подсластить октябрьскую хандру,
Напомнить, что тоска и боль не вечны.
Смотри, как эта осень безупречна,
В своём желаньи сбросить суету!

*Отсылка к стихотворению Беллы Ахмадулиной
«Прощание» («А напоследок я скажу...»)

Причудливость сегодняшнего дня –
Поверить в то, что всё для нас, как раньше.
Что друг для друга мы не стали старше.
Четвёртое. Октябрь.
Скучаю.
Я.

Отпусти

Сегодня листву не сжигают в кострах.
Она на земле превращается в прах.
Тогда почему воздух пахнет золой?
А ты... Ты как будто чужой.
Но, может быть, солнце добавит штрихов
В бумажное время печальных стихов,
В дождливое время багряной поры,
Сомнений, измен и хандры?
Что, впрочем, не важно. Здесь, в мире двоих,
Мотив вечной верности скомканно стих.
И только осеннего ветра рингтон
застрял меж редеющих крон.
За тёмными стёклами прячешь глаза,
Но нервным движеньем цепляешься за
Рукав моей куртки, и шепчешь: «Постой...»
Зачем? Ты теперь мне чужой...
Безмолвствует небо, взирая на нас:
Таких дураков оно знало не раз.
Внутри меня дождь начинает идти...
Рукав... Нет, меня. Отпусти.

Внутренний цензор

мой внутренний цензор,
как нутренний вирус,
гуляет по венам,
жрёт кровь:
свобода забыта,
свобода забита,
свобода писать
про любовь.

возвышенно-жёстко,
униженно-мило
и просто за тем,
чтобы быть.
натянуты вены,
натянуты нервы
притянутой рифмою
«жить».
и сладкой отравой
выходят на волю
стихи не о том,
что болит.
мой внутренний цензор
убитой свободы
свободно
во мне
говорит

Вербное воскресенье

Не хмурься, небо! Небу не к лицу
В Пресветлый день исплакаться дождями.
Пусть колокольный звон плывёт над нами,
Даруя вести, от крыльца к крыльцу,
О въезде Сына в Иерусалим
На смирном ослике, который вдруг
споткнулся...
...А на пушистых веточках качнулся
(от сквозняка ли?) вербный херувим.

На солнечной стороне

А в городе лето немногим теплей
Осенних дождливых затянутых дней.
Но всё, что ты хочешь узнать обо мне, –
На солнечной стороне.
Где ветер не горек, не солон, а свеж.
Он с запахом мяты и светлых надежд.
Где боль растворяется в жёлтом огне,
На солнечной стороне.

Здесь радуга спит на изнанке дождя.
Здесь прошлое облаком серым скользя
Утонет к закату в небесной волне.
На солнечной стороне.
Здесь можно желанья загадывать впрок,
И смыслы в стихах не искать между строк.
Забуть о пугавшей наш дом тишине,
На солнечной стороне...

...Когда станут страхи цветочной пылью,
Под тяжестью ног твоих скрипнет крыльцо.
Я встречу тебя – (наяву ли, во сне) –
На солнечной стороне.

Манго с тенью

for Vi

Тени так любят огонь костра...
В треске поленьев – слышишь? –
Танго криольо. Тебе, сестра,
Впору объяться с бывшим.
Ночью так много в тенях страстей!
Им не присуща мера.
Рваность движений на равность дней
Прожитых множит вера.
Голые ветви небо скребут,
Тянется к звёздам пламя.
Танго и осень тебя спасут,
Освобождая память.
Но если станешь тенью теней,
Вдруг убоявшись страха,
Я не смогу быть ещё сильней.
Вслед стану частью мрака.
Так что танцуй и танцуй, пока
В ритме трещат поленья.
Я точно знаю, в тебе, сестра,
Вера сильнее тени.

Кто-то на левом плече зевнул...
/Чёрные перья – пепел/
Кто-то на правом плече чихнул
/Белые перья – ветер/

Украина и Коми

Каллистрат Жаков

Жаков Каллистрат Фалалеевич (1866–1926), выдающийся учёный, философ, писатель, родился 30 сентября 1866 г. в д. Давлон (ныне – пригород Сыктывкара) в крестьянской семье коми-зырян. Профессор Психоневрологического института, организованного академиком В.М. Бехтеревым. Литературная деятельность К.Ф. Жакова начинается в 1905 году с выхода его первой книги «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом» и цикла стихов «Песни Пама-Бур-Морта» в «Зелёном сборнике». Самым крупным произведением является автобиографический роман «Сквозь строй жизни» (1912–1914). Его перу принадлежит и литературный эпос «Биармия» (1916). В историю науки он вошёл как финно-угровед, исследователь этнографии и фольклора финно-угорских народов России и, в первую очередь, народа коми, а также как литературный критик, исследователь прозы Кнута Гамсуна, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Л.Н. Андреева, Альфонса Доде. Он занимался лингвистикой, математикой, астрономией, педагогикой, оставил труды по философской гносеологии, логике, но в истории философии более известен как создатель философско-религиозной системы, названной им лимитизм – «философия предела», основы которой заложены уже в его первой философской работе «Теория переменного и предела в гносеологии и в истории познания» (СПб., 1904).

Киев

(отрывок из романа «Сквозь строй жизни»)

О белый волшебный город, стоящий на горах над синим Днепром, как орёл на скале, кто поможет мне изобразить тебя?

О тебе ведь мечтал я с детских лет моих, читая про Илью Муромца, который из Чернигова приехал под твою сень прямоезжей дорогой и привёз с собою Соловья-разбойника под седлом! Думал постоянно, читая о пирах у князя Владимира Солнышко... Как там сидели витязи крепкие – Добрыня, Алёша, Поток Иванович, как играли они на гусях яровчатых, и между ними гости иноземные – Дюк Степанович, Змей Горыныч. И вот подъезжает к ним на кораблях с красной грудью Соловей Будимирович и выходит с гусями в руках на крутой бережок. Вечерами и в жаркий полдень по улицам Киева расхаживал Чурила Пленкович. И из-за забора глядели старушки, а у открытых ворот тесной толпой стояли молодые девицы.

Киев! Краса городов русских, неужели суждено было мне, мрачному северянину, взглянуть на светлые твои холмы, пройтись по улицам и взирать между каменными

домами на отдалённые деревни на далёких синих холмах, удивляться разнообразию твоей архитектуры, где нашёл я все переходы от малорусских хат на окраинах города до дворцов, украшенных всеми богами и дьяволами всех времён и народов?

Приходить в изумление от неожиданностей, бродя по твоим улицам, когда вдруг открываются перед глазами широкие, прохладные долины, а за ними горы, на которых белеют монастыри. Нет, не хватит сил изобразить тебя, великий Киев, – ни твоих холмов, ни твоих монастырей, ни лесов сосновых, растущих пышно окрест тебя, как на Севере далёком. Не удастся мне передать бумаге твои высокие берега, террасами поднимающиеся над рекой к облакам, твои древние соборы с синими куполами, украшенными звёздами, твои украинские ночи, когда звёзд так много в летнее время на небе, а луна так блистательна, бела, чиста, как будто только что вымыли небесной водой ангелы неземных сфер. Не передать мне моих настроений, пережитых там, где я стал впервые поэтом и лил тихие слёзы, идя по улицам, глядя на киевлян, выглядывающих из окон и с светлых балконов, или поднимался на гору Мамаеву, откуда весь светло-солнечный город как на ладони, или спускался в пещеры, где древние иноки, победившие плоть свою, спят долгим сном и ждут «нового неба» и «новой земли», или бродил по житомирскому тракту, откуда глядел я на город и твердил одно: «Иерусалим, Иерусалим предо мною!», или удаляясь в окрестности и забираясь в берёзовые рощи, плакал я, воображая себя в волшебном белом замке, или спускался к реке в поисках Аскольдовой могилы. Здесь тихо я грустил, вспоминая картину, где нарисованы были Аскольд и Дир в простых рубашках; они только что спустились к реке, а Олег, выйдя из лодки, копьём ударил в них. Эта картина часто заставляла меня плакать, а на берегах снова думал я об Аскольде и Дире, о мудрой Ольге, и часто воображал себе, что вот-вот встречу я терем и из окна взглянет на меня Ольга или с гусями в руках Забава Путятишна.

Переживаний было беспредельно много, и нет сил моих передать их... Но Киев! Слово священное для меня! Светлой горницей кажется мне этот город, и грущу я о нём в тёмных лесах Севера.

[Я пил из чаши, из которой не все могут пить, я не боялся нищеты, а её боялся пуще всего, я шёл навстречу страданиям и гонениям. Я не боялся быть одиноким в мире, значит, я приобрел право быть самим собой. Я не только одинок в делах житейских, я одинок в философии, которой я служу и которой живу. Я не мог прочесть ни одной страницы из книг по русской философии, чтобы не сказать с горечью: «О, как они ошибаются!»

Я странник мира, и молюсь только о том, чтобы суметь исполнить волю Того, кто воззвал меня к жизни! О Бог мой! Не дай сказать врагам моим: «Или Бога нет, или Бог не любит его».

Дай мне терпение, чтобы без гнева смог я дойти до могилы.

Пойду по шару земному, изучу жизнь новых и древних народов. В сказке великой изображу я всё виденное мною, в сказке неба и земли. Я отдал тело и душу бурному потоку творчества, шёл своей дорогой и не оглядывался.]

Прибыв в Киев по варшавской железной дороге, я остановился в гостинице «Сербия». Здесь размышлял о виденном мною. Видел же много и впервые в жизни. Хаты малорусские проходили мимо окон вагонов, они окружены были садами, дубовые леса на холмах, ореховые рощи, клёны широколиственные. Вот какова «южная сторона». Как светло здесь, а девы как красивы, костюмы их как ярки!

Вот сейчас пойду я по Киеву и увижу волшебную деву в красном платье с арфой в

руках. Сказочные звуки издают её струны. Золотые волосы у девы развеваются ветром. «Кто ты, – она спросит, – странник угрюмый?»

– Я гиперборей, – отвечу я. – А ты мне скажи, красавица, – спрошу я, – где терем Владимира, где богатыри скрылись, также о печенеггах расскажи, и о половцах, которые с кибитками кочевали по степям.

И тут воображение рисовало мне целую поэму. Главным героем был, конечно, я, а принцесса с арфой в руках – героиня.

О судьба моя! Неужели вся жизнь такова моя, как мечты мои – были они и нет их... И неужели ничего не создам я в жизни, кроме мыльных пузырей?..

«Пойду полян голубоглазых посмотрю я». С этими словами вышел из гостиницы. Дошёл я до памятника Бобринского и спросил себя: «За какие дела вознёсся этот человек, и вот стоит теперь бронзовый на чугунном возвышении и созерцает прохожих?» Не мог ответить на свой вопрос.

Иду по улицам Киева и не вижу голубоглазых полян, чёрные люди встречаются в большом числе. Выродились древние племена, пигмеи практичные наполнили землю. Племя исполинов погибло в потоке времени. Ах, зачем не родился я на тысячу лет раньше, тогда жизнь была полна поэзии, леса были велики, всё было полно сказки, богатыри не нуждались в пушках, волшебники без наук знали грядущее.

Долго ходил я по Киеву. Красив, что говорить, но ничего нет древнего. Только одни золотые ворота остались от старого Киева, над Аскольдовой могилой – часовня, на Днепре не лады курносые, а скучные пароходы, город кишит промышленным людом. Разочарованный вернулся я в гостиницу обратно. Только тополи, как знаки таинственные на неизвестной земле, оживили мою душу.

Мне было 30 лет, когда я поступил в университет, я был несколько утомлён жизнью, страдал желудочными болезнями, потом усиленным сердцебиением, но был юн душой. Долго мне пришлось ждать разрешения от министра, но оно в один прекрасный день пришло, и я надел на себя студенческий костюм, купив его на Подоле у еврея за самую дешёвую плату.

Занялся слушанием лекций с большим жаром. Я был естественником к удивлению моих знакомых, которые считали меня математиком. Лекции Бобрецкого оживили мою душу: он открывал перед нами мир невидимых организмов и уяснял основы живой ткани. Амалитский поразил нас геометрическими законами, которым подчиняются кристаллы.

Навашин посвящал нас в тайны жизни растений, Венюков доказывал, что непрочно всё на земле, где были раньше моря, теперь материки, где же были раньше материки, стали теперь моря; он говорил и о таинственной Атлантиде, стране на месте нынешнего Атлантического океана (о котором упоминает Платон в диалоге «Тимей»). Профессор анатомии поражал нас не только знанием науки, но и нежеланием признавать правил грамматики. Он говорил: «Вот ключица, эти кости, тот ...которая объемяют, занимают пространство между лопаткой, тот... и между позвонками». Студенты хохотали. Он не выносил, когда кто уходил или приходил во время лекций, и замолкал на полчаса.

Раз принес он в спирте голубя со свёрнутой головой, и я ушел с лекции. Я говорил себе: «Стоит ли человеческое знание того, чтобы свёртывать головы птицам; какое мы имеем право, истребляя животных, строить свои жалкие теории о тайнах мироздания?»

Через год я оставил естественное отделение.

Слушал математиков и мне показалось, что всё это уже известно. Только двупольный

гиперboloид, построенный из прямых линий, удивил меня. Из прямых линий кривая поверхность!

Всё же душа моя колебалась, заниматься ли математикой, самой великой наукой, или предаться со всем жаром и безумием поэзии. «Не быть ли мне Гомером Севера?» – спрашивал я себя.

И вот я перечитал тогда Калевалу, Былины, Гомера (с Илиадой носился по всему городу и читал знакомым), Гёте, Байрона, Шелли (в особенности последнего любил). По ночам глядел на звёздное южное небо, и душа моя замирала – где изучить это море? Не лучше ли плакать или в звёздных стихах, или в звонкой прозе?

Занимался астрономией у Хандрикова, но простудился (было это осенью) в его обсерватории, и оставил дело, да и вспомнил тут я иные великие вещи – дом Панюкова на Севере, зырянские деревни.

Вступил в психологическую семинарию проф. Челпанова, читал рефераты у него на темы: «О субстанциональном понятии души», «О параллелизме».

Так как сердце моё болело от волнений, то перед рефератом клал я кусок льда на сердце и, прижимая его к груди, читал рефераты...

Науки всё же не наполняли всего моего духа. Я удивлялся величию природы, красоте города, заводил знакомства, смотрел в лица новых людей.

Но как я жил материально, меня спросят? Первый год я бедствовал, пока Красковский не указал мне на урок у Демидова, бухгалтера в управлении южных дорог. У него был собственный дом, два сына и одна дочь, с сыновьями же его я и стал заниматься. Демидов дал мне комнату, в которой я был полновластным хозяином два года... Это были годы вдохновенных мечтаний, уединённых размышлений, великих сомнений. Две стопы бумаги были исписаны мною – большая часть стихами, здесь зрели мои мысли о Паме-Бурморте.

Демидов был прекрасный человек, он жил и другим давал жить; овдовевший прежде времени, он вынужден был своё сердце делить между детьми и своей «Элоизой», которой я никогда не видал. Этот добряк с удовольствием слушал мои стихи, вдохновенные речи о Гомере и даже сам увлекся Илиадой... «Если бы я был свободен, как мой Феофилакт, – говорил он обо мне, – я писал бы стихи, и больше ничего». Так вот у кого жил я и наслаждался покоем. Демидов раз возил меня в Одессу и показал мне море...

Великое синее море предстало полукругом пред моими широко раскрытыми глазами... Синее море! Я никогда не забуду тебя! Ты напомнило мне героев Греции, особенно Одиссея, в бедах постоянного... Глядя на море с берега, покрытого акациями (в большой даче за 15 вёрст от города), я спрашивал: неужели всё ещё я на земле? Слушая волны рано утром и поздно вечером, я понял, что мир вечен, и жизнь людей, планет и солнца – это волны единого океана.

Взявши за руку сестру Демидова, я водил ее к морю и переводил ей язык «свободной стихии».

– Он поэт, – говорила она своему мужу.

Но не сбылись её слова, полные веры.

Опустились мои крылья на мгlistом Севере, живи бы я на юге дальше, большими взмахами крыльев унесся бы в кристальное небо поэзии... Иное суждено было печальному страннику...

Всё это было и, как светлый сон, вспоминается теперь! Вернувшись в Киев с бере-

гов моря, я сочинил стихи, воспевающие вечные красоты пленительных берегов южного моря и таинственный говор вечно мятежных вод.

Через год я понял ясно, что не естественник я, а филолог, что я должен для глубокого понимания поэзии оставить физико-математический факультет и перейти на историко-филологический. Там раньше бывал я в аудиториях, глядел на карты исторические, на карту севера России, и разнообразные поэмы возникали. Я мысленно путешествовал и в Афинах, и в Сардах, и в Персеполе, а оттуда возвращался на свои северные реки.

О Провидение! Скажи, зачем математику по уму и любителю астрономии, вечно вздыхающему о новой звезде, зачем дало ты кипящее воображение, неистощимые мечты? Зачем тяжелый характер мой и методичный ум в вечной борьбе с волнующей фантазией?... Это загадка, здесь гибель моя, а может быть, и спасение тут же...

Итак, перешел я на филологический факультет (ошибка была совершена, которая впоследствии поставила меня в тупой угол, я тогда не различал, что одно дело – поэт, и совершенно другое – филолог). И здесь на первых порах повезло мне. Написал я сочинение на конкурс для получения стипендии «Кирилла и Мефодия», тема сочинения была: «Значение Пушкина». В период увлечения поэзией я написал вдохновенные строки о Пушкине и получил стипендию. Теперь я был обеспечен. И занялся ещё с большим жаром изучением русской литературы, древних языков, истории Греции и Рима, истории славян. Флоринский. Бубнов, Гиляров и другие просвещали нас и вводили в лабиринт филологии.

[Некогда и боги умрут. Гелиос, всевидящий, солнце, которым любовались сотни тысяч лет, некогда станет красным, а потом тёмным, погаснет, умрёт. И Посейдон синекудрявый, океан земной – высохнет, всосавшись в землю, а потом упадет на солнце и сгорит там...

Если боги умирают, из-за чего смертные люди волнуются? Дни их коротки и печали скоротечны.

Некогда докажу я две астрономические идеи. Первая. Звёзды в Млечном пути мельче, чем звёзды внутри его. Вот почему новые звёзды являются в полосе Млечного пути. Там возможны столкновения, внутри же движение солнц безопасно.

Вторая. Луна упадет на Землю, вот почему движение её вокруг Земли ускоряется. Земные сутки, может быть, удлиняются, но эта величина ничтожна по сравнению с ускорением Луны. Раньше были луны и падали на Землю.]

В летнее время бродить по Киеву для меня было наслаждение. Бибиковский бульвар всегда восхищал меня своими тополями. Оттуда видны далёкие горизонты вдоль Житомирского тракта. У меня появились знакомые, с которыми я мог ходить. Это Пучков, тоже странник земли. Окончивши курс Московского университета, где он нравился Троицкому, он работал у Буслаева, потом блуждал по земле и уже лет десять жил в Киеве. Некогда он любил и был любим, но его романтическая пора кончилась трагично. Муж той женщины, которую он любил, бросился под поезд, и с тех пор у них пошли нелады. «Я часто выскакивал из окна, – рассказывал Пучков, – когда бывало мы с ней поссоримся».

В конце концов она куда-то уехала, а Пучков застрял в Киеве. Служить он не мог, был горд и учён, пробовал давать уроки, но неудачно. Он терпеть не мог старых теорий по физике, поэтому выдумывал новые. Так волосность объяснил он раз своему ученику

крючками атомов, ими-то последние будто бы цепляются. Затем он ходил к зимогорам и жил их вольной жизнью... Так вот с ним я ходил по Киеву. Мы чаще всего спорили по философии. Я был тогда ещё близок к кантианству. Перешёл на второй филологический факультет, сдал все экзамены. Слушая мои ответы, Гиляров сказал: «Это философ». Кроме того, я в это время писал на медаль, хотя затея кончилась ничем, я поссорился с Гиляровым, защищая Канта, и он не дал медали. Собственной же своей точки зрения тогда ещё не было у меня, идея «переменного и предела» возникла во мне только в Петербурге в 1901 г., в Киеве же я был до 1899 г. Во всяком случае, тогда я всё думал о философии и читал Канта. Недаром Красковский мне говорил: «Тут твой хлеб». Как бы то ни было, с Пучковым мы непрерывно спорили, он был атомистом, уважал Канта и Спенсера. Про меня же говорил: «Вы математик, а не философ». И прибавлял: «В философии вы поэт, а в поэзии философ». Здесь не хочу я повторять всех перипетий нашей совместной жизни с Пучковым, которого изобразил я в рассказе «На Днепре».

Между тем познакомился я на почве математики с профессором Ермаковым. Он полюбил меня как сына и звал меня на математическое отделение. «Одно нехорошо, – говорил он, – что математику изучали вы скачками, всё же удивительно верно понимаете». Я ему дал читать Канта. Он продержал книгу две недели, а потом, возвращая, сказал: «Здесь говорится о том, что всякий знает, или о том, чего никто не знает, поэту читать ни к чему». Ермаков познакомил меня со следователем Шебуевым, который пригласил меня в Мамаево, на дачу, заниматься с его сыном.

Жизнь в Мамаево – одна из светлых страниц в моей жизни. Местечко это окружено дубовыми лесами, липами, кленовыми рощами, каштанами. Кругом малорусские деревни с их плодовыми садами.

Здесь узнал я украинские вечера, благоухающие ночи, тёплое небо, усеянное яркими звёздами, сердце моё постоянно пело о красотах природы, я составлял гимны Луне, отвечал песнями красногрудым пернатым поэтам лесов. Горы и холмы до сих пор, вероятно, помнят меня и мои стихотворения в прозе, которые я громко читал во всеуслышание деревьям.

У Ермакова мы вели весёлые разговоры, я часто убегал с обеда и ужина у них, заземлённый в сердце новыми чувствами, новыми образами.

Ермаков все извинял мне. «Он – философ, и требовать от него невозможно приличный», – объяснял он своим гостям. Шебуев смеялся надо мною, находя во мне тысячи зародышей таланта и ни одного в развитии. Впрочем он так сильно ухаживал за женой соседа, что забывал не только меня, но и детей своих.

Да, в Мамаево дышал я впервые свободной грудью. И если бы не мысль о великом, которое постоянно стремился я найти в мире, я был бы счастлив... Порою задумывался я, опровергнуть ли мне Канта или открыть звезду, или удивить мир северной поэмой.

Иногда я ездил в Киев, наслаждался берегами вольно текущего Днепра... Глядел с парохода на колокольню Печерской лавры, которая поднимала крест свой к облакам; приближаясь к городу, я был поражаем каждый раз памятником Владимира, вечером блиставшим разными огнями...

О Киев, Киев! Лучшие годы мои, годы художественного подъёма и веры в себя – зачем так быстро прошли вы?!

Живя в Киеве, я часто задумывался над тремя предметами. «Вселенная полна солнц, – говорил я. – Эти солнца возникли из «туманных материй». Синевато-белые солнца переходят в жёлтые, а последние в красные. Красные солнца постепенно тем-

неют и переходят в планеты, на которых развивается жизнь, а в жизни мысль. К чему же всё это, куда идёт Вселенная? Не составят ли некогда все звёзды одну звезду – одну планету, которая найдёт своё солнце?» И вот я думал, как мне доказать, что Земля упадет на Солнце. Из-за этого вёл часто беседы с Хандриковым и читал его книги.

С другой стороны, я думал, что есть душа, не зависящая от материи. Чтобы уяснить этот предмет, я поступил в психологическую семинарию профессора Челпанова. И держись бы я этой линии, Челпанов оставил бы меня при университете.

Увы! Третья идея возникла в моём мозгу под влиянием постоянного чтения поэтов. Раз сидел у Жижиленко, где я репетировал маленького гимназиста. Сам Жижиленко добряк, иногда слушал мои стихи, иногда глядел на карту России и беседовал со мной о Севере. Мы смотрели на реки – Печору, Вычегду, Сысолу, и тут-то я задумался об отце своём, о Нялае, о колдунах Севера, о героях и стал рассуждать: «Как много поэзии там, в дремучих лесах, как много героев своеобразных, никем не воспетых, может быть, своя Калевала. Если бы мне удалось хоть часть нарисовать из природы и жизни великого Севера, я стал бы знаменитым поэтом. А кто задерживает меня на юге?»

Вот эти три идеи боролись во мне, и, бродя по Киеву, тер я лоб свой и снова не знал, где родина души моей, в чём моё призвание. Пучков говорил мне: «Вы математик и поэт, или будьте астрономом, или отправьтесь на север». Челпанов тянул меня к философии. Я часто тосковал, слышал над головою гром небесный, но не знал, в чём воля Провидения. К тому же сердце тянуло меня в Петербург по причинам, уже высказанным выше. О горе, горе! Все дни томимся мы и не знаем, в чём удел наш, а на старости лет видим, что дни наши прошли. Всё же вижу я, что некто так устроил, что мудрее и вздумать нельзя. Крест, который я несу, наилегчайший из возможных.

Осенью, вернувшись из Мамаева, я занялся снова науками. Ермаков убеждал меня перейти на математический факультет, тоже и физик Шиллер. «Держите, держите экзамен, – говорил он, – на третий курс математического отдела, ведь это бывает не каждый день». Я подал просьбу министру о разрешении держать экзамен на третий курс математического факультета (со второго филологического), но разрешение не получил и снова впал в раздумье... Но любовь к поэзии тоже не иссякала. Я читал свои стихи всем и всюду.

Между тем полукурсовые экзамены я сдал, стал студентом III-го курса. Сомнения давили мой мозг, сердце было переполнено трагедией. Тогда решил отправиться на север, собирать жемчуги поэзии севера. Взял открытый лист от университета, и 50 р. денег дали мне, и направился вместе с птицами в Усть-Сысольский уезд Вологодской губернии с этнографической целью. Челпанов просил непременно вернуться к философии, но мне уже не суждено было вернуться в Киев в те годы. После странствий поступил я в Петербургский университет, на III курс историко-филологического факультета.

Что я нашёл на Севере и что встретил, это увидим мы ниже. Но должен сказать, что долго плакал я о Киеве, казалось мне, что перевели меня из светлой горницы в тёмную половину избы.

Вижу ясно, что слишком щедро тратил я силы свои и никогда не считал дней моих, но что делать, что заложено в душе, то рано или поздно даст себя знать. Таким людям, как я, нужно долго и долго жить, чтобы что-нибудь путное совершить. И молюсь я Провидению, чтобы оно продлило дни мои на этой земле, дабы успел я высказать и исполнить всякую правду.

[О юность моя, куда ты улетела, нигде не слышу твоего аромата, нигде не вижу твоих светлых цветов... Угасает душа, ослабели струны, умерли звуки в сердце моём...

Гляжу ли на небо, гляжу ли на солнце – да, прекрасно, но дух мой не трепещет более при виде божественного лика природы. Воображение не ткёт своих пёстрых ковров, побледнели краски, стёрлись контуры, умерли звуки; плачь, плачь, душа моя, дни миновали твои...

Уже не ты, иное существует в мире, новое народилось, старое ушло...

Напрасно гляжу я на светлые берега великой Волги, на красные села, на зелёные деревни, поля и луга...

Ничто не поёт и не плачет в моей душе. Холодно отвертываюсь я от светлой панорамы...

Хоть горы всё те же, туманно-величавы, кудрявые леса венчают их, и птицы летают над лесами... Уже нет зависти птицам – ни ползать, ни летать не хочу я...

Угасло, угасло всё живое во мне.

Плачь, плачь, душа... Это последние слёзы твои!

Увы! Ничего не создала ты великого... Только эскизы рисовала ты, не вознеслась до законченной картины... Но умолкаю, не виновата ты, моё безумие растратило твои богатства. Расплескал золотое вино из полного своего бокала. Плачь, плачь, душа...

Уже скорби нет в тебе, ты равнодушно глуха к бедствиям, уже не ранят стрелы тебя.

Звёздное небо и то покрыто облаками и никогда не вижу я его в этом ужасном го-роде.

Но все же живу, живу, чтобы показать, что жить можно при всех условиях, что самоубийство не есть решение вопроса, что терпение человеческое неистоцимо, страдание его неизмеримо, творчество его нескончаемо.

Но неутешно заплакал бы я о страданиях человечества, так велики они и неутешны, и так горе мое беспредельно.

Я дикарь, а живу в больших городах, восхищённый многим и земными сторонами удручённый, но в душе живет высшая надежда на новые времена, когда дикари и культурные согласятся в веротерпимости и в свободе.

Дух какой-то незримый шепчет мне новые и новые сказания о чудесах видимого и непознанного мира, о картинах действительности и невозможности. Он поможет мне, бедному Гараморту, написать сказку мира, великую, ни с чем несравнимую. И утешаюсь этим я, одинокий, бездомный скиталец, который не нашел своего уголка на земле и жил в мире несуществующем, вечно странствуя из края в край по Вселенной. Где найду я место в мире, где наука и простота слились бы в братском объятии и дали высший цвет – счастье людей?! Где та нива, которая выработает великую сказку мира, многообъемлющую, многогранную, всеисчерпывающую, поучающую, осмеивающую, утешающую и влекущую нас вперед?! Этот свет манит меня к себе. Я иду к нему, беспрерывно спотыкаясь, но иду неустанно. Философом называли меня за это... Не знаю, может быть.

О, если бы удалось мне передать другим, как велика сила этого света, постоянно приковывающего мой взор к себе. Оттого и не вижу я ничего в окружающем мире, оттого и жизнь моя в Петербурге, о которой сейчас буду говорить я, была рядом ошибок и страданий, происходящих от моей неприспособленности к жизни.]

Елена Ельцова

Ельцова Елена Власовна чужис 1979 вося январ 19 лунö Кулöмдін сиктын. Велöдчис Кулöмдінса шöр школаын (1986–94), Сыктывкарса Искусство гимназияын (1994–96), Сыктывкарса университетлön финн-йöгра факультетын (1996–2001). 2001–2003 воясö велöдчис Москваын А.М. Горький нима Литературной институтын, а сэсса коми наука шöринса аспирантураын (2005–09). 2009 воын дорйис Тима Вень творчество йылысь диссертация. 2005 восянь уджалö Кыв, литература да история институтын, туялö коми литература. Олö Сыктывкарын. Гижö комиён кывбуръяс. Алёна Ельцовалöн нель асшöр кывбур чукöр. Кывбуръяссö вуджöдлісны роч, финн, эст, англия, венгер, мари, узбек кывъяс вылö. Гижысь котырын 1998-öд восянь.

«Солнце одно освещает степи и лес...»

О творческих взаимосвязях коми и украинской литератур

**«Шондібанöй, оланінöй,
Муса Украинаöй!»**

Тима Вень

Как писал литературовед В. М. Жирмунский, «ни одна национальная литература не развивалась вне живого и творческого взаимодействия с литературами других народов». Давние творческие взаимосвязи, возникшие, несмотря на разницу языков, культур и мировоззрений, сближают две литературы – коми и украинскую. Украина, её фольклор и литература сыграли важную роль в судьбах и творчестве многих коми писателей, в становлении и развитии коми литературы и переводческой практики в XX в. Эти связи не односторонние: коми писатели тоже внесли свой значимый вклад в судьбу Украины и в развитие её литературы.

Первым из коми писателей к украинской поэзии обратился основоположник коми литературы **И. А. Куратов (1839-1875)**. В 1856 г., во время учёбы в Вологодской ду-

ховной семинарии, на коми он перевёл печальную песню «Віють вітри, віють буйні...», с которой начинается пьеса украинского поэта, переводчика, драматурга И. П. Котляревского (1769-1838) «Наталка-Полтавка» (1819), озаглавив её по-новому – «Хохольяслӧн» (У хохлов):

Нюгласьӧ пу лёк тӧв вылын...
Ой, кыдз съӧлӧм висьӧ!
Жугалӧма менам олӧм,
Ачыс синва киссьӧ.

Вошта лун-вой съӧкыд шогын
И ог аддзы помсӧ...
Бӧрдышта тай, сӧмын сыысь
Тӧдла кокньыд комсӧ.

(И. Куратов)

Віють вітри, віють буйні, аж дерева гнуться;
О, як мое болить серце, а сльози не ллються.

Трачу літа в лютім горі і кінця не бачу,
Тільки тогді і полегша, як нишком поплачу.

(И. Котляревский)

И. Куратов никогда не был на Украине, но он хорошо знал, по мнению литературоведа Б. Хоменко, работы и творчество украинских деятелей и писателей М. А. Антоновича, Т. Г. Шевченко, И. П. Котляревского, С. В. Руданского. Глубинным связям творчества коми поэта с украинским фольклором, с творчеством украинских писателей – Великого Кобзаря¹ Т. Г. Шевченко, И. П. Котляревского, Марко Вовчок посвящена статья исследователя «Иван Куратов да Украина» (Иван Куратов и Украина, 1977). В ней же автором приводится факт: в 1940 г., в год празднования столетия со дня рождения И. Куратова, газетой «За новый Север» основоположник коми литературы был назван «коми Кобзарем». А его стихи, среди которых – «Съылан меем, съылан» (Песня моя, песня), «Морт олӧм» (Жизнь человека), «Пыж» (Лодка), «Пемыд» (Тьма), «Менам муза» (Моя муза) в переводе на украинский язык П. Скунца и И. Гончаренко опубликованы в журнале «Вітчизна» (Отчизна, 1959), в книге «Пісни з-над Печори» (Песни над Печорой, Ужгород – Сыктывкар, 1975). В 1989 г. Б. Хоменко и К. Хоменко стали составителями книги И. Куратова «Менам муза» на языках народов СССР и мира.

С Украиной, её культурой и литературой связаны судьбы двух коми писателей 1920-30-х гг. В. А. Савина и В. Т. Чисталева.

В. Савин (1888-1943) в молодости ездил на Украину «в поисках лучшей жизни», где более восьми лет, с 1911 по 1918 гг., работал в конторах рудников Криворожского бассейна (Рахмановском, Червоном, Карнаватском), о чём впоследствии, в воспоминаниях «Менам том кадся олӧм» (Моя жизнь в молодости, 1931), писал с благодарностью: «Жизнь

Книга Ивана Куратова «Менам муза» (Моя муза, 1980) на языках народов СССР и мира, составителями которой являются украинские литературоведы Б. Хоменко и К. Хоменко.

¹ Кобзарь – украинский народный певец, играющий на кобзе или лире. Поэтом-кобзарем был и Т. Шевченко. «Кобзарь» (1840) – название знаменитой книги стихов, песен и поэм Т. Шевченко.

Виктор Савин с женой Лидией Ивановной и дочерью Тамарой на Украине (1911 г.).

на прекрасной украинской земле оставила мне большое впечатление, и сегодня иногда я вспоминаю её природу и скучаю о ней. Красивый, нежный, музыкальный украинский язык, веселье украинской молодежи, их песни, игры, пляски «трепака» и «гопака» словно и сейчас ещё стоят у меня перед глазами <...> Я довольно быстро научился говорить по-украински, часто даже играл в украинских спектаклях. Поэтому, наверно, и в моих пьесах бросаются в глаза приметы украинской жизни». Во время жизни на Украине В. Савин впервые обратился к художественному творчеству: для постановки на сцене рудничного клуба им были написаны две, не сохранившиеся до нашего времени, небольшие пьесы. После возвращения домой в 1918 г. В. Савин стал писать уже на родном языке.

Оригинальной творческой переработкой произведений украинского поэта Т. Шевченко (1814-1861) стали поэма В. Савина «Ныв шог» (Девичье горе, 1920) и его стихотворение «Водзё кезлө» (На будущее, 1922). Перенимая у Шевченко, Савин создавал оригинальные произведения и оставался собой.

Лирическая поэма «Ныв шог» – это неоконченная поэма В. Савина «Меда» (Нанятая), задумывавшаяся автором как большое произведение, подобно поэме Т. Шевченко «Наймичка» (1845)². По своему построению и сюжету оно во многом напоминает поэму Т. Шевченко. Схожи даже имена главных героев: у Т. Шевченко Настя и Трохим, а у В. Савина – Наста да Трёшко. При этом савинское произведение отличает присущий всему его творчеству оптимизм: в поэму включены светлые, радостные картины лета и пейзажи родной северной земли – туманная летняя ночь, солнечное утро, радость главных героев, обретших, наконец, долгожданное счастье. Коми поэт не переводит дословно поэму украинского поэта, а создает новое произведение о жизни коми народа и о красоте северной природы:

Гожся войын Эжва юсянь
Кыптö еджыд кöдзыд ру,
Видзьяс вылö лысва усьö,
Ланьтö, шойччö Коми му <...>

Летней ночью с Вычегды
Поднимается холодный белый туман,
Росой покрываются луга,
Умолкает, отдыхает Коми земля<...>

Ру пыр содö, кыптö вылö;
Узьö нöрыс йылын сад.
Кöнкö, кылö, петук сьылö...
Воис вой шöр, вой шöр кад.

Туман прибывает, поднимается ввысь;
Спит на пригорке сад.
Где-то, слышно, поет петух...
Наступила полночь, время полночи пришло.

(В. Савин).

(Здесь и далее перевод оригинальных текстов подстрочный мой – Е. Е.).

²Т. Шевченко принадлежит также одноименная прозаическая повесть, сюжет которой схож с сюжетом поэмы.

На фоне этих светлых картин горе девушки, вынужденной оставить своего незаконнорожденного ребенка, выглядит не так трагично, как в «Наймичке» Т. Шевченко, которая повествует о горькой судьбе девушки Ганны, покинутой любимым и отказавшейся от своего младенца, а впоследствии вынужденной стать наёмной работницей у приютивших её сына людей. В. Савин, композитор, знаток и собиратель коми фольклора, смягчил драматизм и трагичность шевченковского произведения, опираясь на коми народные песни. Его произведение насыщено фольклорными образами и лексикой, в нём есть даже народное причитание. В прологе поэмы автор пишет: «Тайӧ сьылӧм – коми олӧм, / Нинӧм абу тані лӧж» (Эта песня – коми жизнь, / Ничего в ней нет выдуманного). Впоследствии поэма, как отмечает А. К. Микушев, в несколько сокращенном виде действительно бытовала в народе как лирическая песня.

Неожиданно и оригинально савинское перевоплощение программного стихотворения Т. Шевченко «Заповіт» (Завещание, 1845) – впоследствии очень популярного среди коми переводчиков стихотворения поэта: на протяжении всего XX в. оно неоднократно переводилось П. А. Шеболкиным, П. П. Поповым, И. М. Вавилиным, В. И. Лыткиным, С. А. Поповым, А. Е. Ванеевым.

Эпиграфом к стихотворению В. Савина «Водзӧ кежлӧ» взяты строки Т. Шевченко:

Як умру, то поховайте
мене на могили.

Произведение украинского поэта стало для коми писателя каноном, своеобразным ориентиром, равняясь на который, он создал свое стихотворение, по интонации и настроению напоминающее шевченковское, но значительно превосходящее его по объему, отличающееся содержанием и ритмом. Стихотворение В. Савина задумчивое, местами юмористичное, иногда печальное. Литературный прием реминисценции позволяет поэту упомянуть стихотворение великого Кобзаря, но при этом создать оригинальное произведение с коми реалиями, близкими коми читателю. Вместо «Вкраїні милій» Т. Шевченко в стихотворении коми поэта – холм в уголке Коми края, вместо «і Дніпро, і кручі» – милая коми Эжва, старинная коми песня «Шондібан» и стихотворение самого В. Савина – «Сьӧлӧм сьылӧм» (Песня сердца):

Муса ёртъясӧй! Кор ме кула,
Дзедбӧй гажайнӧ:
Гажа нӧрысӧ, сус пу улӧ,
Муса Эжва дінӧ!

*Милые друзья! Когда я умру,
Похороните в красивом месте:
На холме, под кедром,
У милой Эжвы!*

Пыр мед гу водзын сус пу шувгӧ,
Помтӧг меным мойдӧ;
Пыр мед Эжвальсь аддза шывгӧм,
Вӧрӧм, ямӧм, ойдӧм.

*Чтоб всегда перед могилой кедр шелестел,
Рассказывая мне сказку;
Чтоб я видел всегда, как течет Эжва,
Разливаясь и мелея.*

Пыр мед гусянь ме олӧм кыла
Мульсь, вӧрльсь, валысь...
Сэн ме уzigӧн вӧтӧн сьыла
Гуся олӧм налысь...

*Чтоб из могилы я всегда чувствовал жизнь
Земли, леса, воды...
Там во сне я буду петь
Их тайную жизнь...*

(В. Савин).

Стихотворение В. Савина «Водзё кжёлё» – это завещание поэтом творчества – песен, стихов – коми читателям, родному народу, выражение надежды на то, что он не будет забыт потомками:

Менам гу вылө, нöрыс йылө
Волöй, зонъяс, нывъяс!
Энö шогсьöй сэн, гажа сьылöй
Коми сьыланкывъяс!

Менö казтыштолöй, энö полöй,
Гажа сьыланинö.
Сэки нимкодя менам лолöй
Волас тiян дiнö!

(В. Савин).

*На мою могилу, что на холме,
Приходите парни, девчата!
Не грустите там, пойте радостно
Коми песни!*

*Не бойтесь, вспомните и меня
В этот счастливый миг.
Тогда радостно моя душа
Придёт к вам!*

Примечательна дальнейшая судьба этого стихотворения в коми литературе: впоследствии его фрагмент стал эпиграфом к поэме «Сьылісны бабаяс, сьылісны» (Пели бабы, пели, 1963) поэта В. Попова.

С Украиной тесно связаны жизнь и творчество **В. Т. Чисталёва (1890-1939)**. В 1915 г. Тима Вень работал учителем в родном селе Помоздино. В сентябре того же года, через месяц после начала Первой мировой войны, он был мобилизован в армию, попал на фронт и затем – на учёбу в Киевское военное училище. Из Киева В. Чисталев написал несколько писем, в том числе, своей невесте А. С. Ватамановой. Вот отрывок одного из них, написанного поэтом в апреле 1917 г.: «Я теперь письма всем, кроме тебя, всегда пишу по-коми, но и тебе буду писать тоже по-коми. Все народы между собой говорят на своих языках, кроме нас, коми. Только тогда, оказывается, мил и дорог родной язык, когда не слышишь его, издали, после разлуки. И родные места, родная земля – тоже. Тоскливо, и тянет туда. Пусть далёк, пусть тосклив наш север, но мне так радостно, как дома, нигде не бывает и не будет. Дай Бог вернуться туда, вновь увидеть Коми землю, пожить...»

Время, проведённое на Украине, сильно повлияло на творчество писателя. В воспоминаниях «Миян нэмö (Менам олөм)» (В наш век (Моя жизнь), 1927) он пишет: «В Киеве весной 17 года я впервые по-настоящему от всего сердца начал писать на родном языке. Успокоилось, наконец, моё сердце, обрёл я, наконец, своё

Вениамин Чисталёв (1918 г.).

счастье... Раскрылся. Проснулся. Боль моя вырвалась наружу... Природа красивой, милой Украины разбудила во мне поэта...» Тоска по родине, ненависть к войне и страх перед ней, чувство одиночества, воспоминания о довоенной жизни, и в то же время – красота южной природы – не только разбудили, всколыхнули сердце поэта, но и подтолкнули его к созданию оригинальных произведений на родном языке. Тогда В.Т. Чисталёвым было создано его первое стихотворение «Вемёсён колана вёт» (Кёнкё, веж турун пёвс...) (Сон, который хочется увидеть наяву) (Где-то там, среди зелёных трав..., 1917). Природа родной земли в этом стихотворении, окружающий мир и вселенная очеловечены, одухотворены. Лирическому герою произведения, тоскующему вдали от родины, её природа является в образе милой ласковой девушки, облик которой складывается из тихого шёпота колышущихся на ветру трав, лёгкого ветерка, тёплых солнечных лучей, играющих в её волосах, мягкого, нежного звучания её голоса. Её образ – это образ любимой девушки, с которой расстался герой, и с расставанием радость, покой, счастье покинули его.

Культура, устное народное творчество и литература Украины оставили заметный след в творчестве писателя: украинские мотивы прослеживаются во многих его произведениях, написанных в дальнейшем. Так, по мотивам украинской народной песни «Комарик» (Ой, що ж то за шум учинився...) написано стихотворение В. Т. Чисталева «Гута-номъя» (Муха и комар, 1917):

Кутшём сэні кылё зык?
 Мый сідз вёйпсьоны?
 Гут пё тай верёс сайё
 Ном сайё мунёма.
 Босьтёма жё пё тай –
 «Добра» ичмонь,
 Дзоля ичмонь,
 Туйтём аньёс.
 Весиг пё од оз и куж
 Шыдсё пуныс,
 Вурны ни печкыны,
 Няньсё пёжавныс.
 Кыдз нё сідз номлы
 Бура овны?!<...>

(В. Чисталёв).

Ой, що ж то за шум
 Учинився,
 Що комарик та й на мусі
 Оженився!
 Та взяв собі жінку
 Невеличку,
 Що не вміє шити-прясти
 Чоповічку.
 Що не вміє шити-прясти,
 Ні варити.
 Що не вміє з комариком
 Добре жити.

(«Комарик» –
 украинская народная песня).

Обращался Тима Вень и к творчеству Т. Г. Шевченко: он стал первым переводчиком произведений украинского поэта на коми язык. В 1922 г. В. Чисталёв перевел первые двенадцать строк баллады Т. Шевченко «Причинна» (Порченая, 1837) под названием «Шевченкоысь (Украинаса)» (Из Шевченко (Украинское)). Перевод был впервые опубликован в 1925 г. в литературном журнале «Коми му» (Земля коми), а затем в 1926 г. в сборнике песен «Парма юргём» (Звучание пармы) с примечанием переводчика: «поётся на манер «Реве та стогне...» Впоследствии песня также стала народной и обогатила песенный репертуар коми:

Лёк төлөн муёдз синсьо пуяс,
Зэв ёна ызгё Днепрлөн ва...
Ок, вылө-вылө качё гыяс,
Веж быгйөн ветлө сълөн вал...

Реве та стогне Дніпр широкий,
Сердитий вітер завива,
Додолу верби гне високі,
Горами хвилю підійма.

А кельыд төлысь сійо кадö
Шынь-гусьон шывгис кымөр пöвст,
Кызд быттьö пыжа гы пöвст катö:
Дзурс – сунлас, вошлö – кыптö бөр.

І блідий місяць на ту пору
Із хмари де-де виглядав,
Неначе човен в синім морі,
То виринав, то потопав.

Быд морт на сиктын вöлі узыö,
Эз чукась петук асья вой.
Сом шуштөм кыліс буксом сюзылөн,
Да... нора дзуртис ясень пу...

Ще треті півни не співали,
Ніхто ніде не гомонів,
Сичі в гаю перекликались,
Та ясен раз у раз скрипів.

(В. Чисталёв).

(Т. Шевченко).

В. Т. Чисталёв – переводчик и создатель оригинальных драматургических произведений. В начале 1920-х гг. для Помоздинского театра он создал пьесы, написанные им по мотивам произведений Н. В. Гоголя: комедию из одиннадцати картин «Рöштво войö» (Рождественской ночью, 1922) – по рассказу Н. Гоголя «Ночь перед Рождеством» и пьесу «Украинаса вой» (Украинская ночь, 1923) – по повести Н. Гоголя «Майская ночь». Пьесы были поставлены на сцене и, по словам Тима Веня, пришлись по душе сельскому зрителю.

Образ Украины есть и в оригинальном творчестве В. Т. Чисталёва – в его стихах и прозе. Так, в стихотворении «Шондібанöй инöй» (Солнечный край, 1925) поэт вспоминает о годах, прожитых на Украине:

Шондібанöй, оланінöй,
Муса Украинаöй!
Кызд нин бара öні, тэöй,
Метом дырийи олан?
Меным пыр на, коркө бöрын,
Син водзö тэ волан<...>

*Солнечный край ты мой,
Милая Украина!
Как же ты теперь
Живёшь без меня?
Ты всё ещё, хоть прошло уже время,
Вспоминаешься мне <...>*

(В. Чисталёв).

Прозаическое произведение В. Чисталёва «Ылі йöз мусянь ас чужан му йылысь» (С далекой чужбины о родной земле, 1923) также посвящено воспоминаниям писателя об Украине, вернее, воспоминаниям о тоске по родине на далёкой Украинской земле. В его основу легли описания пейзажей южной земли, тяжёлые, безрадостные мысли о войне, воспоминания и тоска о далёкой родине, о родном языке и близких людях. Строки, посвящённые Украине, есть и в путевом очерке В. Чисталёва «Кöрт туй пöлөн» (Вдоль железной дороги, 1926), созданном писателем во время его путешествия к Азовскому морю в 1926 г.

Конец 1930-х гг. стал периодом активных переводов на коми язык произведений Т. Шевченко. Их переводами занялись М. Н. Лебедев и начинающие, двадцатилетние

поэты. Почти весь литературный процесс тех лет отражён в журнале «Ударник» – именно в нём были опубликованы все переводы стихотворений и поэм Т. Шевченко этого периода.

В 1937 г. «Ударник» опубликовал перевод «Завещания», сделанный **П. А. Шеболкиным (1905-1963)**, а в 1939 г. появился ещё один перевод этого стихотворения, выполненный учителем, автором учебников по коми литературе **П. П. Поповым (1912-1958)**. Он опубликован в юбилейной, посвящённой 125-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко, статье Е. Кротевича «Т. Г. Шевченко. Краткий биографический обзор».

К юбилею писателя были переведены и его более крупные произведения: **Г. А. Габов (1912-1941)** перевел два лирических стихотворения – «Тополя» (Тополь) и «Ой три шляхи широкиі» (Три широкие дороги). Переводчика, по-видимому, привлекли глубокий лиризм произведений Т. Шевченко, их близость к народным песням, образы, близкие и понятные коми человеку:

Öтлаасис куим туйвож
 Öти места вылö;
 Украинасянь вок котыр
 Янсöдчисны ылö;
 Эновтисны пöрысь мамсö;
 Ъджыд вокыс – аньсö,
 Мöдыс – чойсö, ичöт вокыс –
 Муса нывсö, шаньсö.

«Куим туйвож».
 (Т. Шевченко, пер. Г. Габова).

Ой три шляхи широкиі
 Докупи зійшлися.
 На чужину з України
 Брати розійшлися.
 Покинули стару матір.
 Той жінку покинув,
 А той – сестру, а найменший –
 Молоду дівчину.

«Ой три шляхи широкиі».
 (Т. Шевченко).

В том же году **Г. А. Фёдоров (1909-1991)** перевёл на коми стихотворения Т. Шевченко «Сова» и «По вулиці вітер віє» (На улице снег и ветер), а М. Н. Лебедев (1877-1951) – его поэму «Кавказ» и стихотворение «На вічну пам'ять Котляревському» (Вечной памяти Котляревского).

Во втором номере журнала «Ударник» за 1939 г. опубликовано и стихотворение молодого писателя, литкружковца Ульяновского сельхозтехникума **С. Ф. Тимушева (1919-1986)** «Т. Г. Шевченко». Это первое стихотворение, посвящённое украинскому поэту:

Крепостнойяс пиысь петлін,
 Эз вöв гажа челядьдыр,
 Сьöкыдлунсö уна тöдлін
 Аслад олöм чöжыд пыр <...>
 (С. Тимушев).

Вышёл ты из крепостных,
 Твоё детство не было счастливым,
 Много трудностей ты испытал
 За свою жизнь <...>

С Украиной связаны судьбы и творчество коми поэтов времён Великой Отечественной войны.

С весны 1943 г. на Украине воевал коми поэт **А. П. Размыслов (1915-1943)**. Там же ему присвоили звание старшего лейтенанта, а осенью 1943 г. А. Размыслов, которому не было ещё и 28 лет, погиб при форсировании Днепра у г. Кременчуг Полтавской об-

Братская могила в с. Большая Кохновка Кременчугского района Полтавской области, где похоронен коми поэт А. Размыслов (наши дни).

Мемориальная плита с именами погибших у с. Большая Кохновка.

ласти. Его похоронили в с. Большая Кохновка во дворе дома П. П. Коба, где он погиб, а в 1957 г. прах поэта был перезахоронён в братскую могилу. На протяжении многих лет после войны П. П. Коба и её семья поддерживали тесные связи с родственниками поэта и коми писателями. Стихотворения А. Размыслова в переводе на украинский П. Скунца, Д. Данько не раз публиковались в украинской периодике. В 1985 г. в Харькове издана книга стихов поэта «Зоряниця» (Ранняя зоря). Предисловие к ней написали Б. Олейник и А. Ванеев.

Другой коми поэт **С. А. Попов (1913-2003)** в составе 25 гвардейской стрелковой дивизии участвовал в боях на Воронежском и Юго-Западном фронтах, на I Украинском фронте. Поэт вспоминал об этом времени: *«Воевать с фашистами я пошёл рядовым солдатом, можно сказать, пол-Украины прополз на животе. Был ранен в боях под Харьковом...»* Судьба оккупированной фашистами Украины, страдания и горе её народа глубоко затронули поэта. Им посвящено стихотворение С. Попова «Украина-лы» (Украине, 1945), в которое автор включает образ Тараса Шевченко – скорбящего поэта, представшего перед коми солдатом:

Шудыд эм, Украина!
Виль садъяслён дзоридз
Вевтис бояясён сотём да ранитём му <...>

Миян сьёлёмъяс шонтёны тэнё кыдз чойёс,
Шонді дзик ётмоз югдёдё степь выв и рас.
Медым радуйтчё Днепр бердса

керёссиянь-чойсянь
Аслас мулён судьбаён Шевченко Тарас!
(С. Попов).

Есть счастье у тебя, Украина!
Цветы новых садов
Укрыли сожженную
и раненую боями землю <...>

Наши сердца согревают тебя как сестру,
Солнце одно освещает степи и лес.

*Чтоб радовался с обрыва Днепра
Судьбой своей земли Шевченко Тарас!*

Уже в послевоенное время поэт написал стихотворения «Закарпатьеса рапсодия» (Закарпатская рапсодия, 1972), «Поезд мунё Киевё» (Поезд едет в Киев, 1978), посвящённые Украине. Эти и многие другие произведения С. Попова переведены на украинский язык и опубликованы в украинских газетах и журналах, а в 1981 г. в Одессе издан сборник стихов поэта «Ранок над Ежвою» (Утро над Эжвой), предисловие к которому написали Б. Хоменко и К. Хоменко. Творческим связям С. Попова с украинской литературой посвящена статья О. Борт «Украинасянь копыр» (Поклон с Украины) («Югид туй» от 23 дек. 1982 г.) и статья А. Кондратюка «Поэзия матыстё йёзёс (Поэзия сближает людей)» («Войвыв кодзув» №6 за 1982 г.).

Воевал на Украине и ещё один коми поэт **Ф. В. Щербаков (1914-1978)**. В годы Великой Отечественной войны он был командиром взвода ПТР 37 отдельной стрелковой бригады 3 танковой армии Воронежского фронта, воевал под Харьковом, где в 1943 г. был тяжело ранен в бою за станцию Александровка Харьковской области.

Один из его сонетов 1968 г. в сборнике «Кодзувьяс оз кусны» (Звезды не гаснут, 1969) называется «Киевын Шевченколы памятник» (Памятник Шевченко в Киеве). Стоя перед памятником украинскому поэту, лирический герой стихотворения – коми поэт – размышляет о той же жестокости современного мира, что и во времена Т. Шевченко, а также говорит о востребованности его гуманистической поэзии, её актуальности и в наши дни:

Тыр ыджыд думён ётнас сулалё поэт,
Мыш саяс кутіг асьыс веськыд кисё.
Мёд кинас кывзё съёлёмыслысь бисё,
И кобзарь вылё видзёдö став свет.

Мый йылысь видзё дум? Поэтлөн мөвп эз быр,
Му шарыс пыр на зыкён-пиньён тыр <...>

(Ф. Щербаков).

*Задумавшись, один стоит поэт,
Свою правую руку держа за спиной.
Второй рукой слушает огонь сердца,
И смотрит на кобзаря весь свет.*

Коми поэт Серафим Попов во время Великой Отечественной войны.

*О чём он думает? Не иссякли мысли поэта,
Ведь земной шар все еще полон распрей <...>*

Стихотворения, посвященные Украине, есть и у **И. М. Вавилина (1911-1975)**, прошедшего всю войну от Сталинграда до Австрии в составе расчёта гвардейских миномётов. На фронте поэт написал два сборника стихов «Ни öти шаг бõрõ» (Ни шагу назад, 1942) и «Сõветскõй воин» (Советский воин, 1944), и именно на Украине военным руководством ему была дана возможность писать в перерывах между боями. Есть в одном из них стихотворение, посвящённое Украине, – «Лым еджыд хата» (Белоснежная хата, 1943).

Уже после войны в сборнике «Сьõлõм сьылõм» (Песня сердца, 1976) И. Вавилин опубликовал посвящение Т. Шевченко – «Кувлытõм Кобзарлы» (Бессмертному Кобзарю). Это стихотворение-обращение коми поэта к Т. Шевченко, написанное в форме его «Завещания»:

Тэныд, кувлытõм Кобзарлы,
Бур йõз копрасьõны.
Кутшõм вõли тэнад арлыд,
Сэтшõм на и õни.

*Тебе, бессмертному Кобзарю,
Кланяются люди.
Сколько было тебе лет,
Столько остаётся и сейчас.*

Вõрõг тэно вьлыбсь дорлиц
Важся сёмõм чептõн.
Пежõс став вир-ййõн ёрлим.
Веним, ки эг лэптõй.

*Враг вновь тебя пленил
Старыми ржавыми цепями.
Мы его проклинали всем сердцем.
Одолели, не сдались.*

Кодыр мездим Украина,
Гажа чужан мутõ,
Медым кõсйõмторйыд инас,
Окали ме гутõ.

*Когда освободили мы Украину,
Твою прекрасную землю,
Чтоб желание твоё сбылось,
Целовал я твою могилу.*

(И. Вавилин).

И. Вавилин плодотворно работал и над переводами произведений Т. Шевченко. Ему принадлежит наибольшее их количество: «Кор ме кула» (Заповит), «Озырлы эн некор вежав...» (Не завидууй багатуму), «Нева ю пõлõн шõйтõ кор...» (Однажды над Невой иду), «Перебендя», «Гогольы» (Гоголю), «Синмõс пõрт вай, дзор волшебник...» (Заворожи менõ, волхве), «Кад прõйдитõ: вой вежõ лунсõ...» (Минають днõ, минають ночõ), «Йõз муын быдми пессигтыр...» (I вирис я на чужинõ), «Дзик нинõм радлунсõ оз сет тай...» (Нигде ни в чем отрады нет). Все эти переводы были выполнены к юбилейным датам: в 1961 г. – к 100-летию со дня смерти Т. Шевченко, и в 1964 г. – к 150-летию со дня его рождения.

Укреплению творческих взаимосвязей между коми и украинскими писателями способствовало подписание в 1972 г. договора об их творческом сотрудничестве. В том же году в Закарпатской области прошла неделя коми литературы, а через год, в 1973 г., неделя Закарпатской литературы прошла и в Коми АССР. Из Закарпатья в Сыктывкар летом 1973 г. приезжали прозаик Ю. Мейгеш, поэт и прозаик Л. Балла, поэты В. Вовчок и В. Ладыжец. Через десять лет, в 1983 г., на празднике поэзии в с. Куратово

побывали закарпатские поэты Ю. Шкробинец, П. Скунц, Б. Салаи. В рамках этого сотрудничества на коми язык переведены стихи, рассказы и даже романы украинских писателей.

Так, поэты С. Попов и В. Лыткин вновь обратились к творчеству Т. Шевченко: в 1985 г. С. Попов перевел «Заповіт» Т. Шевченко. Под названием «Бурсиём» (Завещание) и с припиской «Шестому международному финно-угорскому конгрессу в подарок» оно опубликовано в газете «Югыд туй» 16 июля. Через несколько лет этот перевод был опубликован в книге «Заповіт мовами народів світу» («Завещание» на языках народов мира, Киев, 1989). К переводу шевченковского «Завещания» в 1977 г. обратился ещё один коми поэт, учёный-лингвист **В. И. Лыткин (1895-1981)**. Это один из лучших коми переводов данного стихотворения: он выполнен с художественной точностью и верностью оригиналу. И, хотя поэтическим творчеством В. Лыткин начал заниматься ещё в 1913 г., стихотворение Т. Шевченко он перевел уже в преклонном возрасте, подводя, таким образом, свои жизненные и творческие итоги.

В 1950-70-е гг. на коми язык переведены и опубликованы произведения украинских писателей. Это роман А. Гончара «Знаменосецъяс» (Знаменосцы, 1955), отрывки из романов Ю. Мейгеша «Верховинцы» и «Каменный идол», отрывок из повести В. Барсараба «Смотрю в твои глаза», рассказы Л. Балла, Ю. Керекеша, И. Франко, стихи В. Варади,

Журнал «Войвыв кодзув» - к 150-летию со дня рождения Т. Шевченко (1964 г.).

Микрофон дорын Карпат сайысь воём гӱсть – украинаса поэт Юрий Шкробиней.

Карпат сайса поэт Петро Скунц лыддьӧ ассъяс вильӧн чужӧм кывбурсӧ.

П. Воронько, В. Ладыжца, Д. Павлычко, П. Скунца, П. Тычины, Леси Украинки, И. Франко, Ю. Шкробинца, В. Феденишинеца и др. Значимым событием тех лет стало издание сборника прозы Закарпатских писателей «Карпат сайса висьтьяс» (Закарпатские рассказы, Сыктывкар, 1978). Отдельными книгами в Коми АССР были изданы произведения И. Франко «Рассказъяс» (Рассказы, 1954), П. Воронько «Тэнад книга» (Твоя книга, 1958), А. Гончара «Знаменосецъяс» (Знаменосцы, 1955).

На украинский язык в эти годы переведены произведения многих коми писателей: И. Куратова, Я. Рочева, И. Симакова, А. Размыслова, В. Лыткина, И. Вавилина, А. Ванеева, Ю. Васютова, В. Лодыгина, А. Мишариной, В. Попова, С. Попова, В. Тимина, И. Торопова, Ф. Щербакова, Г. Юшкова, А. Мальцева. На Украине опубликованы отдельные книги коми писателей Н. Дьяконова «Весілля з приданим» (Свадьба с приданым, Киев, 1951), Я. Рочева «Двое друзів» (Два друга, Киев, 1962), А. Ларева «Свидания у черемухи» (Киев, 1961), С. Попова «Ранок над Ежвою» (Рассвет над Эжвой, Одесса, 1981), А. Размыслова «Зоряниця» (Ранняя заря, Харьков, 1985). Произведения коми писателей вошли в коллективные сборники стихов и прозы «Пісні з-над Печори» (Песни над Печорой, Ужгород; Сыктывкар, 1975), «Випробування» (Испытание, Ужгород; Сыктывкар, 1986).

В 1990-е гг. творческие связи между коми и украинской литературами были прерваны, однако в первом десятилетии XXI в., благодаря содействию Национально-культурной автономии Украины в Республике Коми, они вновь возобновились. В 2014 г., к 200-летию Т. Г. Шевченко, на коми язык было переведено его стихотворение «Мыйысь меным сьёкыд? Мыйла висьё сьёлём?» (Чого мені тяжко, чого мені нудно) (пер. А. Ельцовой). В том же году Н. Напалковой, Е. Ельцовой написан праздничный буклет о жизни и творчестве Т. Г. Шевченко, о переводах его стихов коми поэтами. В Киеве в 2012-2015 гг. Институтом литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины издана 6-томная Шевченковская энциклопедия. В третий том этого издания включена статья литературоведа Б. Хоменко «Коми литература и Шевченко», в написании которой принимали участие научные сотрудники сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Литература о творческих взаимосвязях коми и украинской литератур:

1. Борт О. Украинасянь копыр // Югыд туй. 1982. 23 дек.
2. Власов А. Рочён – Кривой Рог, а комиён – Чукля Сюр: очерк // Войвыв кодзув. 2014. 8№. 62-66 л.б.
3. Ельцова Е. В. «Тэныд, кувлытём Кобзарлы...»: XX нэмся коми поэзияын Тарас Шевченколён об-раз да кывбуръяс // Войвыв кодзув, 2014. 10№. 47-59 л.б.
4. Ельцова О. Творчисть Т. Г. Шевченка в комі літературі ХХ століття // Тарас Шевченко і кобзарство: Друга міжнародна науково-практична конференція (у рамках Четвертого міжнародного конгресу світового українства), 23-24 серпня 2013 р. Львів: Видавництво Львівської політехніки, 2013. С. 181-188.
5. Кондратюк А. Поэзия матыстё йёзёс // Войвыв кодзув. 1982. 6№. 50-52 л.б.
6. Конохов Д. Иван Куратовлён ёти перевод йылысь // Войвыв кодзув. 1975. 9№. 56-57 л.б.
7. Кротевич Е. Тарас Григорьевич Шевченко: краткой биографической обзор // Ударник. 1939. 2№. 33-40 л.б.
8. Мартынов В. Йитё поэзия // Войвыв кодзув. 2008. 7№. 73-76 л.б.
9. Савин В. А. Менам том кадся олём // Савин В. А. Кывбуръяс, поэмаяс, пьесаяс, висьтьяс, очеркъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1962. С. 548-576.
10. Хоменко Б. Иван Куратов да Украина // Войвыв кодзув. 1977. 12№. 52-57 л.б.
11. Хоменко Б. Коми литература и Шевченко // Шевченківська енциклопедія. В 6 т. К.: НАН України, Ін-т л-ри ім. Т. Г. Шевченка. 2013. Т. 3: І-Л. С. 469-470.
12. Чисталёв В. Т. Миян нэмё // Чисталёв В. Т. Ния. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2010. С. 353-365.

Украина в коми поэзии

В. САВИН

Водзö кезлö

«Як умру, то похуйте мене на могили».

Т. Г. Шевченко

Ог на ме лосьодчы регыдöн кувны, –
Кызкö тай, быттьокö, кажитчö водз на...
Коркö-некоркö öд лоö жö кувны,
Сы понда духовна вöчышта водзвыв.

Неважöн кулисны Забоев, Козе, –
Код тöдас, дырö-ö нин ачым ме ола.
Ён дырйид бурджыка гижыштны позьö,
Кыз менö кула да гуавны колö.

Майбырöй, олёмöй! Коркö тэ помасян,
Пырны сэк лоö мем гуö.
Радейтли тэнö ме, донаöй: томысянь
Пыр вöли тэ вöсна сьөлёмöй пуö!..

Эмбурыд менам эз вöвлы важöн,
Оз юкны овмöс ме бöрын пьян.
Му вылын овны вöляöн, гажöн
Быдöнны нэм чöж сьөлёмсянь сия.

Том йöзлы быдмыны гөрд знамя улын;
Верстьöлы весавны, кыткö кө руд;
Пöрысьлы шы ни тöv виччысьны кулöм –
На помысь оз нин сод му вылö шуд!..

Муса ёртъясöй! Кор ме кула,
Дзебöй гажаинö:
Гажа нöрысö, сус пу улö,
Муса Эжва динö!

Пыр мед гу водзын сус пу шувгö,
Помтöг меным мойдö;
Пыр мед Эжвалысь аддза шывгöм,
Вөрöм, ямöм, ойдöм;

Пыр мед гусянь ме олём кыла
Мулысь, вөрлысь, валысь...
Сэн ме узигён вётон сыла
Гуся олём налысь...

Гажаа колльөдöй менö гортсянь, –
Мунам тшöтш медбөръяысь!
Мед мем долыджык лоö горттын,
Сэки энö бөрдöй!

Мед ён музыка водзсянь кылас:
«Шондiбанöй, олём!»
Сылысь чукөр мед бөрсянь сылас
Менсьым «Сьölөм сьылөм!..»

Менам гу вылö, нöрыс йылö
Волöй, зонъяс, нывъяс!
Энö шогсьöй сэн, гажа сьылöй
Коми сыланкывъяс!

Менö казтыштлöй, энö полöй,
Гажа сыланiнö.
Сэки нимкодя менам лолöй
Волас тiян дiнö!

1922

В. ЧИСТАЛЁВ

Көнкө, веж турун пөвс...

(Бурсиа коми аньлы – Йоль М-лы)

(Вемöсөн колана вöт)

Көнкө, веж турун пөвс
муртса кылыштö «чоль» –
Чукльöд-мукльöдлiгтыр
сöстөм визувтö ёль.
Öдйö, тэрыба зэв,
уна, уна нин во
Нуö котөрөн пыр
югыд синва кодь ва...

* * *

Мича веж коръя пу –
эзысь сямёда кыз
Менам юр весьтын дзик
нора шпарёдіс кырсь...
Гөгөр, кытчөдз оз судз
синмыд, вөр-пу йыв пом, –
Паськыд видзьяслөн дор
эз и тыдав некөн.

* * *

Гатшён куйла ме сідз:
лөзов енэж ме весьт;
Думён лэбалі дыр,
корси долыдлун сэсь...
Кизьөр, тшын-бус кодь руд,
вылө лэбзьёма ру, –
Ветлө кымөрөн пуж,
гажтём эновтём му.

* * *

Небыд турунъяс йыв
төвру котраліс сэн,
Налысь кокныдик юр
улө копраліс мем.
Валён чольгём шы пыр
кыліс зэв лөсьыд мойд,
Меным сёлөмөдз дзик
сылөн инмис быд войт.

* * *

Кызди унмовсигдыр,
шензян вөтөн, – он чайт, –
Кодкө пель водзын сэк
меным вашнитіс «ланьт!»
Чөскыд көр гөгөр весь
турун дзоридзьяслөн,
Вөр-пу сир дука тшын
нырө өвтыштіс мем...

* * *

Куньян син лысьяс пыр
югыд вуджөр кодь, сыв, –
Аддза – сувтіс ме водз
муса томиник ныв...

Шонді югөръяснас
ворсіс юрсияс пөвс,
Кокньыд паськөм сылысь
муртса вөрөдіс төв.

* * *

– Мый нө, эн өмөй төд
менө, муса тэ зон?
Кодлы ассьыд тэ, том,
сетін олөмтө, ён?
Код весьт сьөлөмтө, бур,
видзин өнөдз на пыр,
Уна, уна нин во
менө виччысин дыр?

* * *

– Тайө – ывлавыв ме,
кодос радейтлін тэ.
Важөн-важөн нин зэв
тэнө виччыся ме.
Бара, важ бөрад моз,
вунөд ассьыд тэ шог,
Сэсса некор нин ог
эновт тэнө ме, ог!

* * *

Шойчы, дона мем морт,
коли сьөд пемыд вой,
Эн нин дойдав, эн гөр
аслад сьөлөмлысь дой...

* * *

Друг ме сыркмуні, садьми:
көнкө веж турун пөвс
муртса кылыштө «чоль»...
Чукльөд-мукльөдлігтыр
сөстөм визувтө ёль...
Небыд турунъяс йыв
төвру котралө лөнь,
Налысь кокньыдик юр
улө копралө мем...

Тута-номъя

(Теш. Украинаса съиланкы в серти)

Кутшөм сәни кылө зык?
 Мый сідз вөйпсьөны?
 Гут пө тай верөс сайө
 Ном сайө мунөма.
 Босьтөма жө пө тай –
 «Добра» ичмонь,
 Дзоля ичмонь,
 Туйтөм аньөс.
 Весиг пө өд оз и куж
 Шыдсө пуныс,
 Вурны ни печкыны,
 Няньсө пөжавныс.
 Кыдз нө сідз номлы
 Бура овны?!
 Гуткөд эз вермы
 Овмөдчыны.
 Лэбис дөвеч-ном
 Видзьяс вылө,
 Пышйис гут дінысь
 Ылі ольө.
 Пуксис тай сійө
 Кыдз пу йылө,
 Да-й өшөдіс ассьыс
 Юрсө улө.
 Кыпөдчис кытыськө
 Ыджыд төвныр –
 Нөбаліс ув вылысь
 Коньөр номөс.
 Усьөмыс пу йывсянь
 Лои чорыда,
 Ки-кокыс, ордлыыс
 Быдсөн чегъясис.
 Нюжвидзө кулөма,
 Бытьтө багатыр,
 Шевгөдөма сывбордсө
 Шудтөм гөтрасьысь.
 Дзизгисны-лэбисны
 Сэті лөдзьяс,
 Юалөны: «Кутшөм пан
 Татчө кулөма?»

Абу ыджыд, абу пан, –
Шуё налы геб, –
Тайё гутлөн вөлі
Дона мусукуыс».

1917

Шевренковсь

Лёк төлөн муёдз синсьё пуяс,
Зэв ёна ызгё Днепрлөн ва...
Ок, вылө-вылө качё гыяс,
Веж быгйөн ветлө сылөн вал...

А кельыд төлысь сійё кадё
Шынь-гусьён шлывгис кымөр пөвст,
Кызд быттьё пыжа гы пөвст катё:
Дзурс – сунлас, вошлө – кыптё бөр.

Быд морт на сиктын вөлі узьё,
Эз чуксась петук асья вой.
Сём шуштём кыліс буксём сюзьлөн,
Да... нора дзуртіс ясень пу...

1922

Шондібаной инёй

Шондібаной, оланінёй,
Муса Украинаёй!
Кызд нин бара өні, тэёй,
Метём дырйи олан?
Меным пыр на, коркө бөрын,
Син водзё тэ волан,
Аслад лөня-небыд гажнад
Пель водзын тэ кылан.
Частё тэёй, муса муёй,
Вөтө меным усылан...
Югыз кодзув енеж улын
Вугралігтыр узян;
Колипкайкөд вишня садйын
Муслун көнкө сылан;

Маа көра сынөд төлөн
 Пöлялан да пушкан...
 Көнi тэй, Оксанай,
 Муса, мелi нылöй?
 Сiма чужöм, сьöd синтаскöй,
 Орöсiник синмöй?..

Шондiбанöй, оланiнöй,
 Муса Украинай!
 Коркö бара лолö оз нин
 Аддзывны мем тэнö?

С. ПОПОВ

Украиналы

Мунiм рытывлань ми
 автоматъясөн кын,
 Вöли ставнымлөн вомдорным
 ярлунла кос...
 Украина, коканна,
 рöднöй Украина,
 Тэнад гөлöсыд вöли сэк
 быд дойысь ёсь.
 Бөрдиc Галю, – эз öти,
 а тысяча Галю,
 и Шевченко Тарас
 шога копыртiс юр,
 Кор фашистскöй ордаясыс
 биөн да стальён
 тэнад морöсö
 виччысьтөг суйисны пурт.
 Русскöй вокъяскöд öтвылысь
 тэрмасим водзö,
 Лыддим воськовъяс, часъяс,
 минутаяс, кор
 Петан кымöрысь тэ,
 мян дас квайтöд кодзув
 Да салдатъяскöд сывъясяс
 югыд Днипро.
 Мунны би пыр
 Хмельницкийлөн правдаыс корис,
 Муса Киевлөн синва

да Харьковлөн шог.
 Сөмын сы вöсна,
 тэ медым вольнöя олин,
 Сетис жалиттöг олöмсö
 Эжваса зон.
 Шудыд эм, Украина!
 Выль садъяслөн дзоридз
 Вевттис бойясөн сотöм
 да ранитöм му,
 Кöни русскойкөд сывйыштчöм
 зэв ылыс комилысь
 Нэмьяс казътылö паметсьö
 öтувъя гу.
 Миян сьöлöмьяс
 шонтöны тэнö, кызд чойöс,
 Öти шондi пыр югдöдö
 степъяс да рас...
 Медым радуйтчö
 Днепрбердса керöссиянь-чойсянь
 Аслас мулөн судьбаён
 Шевченко Тарас!

1945

И. ВАВИЛИН

Кувлытöм Кобзарлы

Сьöлөм чукöстис кор тэнö,
 Шуин, олöй-вылöй,
 Эн пö вунöдöй и менö –
 Казътыштлиöй бур кылөн.

Тэнад ыджыд да бур нимыд
 Пушкинкөд век орчча.
 Ми көть бырам, тэд оз имит –
 Внукъяс ордö кольччан.

Тэныд, кувлытöм Кобзарлы,
 Бур йöз копрасьöны.
 Кутшöм вöли тэнад арлыд,
 Сэтшöм на и öни.

Вөрөг тэнө выльысь дорліс
 Важся сімөм чептөн.
 Пежос став вир-яйөн ёрлім.
 Венім, ки эг лэптöй.

Кодыр мездім Украина,
 Гажа чужан мутö,
 Медым көсйөмторйид инас,
 Окалі ме гутö.

Огö вунөдöй ми, огö,
 Он коль вуджөр сайö.
 Со тай тэнад тэчас ногөн
 Гижи стихсö тайöс.

1976

С. ПОПОВ

Поезд мунö Киевö

Петö Москваысь войын
 Киевлянö тövзвысь поезд.

Виччыся буретш сійöс,
 Пукала,
 Ог тай узь.
 Ньöбөм билетöй киысь
 Пола, мед оз жö усь.
 Меным мöй, сідзкö шуны,
 Нуöмысь сетны дон?
 Эз öд на, чайта, вунөд
 Зэв лөня кывтысь Дон;
 Днепр бердса важ блиндажöй
 Паметъысь эз на быр,
 Эз öд на вывтi важөн
 Гымав сэн война ныр.
 Ой, Украина-муöй,
 Коляс көть унджык во,
 Некор, ме сёысь шуа
 Ылысджыкөн он ло!
 Коркö мöй муслун куслö,
 Көдзалö, кызди гор?
 Днепр вöсна косьын уси

Медмуса менам ёрт.
Помнита ставсö бура,
Дойдны важ дой ог сет!..
– Могтöгыд, дзормöм юра,
Гортсьыд тэ эн жö пет?..
Висьтасьны, дерт нин, корас
Зон либö мича ныв.
Некод жö сэк оз орöд
Дженьыдик воча кыв:
– Кевмысьны енлы важöн
Киевö ветлис дед.
Пода туй эз көть гажöд,
Шудлунсö ен эз сет...
Юрбитис Лавра вылö
Пармаысь воём морт.
Кольлис-ö сэсса сылы
Сöмын нин гу да горт...
Киевлань туй жö кута,
Сöмын тай могöй мöд:
Окавны көсья мусö,
Коді быд муысь рöд...
Петö Москваысь войын
Киевлань төвзьысь поезд.
Виччыся буретш сійöс,
Пукала,
Ог тай узь...

Ссыланкыв, сідзкö, миян
Туйсьыс на лоас кузь!

Переводы произведений Тараса Шевченко на коми язык

Завещание

Кор ме кула, дзевöй сэки
Менö небыд муö,
Муса Украина степö
Гуавнысö нуöй,
Медым помтöм мича степьяс,
Лöзов Днепр да кырьяс

Вөлі аддза, вөлі кыла
Налысь мурган кывъяс.

Менö дзебöй, сэсса кыптöй, –
Чепъяснытö расйöй,
Врагкöд тышын найö вирөн
Вöлянытö пасйöй.
Ыджыд семьяын ті менö,
Вöльнöй, выль семьяын,
Энö вунöдöй да казътöй
Бур кывйөн син сайын.

Пер. П. Шеболкина
1937

Кор ме кула...

Кор ме кула, дзебöй менö
Аслам чужан муö,
Помтöм, паськыд эрдаинö
Кодйöй меным гуöс,
Мед мем куйлыны му чуркйын,
Вына Днепр ю дорын,
Медым кывны, кызди сйö
Ызгö ыджыд горөн.

И кор Днепр Украина муысь
Дзыкöдз мыськас-нуас
Вөрöгъяслысь вир... Ме сэки
Пыр жö пета гуысь –
Пета ме и воа сэтчö,
Енмыс олö кöні,
Кевмышта... Öд ыджыд енсö
Ме ог тöд на öні.

Дзебад – кыпöдчöй дзык пыр жö,
Чепъяс жуглöй-йирöй,
Перйöм мездлун вежöдöй ті
Вражескöй сьöд вирөн.
Сэки ыджыд, выль семьяын
Бура олöй-вылöй,
Энö вунöдöй и менö –
Казьтыштлöй бур кылөн.

Пер. И. Вавилина
1961

Завещание

Кор ме кула, дзёбёй менё
Украина муё,
Помтём-дортём степ выв шөрё
Кодйёй менсьым гуёс.

Медым куйла нёрыс вылын,
Паськыд Днепр ю дорын,
Медым кылас пёрысь юлөн
Гынас увгём горыс.

А кор Украина муысь
Враглён пеж вир лэччас –
Кывтас паськыд Днепр ю кузя,
Сэки гуысь чечча.

Сувта да енэжсё судза,
Юрбитышта... Ёні
Менам некутшём ен абу,
Ог тёд. Сійё көні.

Дзёбёй, асьныд сувтёй-чеччёй,
Чепъяс пуз-паз вёчёй,
Врагъяслысь съёд вирсё резёй,
Югыд вёля көдзёй.

Сэки ыджыд семьяаныд –
(Мездлун лоас сэні)
Эн вунёдёй – бура-лөня
Тшётш казтыштлөй менё.

*Пер. В. Лыткина
1977*

Бурсиём

Кор ме кула, менё дзёбёй
Крут мыльквывса гуё,
Муса Украина эрдё,
Аслам чужан муё,
Медым аддзи паськыд эрдсё
Быд мыльк, Днепрёс-юёс

Да пыр кылі, кызди бузгö
 Сійö аслас гыөн.
 Саридзö кор вирсö сійö
 Вөрöглысь тшöтш нуас,
 Ставсö эновта ме сэки –
 Гöраяс и муяс,
 Уськöдча лöз енэжланьыс
 Юрбитыштны Енлы...
 Сыöдз, татшöм шуда здукöдз
 Ме ог казътыв Енмöс.
 Менö гуалöй да сувтöй,
 Жуглöй чеплысь везъяс,
 Вөрöгнымлөн пеж-лөк вирөн
 Мездлуннытö резöй.
 Сэки зэв ыджыд семьяын,
 Мездöмаын, выльын,
 Тi эн вунöдöй и менö
 Казътыштны бур кывйөн.

Пер. С. Попова
 1985

Завещанньö

Кодыр кула, дзевöй менö
 Кыркöтшвывса гуö,
 Ылöдз тыдаліс мед эрдыс,
 Украина муöй.
 Медым аддзи помтöм ыбъяс,
 Медым кылі узиг,
 Кызди Днепрлөн визув гыис
 Кокъяс улын пузьö.

Визулыс кор лöз саридзö
 Украина-сь нуас
 Враглысь пеж вирсö, сэк сöмын
 Майшасьöмöй вунас.
 Эновтла сэк мусö-васö,
 Енъяскöд ог вензъы,
 Юрбитышта. Но а сэтчöдз
 Нинöм меным енсьыс.

Менö дзёбöй, сэсса зэвтчöй,
 Чепъястö жугöдöй,
 Пеж враг вирöн найöс резöй,
 Мездлунтö вынсьöдöй.
 И кор йöзлөн ыджыд котыр
 Мездмас, лоас вильöн,
 Энö вунöдöй да казьтöй
 Менö шаньджык кылөн.

Пер. А. Ванеева

* * *

Синмöс пöрт вай, дзор волшебник,
 Сы вылö-й тэ олан.
 Игналин нин менсьым сьöлöм,
 Ме со – век на пола!
 Ассьым сотчöм оланинöс
 Кисьтны оз лыб киöй!
 Зэв öд страшнö, медым сьöлöм
 Гуавны му пиö!
 Гашкö, надея на воас
 Югыд, мича шорөн –
 Ловзьöдана, бурдöдана
 Сöстöм синва сорөн.
 Гашкö, тöвйыны на ковмас
 Эновтлöм важ позйын.
 Гашкö, белитны сэсь стенъяс
 Ковмас. Али оз нин?
 Белитан кö, гашкö, югдас,
 Оз на дзикöдз пöръяв.
 Гашкö, садьмасны на менам
 Думъяс-сьöлöмшöръяс!
 Кевмышта ме накöд öтув,
 Сыркъялышта накöд,
 Оз-ö правдалөн яр шондi
 Кöть нин вöтөн такöд.
 Пöръяв вай, но мем ло вокөн!
 Бур кыв шуин мед кöть:
 Кевмыны-ö, прöститчыны
 Меным вöльнöй светкöд?

Пер. И. Вавилина
1964

* * *

Мыйысь меным сьöкыд? Мыйла висьö сьöлöм?
Коньöранöй, вийсьö-бöрдö горзигтыр,
Бытьтьö дзоля кага?.. Öлөд, сьöлөм, öлөд
Сийö дойсö, кодi йирö тэнö дыр.
Тшыг тэ, менам сьöлөм, али горшыд косьмö?
Öвсы, ланьт да унмовсь, узь көть быдса нэм!..
Лёк йöзыд му вылас уна на öд эм...
Тупкы синтö, сьöлөм, да эн некор востылы!..

Пер. А. Ельцовой
2015

Юлия Систер

Систер Юлия Давидовна – доктор, генеральный директор Научно-исследовательского центра «Евреи России в Зарубежье и Израиле», руководитель Дома учёных и специалистов Реховота, член президиума Союза учёных (Израиль).

Г. П. Кочур: очерк жизни и творчества

После великих исторических катастроф XX века немецкий философ Адорно заметил, что после Освенцима уже невозможно писать стихи. Недооценил философ возможностей человеческого сопротивления: стихи создавались и в самих лагерях, стихи помогали выстоять, сформировать и отстоять те моральные ценности, служение которым может стать смыслом человеческой жизни.

Григорий Порфирьевич Кочур (17 ноября 1908, село Феськовка Менского района Черниговской области – 15 декабря 1994, город Ирпень Киевской области) – украинский поэт, переводчик, литературовед, диссидент и правозащитник. Григорий Кочур – лауреат премий М. Рильского и Т. Шевченко за переводческую деятельность, награждён медалью Научного общества имени М. Грушевс-

кого. В Львовском университете открыта переводческая кафедра им. Г. Кочура. В 2008 году в честь 100-летия переводчика выпущены марка и конверт с его портретом. В Ирпене действует дом-музей Григория Кочура. Учреждена переводческая премия его имени.

Кочур родом с Черниговщины. Отец из казаков: «коч» – боевая ладья запорожцев, «кочур» – моряк. Кочур с его заполярным лагерным опытом полушутя перевёл свою фамилию от «окоченеть» и «окочуриться».

Читать он умел с трёх лет. В журнале «Нива» нашёл какой-то перевод. Это его заворожило, как других море или небо. В 1928-ом поступил в КИНО – Киевский институт народного образования, как тогда называли Университет Св. Владимира. Его учителем был Николай Зеров. Кочур скоро вошёл в круг блестящих переводчиков – Максим Рыльский, Валерьян Подмогильный, Михаил Драй-Хмара, Николай Бажан.

В КИНО Григорий Порфирьевич встретил будущую жену. Ирина Воронович была дочкой одного из руководителей капеллы «Думка», который впоследствии умер в ссылке. Училась на факультете российской филологии. После университета они оба учительствовали в Тирасполе. В 1933 году у них родился сын Андрей. Потом Кочур преподавал в Винницком пединституте. Как-то удалось пережить время, когда его учителя Зерова и ещё многих других уничтожили – «за отрыв украинского языка от русского».

Свою диссертацию о творчестве Поля Верлена не защитил, потому что началась война. Кочуры успели эвакуироваться в Полтаву, когда немцы взяли этот город. Там работал в историческом музее, который немцы при отступлении сожгли. Это так повлияло на Кочура, что, когда пришла Красная армия, попросился добровольцем на фронт. Но СМЕРШ не дремал: Кочура как «пособника оккупантов и украинского буржуазного националиста» арестовали. Жену – тоже. В 1943-ем им дали по 10 лет лагерей в Коми АССР и ещё по пять ущемления в правах, но длительное время они, хотя и находились недалеко друг от друга, были разлучены: он был в Инте, она в Абези. Лишь спустя несколько лет им удалось соединиться.

В лагере Григорий Кочур был шахтёром, потом нормировщиком на шахте. Там он переводил поэзию – венгров, грузин, латышей – всех, у кого были в лагере книги на родных языках, писал стихи, изучал иностранные языки, привлекал к переводу солдаггерников и сам учился у них языкам. Некоторые дарили ему книги, которые кто-то из родных передавал за решетку. В частности, одному москвичу прислали томик стихов Эдгара По. Узник был разочарован, потому что надеялся получить какой-то интересный роман, поэтому отдал эту книгу Кочуру. Из неё Кочур и перевёл «Ворона» на украинский. У него был захалавный блокнот величиной со спичечный коробок, которым он мог воспользоваться в свободную минуту. Григорий Порфирьевич по лагерной привычке, уже вернувшись из ссылки, всё равно писал «на коленке», а не за столом. Достаточно много сделанного пропало и восстанавливалось позже из памяти.

Круг друзей Кочура в ссылке состоял из интересных и талантливых людей. Дмитрий Паламарчук, дружба с которым продлилась и после освобождения на долгие годы, другие репрессированные украинские поэты и писатели, так называемая «Интинская школа» (термин доктора филологических наук, профессора Надежды Георгиевны Колошук, много лет изучающей творчество Г.П. Кочура): Иван Савич (Лукьяненко), Николай Василенко, Николай Сарма-Соколовский, Ярослав Гасюк, Григорий Полянкер, Андрей Химки (Хименко), Евгений Дацюк, Юрий Лисняк, Иван Гришин-Гри-

щук, мемуарист Любомир Полюга, педагог Михаил Хорунжий (отец известного писателя и публициста Юрия Хорунжого), Иван Микульский, Кузьма Хобзей, Александр Гринько (будущий актёр украинского театра и кино), а так же люди других национальностей: белорусский поэт Василий Супрун, русский поэт, профессор Московского университета Виктор Василенко, переводчица Елена Ильзен (Грин), грузинский писатель Рауль Кабидзе, азербайджанский писатель Гасан Ахвердиев, евреи: известные кино-сценаристы Алексей Каплер, Валерий Фрид и Юлий Дунский. Интересны большие письма Кочура из ссылки своим друзьям переводчику Евгению Антоновичу Дробязко и его жене Лие Наумовне, содержащие его переводы и мысли («Листи з Інти» – Письма из Инты). Поражает противоречие между полунищенским существованием Григория Кочура – и высотой его творческих порывов, между бытом и Бытием художника.

Освобождён в 1953, реабилитирован в 1962. После освобождения поселился в городе Ирпень, где его дом стал центром общения для украинской интеллигенции, а сам он – неформальным лидером украинских переводчиков. Со временем кочуровский дом получил название «Ирпенский университет», а «студенты» стали почти ежедневно посещать его. Интересны слова самого Григория Порфирьевича о поколении молодых переводчиков: «Учеников в полном смысле этого слова нет. Но с молодёжью общаюсь охотно. Вообще, это не для меня – выходить на кафедру и поучать, произносить, переводить, обращались ко мне с конкретными вопросами, всегда помогал».

В его доме постоянно бывали Вячеслав Чорновил, Иван Дзюба, Лина Костенко, Василь Симоненко и многие другие. В 1968 подписал Письмо 139-ти против незаконных политических судов в Украине. В 1973 Кочура исключили из Союза писателей Украины за то, что он отказался дать показания против писателя Евгения Сверстюка. На пятнадцать лет он был лишён возможности публиковаться. В 1988 восстановлен в Союзе писателей. Переводчик Григорий Кочур относится к тем, кого в европейской традиции можно назвать действительно интеллектуалом. Кочур шутил: лишь первые пять-шесть языков даются тяжёло, дальше – легче. Его сборник «Второй отголосок» – переводы 130 авторов с 28 языков, 33 литератур. А по времени это – 27 веков, начиная с древних греков. В мировой практике – чтобы исключительно с оригинала, без подстрочника – подобного нет. Кроме античных, европейских и восточных поэтов, Кочур также много переводил русских поэтов – и классиков, и представителей Серебряного века. Он переводил Г. Державина, А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Фета, Л. Мея, Ф. Тютчева, И. Анненского, А. Блока, К. Бальмонта, И. Северянина.

Однако был не только «Второй отголосок». Кочур создал вокруг себя целую школу перевода: Николай Лукаш, Василий Стус, Анатолий Перепадя, Михайлина Коцюбинская, десятки других. В глухие времена хрущевской оттепели, возможно, только переводческая школа Кочура представляла украинскую литературу на достойном уровне.

Литературный подвиг Григория Кочура можно сравнить с подвигом Ивана Франко, который переводил на родной язык художественное слово тридцати пяти народов, а украинского народа – на немецкий и польский, и подарил украинской переводной литературе произведения 125 писателей и многочисленные образцы народного эпоса и народной поэзии двадцати народов. Античных авторов переводил больше всего – 75. А были ещё многочисленные научные и научно-популярные переводы.

«Я имею дерзость считать себя не только переводчиком, а еще отчасти историком и теоретиком перевода», – писал Г. Кочур.

И как это ни парадоксально, только в 82-летнем возрасте переводчик получил воз-

возможность принять зарубежные приглашения и выступить с докладами на научных конференциях.

Григорий Кочур принял участие в составлении «Антологии еврейской поэзии» на украинском языке. «Эта книга является антологией еврейской поэзии, написанной на языке идиш в XIX-XXI вв., в украинских переводах. В Антологии представлены как хорошо известные поэты: Хаим-Нахман Бялик, Перец Маркиш, Давид Гофштейн, Мейлах Равич, Ури-Цви Гринберг, Лейб Квитко, Ошер Шварцман, Мани Лейб, Ицик Мангер, Иосиф Керлер и другие, так и менее известные читателям.

Переводы стихов осуществили известные украинские поэты и переводчики: Иван Франко, Максим Рыльский, Павло Тычина, Николай Лукаш, Григорий Кочур, Абрам Кацнельсон, Моисей Фишбейн, Лина Костенко, Николай Винграновский, Борис Олейник, Дмитрий Павлычко и другие. Кроме известных переводов, в Антологии представлены так же стихи и поэмы, с которыми украинский читатель познакомился впервые».

Кочур перевел с идиш на украинский стихи репрессированных украинских еврейских поэтов: члена Еврейского антифашистского комитета Давида Гофштейна, расстрелянного в 1952 году, Ханана Вайнермана, сотрудника ЕАК, сидевшего в Норильске, Риву Балясную, с которой познакомился ещё в Интинской ссылке.

Кочур перевел с идиш на украинский стихи репрессированных украинских еврейских поэтов: члена Еврейского антифашистского комитета Давида Гофштейна, расстрелянного в 1952 году, Ханана Вайнермана, сотрудника ЕАК, сидевшего в Норильске, Риву Балясную, с которой познакомился ещё в Интинской ссылке.

В одном из последних интервью в 1994 г. Кочур рассказывал о своих «кумирах и авторитетах» в поэзии: «Кумирами были и остались любимые поэты – Максим Рыльский, Тычина (раннего периода), Пастернак, Мандельштам, Ахматова, Цветаева».

В 1985 ушла из жизни его жена Ирина Воронович. Самого Григория Порфирьевича не стало 15 декабря 1994 г. Сегодня в Ирпене действует музей Григория Кочура: дом мастера, как и при его жизни, остаётся своеобразной переводческой Меккой. По крайней мере, для этого всё делали сын Андрей Григорьевич (к сожалению, год назад он ушёл из жизни, светлая память!) и его жена Мария Леонидовна Кочуры. Проблему ремонта его дома в Ирпене помогла решить присужденная уже после смерти Г.П. Кочура Государственная премия имени Т. Шевченко за книгу переводов «Второй отголосок».

Самой большой мечтой Григория Порфирьевича было опубликовать «Третий отголосок» как, так сказать, разноязычную билингву с соответствующим комментарием и портретами авторов оригиналов. А также – билингву Шекспировских «Гамлетов» – в оригинале и во всех украинских переводах с 1865 до 2000 годов (П. Свенцицкого, Ю. Федьковича, П. Кулиша, М. Старицкого – в двух редакциях, Г. Хоткевича, Ю. Клена,

Л. Гребенки, Г. Кочура, М. Рудницкого, Ю. Андруховича, А. Грязнова и др.). Это было бы прекрасное пособие по переводческой теории!

В 2000 г., уже, к сожалению, без Григория Порфирьевича, вышел самый полный сборник его переводов «Третий отголосок».

Мало кто знает, что Григорий Кочур, как и его известный предшественник и учитель Николай Зеров, не только переводил, но и писал собственные стихи. И не спешил с ними в издательства и редакции. По этому поводу можно высказать несколько предположений: прежде всего высокая профессиональная требовательность Григория Порфирьевича, буквально удвоенная именно благодаря глубокому проникновению в тайны мастерства выдающихся поэтов. Вероятно, не захотел, а может, и не решился он выносить непроверенные временем строки на всеобщее обозрение. Жаль, потому что в годы войны архив Кочура не сохранился...

Обновился же поэтический архив при обстоятельствах, не слишком благоприятных. Потому, как когда-то говорил сам Григорий Порфирьевич, «мировые бури» не обошли и его самого, и его жену. Попробуем хотя бы задуматься над тем, среди какого варварства, в каком аду оказался этот человек филологической и общей культуры! Стоит в очередной раз сказать о том, до каких пределов здесь обесценивалось и просто уничтожалось все человеческое, любые проявления человеческого достоинства. И чудо чудное: человек все же победил в своей круглосуточной борьбе против бесчеловечности. Интинские стихи Григория Кочура – это удивительный памятник такой борьбы.

И никогда, ни разу рассказчик не останавливался на том, что, очевидно, составляло основу его тамошнего существования, – на своих собственных переживаниях. Об этом мы узнаём исключительно из интинской лирики поэта.

В контексте на удивление спокойной, уравновешенной эстетики, без малейшей аффектации и душевного надрыва, с безупречным – актуально было бы сейчас сказать – парламентским тактом и сдержанностью предстаёт в Интинском цикле Кочура непримиримость и извечный конфликт высокого духа и сил, стремящихся к насилию над ним. Отметим также: прозрачные, классические поэтические формы, к которым тяготеет автор – от сонета к терцине, – в сочетании с высокой художественной техникой, предельно продуманная их архитектура уже по самой сути своей противостоят окружающей разрушительной стихии.

Вот как поэт Ярослав Гасюк отозвался о Г. Кочуре:

«Все те, которые сидели с ним за колючей проволокой, все те, которые были вместе с ним «вольными» до осени 1959 года в приполярной Инте, верю, скажут: «Нам не надо себе припоминать его, потому что мы никогда о нём не забывали...»

Он остался в памяти обычным человеком. Острижен, как и мы. Одет в хлопчатобумажную лагерную робу, как и все мы. Обут по сезону. Накормлен по норме. Одним словом – зек, заключённый. И в то же время был необыкновенным человеком: живой энциклопедией, живой грамматикой, живым орфографическим словарём. Одним словом, богач, но своим богатством щедро делился».

Едва ли не все участники «Интинской школы» позже вспоминали Г. Кочура как учителя и наставника, с глубокой благодарностью и уважением. В частности М. Сарма-Соколовский вспоминал его до конца жизни, то и дело посвящал ему стихи (в обоих сборниках его стихов по несколько таких посвящений) посмертное посвящение наставнику – стихотворение «Однажды Григорий Кочур» содержит красноречивую

строку: «Умер мой учитель, / не только мой...».

Единственный сборник собственных стихов (не переводов) «Интинский зошит» – «Интинская тетрадь» был издан, когда Кочуру уже исполнилось 80 лет(!), хотя стихи написаны гораздо раньше.

«Интинская тетрадь» содержит всего 27 стихотворений, зато каждое из них – уникальная жемчужина, стоит отдельного исследования. Некоторые стихи имеют авторские датировки, в других они отсутствуют – видимо, некоторые восстанавливались по памяти или перерабатывались. Однако стихи размещены не в хронологическом порядке, и это подсказывает читателю, что скрытый от поверхностного взгляда порядок определяется психологическим конфликтом в сознании лирического героя, нюансами его отношения к миру и окружению, к товарищам по несчастью. Большинство текстов имеют посвящения или содержат обращения – к жене, друзьям, минувшему, поэтам – классикам, наконец – к себе самому и своему «двойнику», ведь это медитативная лирика, которая требует вдумчивого внимания и сопереживания.

Об обстоятельствах и замысле создания сборника свидетельствует в своем очерке-воспоминании о старшем коллеге и наставнике Леонид Череватенко: «Когда я спросил, почему он творил стихи в тюрьме и лагере, но ни одного стихотворения не родил на свободе», Г. Кочур ответил коротко и сердито: «Не было необходимости». Предельное напряжение всех физических и духовных сил Г. Кочур считал неотъемлемой составляющей поэтического (как оригинального, так и переводческого) творчества. Вот так и возникли стихи, составившие впоследствии «Интинскую тетрадь». «Я находился тогда на грани смерти и жизни. Я был убежден, что оттуда уже не выйду, не увижу белого света. Поэтому мне и захотелось оставить что-то после себя – свои боли, свои надежды, своё понимание, видение мира», – признался мастер младшему коллеге.

Стихи и переводы Григория Кочура и его друзей – солагерников по Интинской ссылке – украинских поэтов Дмитрия Паламарчука, Ивана Савича (Лукьяненко), Николая Василенко, Николая Сарма-Соколовского, Ярослава Гасюка с их переводами на русский язык Марка Каганцова вошли в книги-бilingвы «Я тот, чей дух не покорился» (Киев, 2012) и «Чтоб луч свободы не погас» (Львов, 2015). Последняя стала лауреатом конкурса патриотической поэзии имени Екатерины Мандрик-Куйбиды, тоже поэтессы и переводчицы, тоже бывшей узницы Интинского лагеря и тоже представленной в этой книге.

Известный нашим читателям переводчик Марк Каганцов передает чувства и настроения авторов оригиналов очень близко к тексту, пропуская через своё сердце. Это позволяет русскоязычному читателю открыть для себя новые талантливые имена украинских поэтов, сидевших в ГУЛАГе. Сейчас у него появилась возможность познакомиться и полностью перевести на русский язык книгу: Кочур Г. П. Интинський зошит: Вірші 1945–1953 років. – Київ: Молодь, 1989. – 40 с.– вірші табірних років. (Кочур Г. П. Интинская тетрадь: Стихи 1945-1953 годов. - Киев: Молодь, 1989. - 40 с.- стихи лагерных лет.) Переводчик помогает сближению народов, взаимному проникновению культур, нравственности, добру.

Нам с вами повезло одними из первых прочесть эти переводы и оценить вклад Григория Кочура в мировую культуру.

І в цей цвяхований зорями храм,
 В прозорий хрущів хорал,
 В цей легіт, що скорений, завмирав,
 У росяну тайну трав
 Вступив я, хлопець. В саду старім
 І в серці моім горів
 Той самий трепет, порив один,
 Що зорі в небі водив,
 З хрущами бринів, цвіт сипав, як сніг,
 Подих займав мені.
 То плив угору й тремтів не сад –
 То втілювалась краса,
 І я за нею, вгін, до небес,
 До забуття себе,
 В головокрутнім прагненні тім,
 Усього зрікшись, летів.
 Весно в країні дитинних літ!
 Непозбутний твій слід
 Такий, що й прокльон років німих
 Його затерти не міг.
 Таким і досі життям я іду,
 Немов у ту ніч в саду –
 Либонь, до'станку мене охопив
 Той захват потоком сліпим.
 Назавжди, весно, я бранець твій,
 Задивлений в пінний цвіт,
 Заслуханий в шепоти снів твоїх,
 В бриніння хрущів твоїх.
 Опромінюю усміхом – усміх мій –
 То відблиск твоїх промінь,
 Не заламаюсь – то серце кріпить
 Твоя незламна блакить,
 Вирують, рвучися на світ, слова –
 То ти в душі розлила
 І плеса п'янкх і зоряних слів,
 І чистих, як роси, сліз.

* * *

Вони, що захват і роздум свій,
 Окриливши словом, кидали в світ,
 Вони супроводять мене всі роки –
 Життя минає в такті їх кроків.
 Іще хлоп'я, непомітне між людом,
 Сп'янявсь я людського слова чудом:

І в этот забытый звёздами храм,
 В прозрачный жуков хорал,
 И в тот ветерок, что сомлел, в плен попал,
 И в росную тайну трав
 Вступил в старый сад я – зелёный пострел,
 И в сердце моём горел
 Тот самый трепет, порыв один,
 Что звёзды в небе водил,
 С жуками жужжал, сыпал цвет, словно снег,
 Спирая дыхание мне.
 То кверху плыл и дрожал не сад –
 То воплощалась краса.
 И я за нею вдогон до небес
 Мчал, забыв о себе.
 В кружащем мозг стремлении том,
 Летел, позабыв обо всём.
 Весна в краю моих детских лет!
 Незабываем твой след,
 Такой, что лет онемевших зло
 Его стереть не смогло.
 Таким до сих пор я по жизни иду,
 Как будто в ту ночь в саду
 Поскольку меня до конца захватил
 Восторг потоком слепым.
 Навеки, весна, я верный твой раб,
 Цветению пенному рад,
 Звучит во мне шёпот твоих вещих снов
 С жужжаньем майских жуков.
 Улыбкой свечусь – в улыбке моей
 Отблеск твоих лучей,
 Не сломлен – поскольку в сердце сильна
 Небес твоих голубизна.
 Бушуют, рвутся на свет слова –
 Ты их в душе разлила.
 И слов пьянящих и звёздных плёс,
 И чистых, как росы, слёз.

* * *

Они восторг и дум своих разлил
 Дарили миру, словом окрылил.
 Шли мои годы в ритме этих слов –
 Жизнь протекала в такте их шагов.
 Ещё мальчонкой,
 незаметным среди других,

Де в сірій порох стерті мрії,
 Де промінь в попіл відпалав,
 Він нам єдиний серце гріє –
 Промінчик людського тепла.
 То він снаги нам достачає
 Усе, чим дух наш володів,
 Ростити з мужністю одчаю –
 Суворо, вперто, без надій.

3.IV.1950

Где мечты пошли все прахом,
 Где огонь сгорел дотла,
 Лишь один теплом в сердцах он –
 Лучик Божьего тепла.
 Он растит нас вдохновляет
 Всё, чем дух владел наш прежде,
 От отчаянья мужая,
 Твёрдо, стойко, без надежды.

3.IV.1950

Я тих повинен стати ГОЛОСОМ

(Медитація)

Драконом дротяним поглинутий,
 Із пащі темної потвори
 Думками зважусь полинити
 За обрій дикий і суворий.
 Далекий краю мій, омріяний,
 Ночами мертвої покори
 Мені за сивими зав'язями
 Твої ввижаються простори;
 Де степ під небесами іншими
 Підперезали інші гори –
 Здаються й сльози там чистішими,
 І бруду менш у людським горі.
 То що ж тебе укриє, краю мій,
 Весняний цвіт чи зимний іній,
 Коли складу в землі незнаємій
 Кістки в нужденній домовині?
 Кому, яким взірцем проквітне мій
 Рядок у слові нелукавім,
 Як манівцями непомітними
 Я до сконання доблукаю?
 Не пещений людською славою,
 Чуттям і таланом убогий,
 Тобі на службу все поставив я,
 Цуравшись іншої дороги.
 Діла й думки мета змагала ця –
 Усім часам, усім народам
 Щоб рідне слово розлягалось,
 Подібне рікам повноводим.
 Болів я болем слова нашого
 І в дні здичавіння й принижень

Я об'язан стать их ГОЛОСОМ

(Медитація)

Колючей проволоки чудисцем
 Обвит я в темном склепе нашем,
 Но мыслью полететь хочу ещё
 За горизонт, что дик и страшен.
 Далёк мой край, мечтой взлелеянный.
 Но в мёртвой тишине ночей
 Видны за сединой метелей мне
 Просторы Родины моей.
 Где степь с небес иными высями
 Прорезали иные горы –
 И слёзы кажутся там чистыми,
 Не лезет грязь в людское горе.
 Что за покровы край оденут мой –
 Весенний цвет иль зимний иней,
 Когда сложу в земле неведомой
 Я кости в нищете могильной?
 Кому и как дам слова цвет мой
 Я в дар строкою нелукавой,
 Плутая тропкой незаметной
 К концу, невенчанному славой?
 Людскою славой не балованный,
 На чувства и талант убогий,
 Тебе служил строкой рифмованной,
 Иной чураясь я дороги.
 Делаю и мыслям цель дала мечта
 Всем временам и всем народам,
 Чтобы родного слова красота
 Текла потоком полноводным.
 Болел я болью слова нашего
 В дни одичанья, унижения.

Плекав багаття те, пригашене
 Тупими дотиками хижих.
 Мої рядки і я навколо сам –
 Свідоцтво подвигу малого –
 Я тих повинен стати голосом,
 Чиє дихання захололо.
 Розлогим буйнолистим деревом
 Зросла їх мурашина праця;
 Косинки, Плужника і Зерова
 Ім'я повік-віків святяться.
 Такий немало. Хай покручені
 Шляхи життя і тьмянний обрій,
 Хай жертви будуть неминучими –
 Цих не простив би й самий добрий.
 Збери ж їх, вирви їх з непам'яті,
 Мов скарб, неси в своє майбутнє,
 Мій краю, – це вони скопали ті
 Найглибші твого слова рудні.
 Не вір підступності обмови нам,
 Що це – сліпа стихія лиха,
 Від них в житті, тобі вготованім,
 Палав би людяності віхоть.
 Я тих повинен стати голосом,
 Хто в многості вже стільки років
 Між тундрами з питанням болісним
 Невільничим ступає кроком.
 За цими лавами похмурими
 Обстану я перед віками,
 І то не в гніві, не в обуренні,
 А в певності тривкій, мов камінь;
 Мов вітер, що спокійно дихає
 І плине полем неозорим,
 Ми скромним словом правди тихої
 Стозвукий галас перебором.

* * *

Над степом серпневим спека стоїть.
 Степ тратить барви кричущі свої:
 Строкате – жовкне, квітчасте – в'яне,
 Тихнуть і тоншають пахощі п'яні.
 Над степом серпневим,
 над мертвим зелом
 Хижак непорушний тріпоче крилом:
 То, може, над нами, над нашим життям

Берёг огонь этот, пригашенный
 Тупыми хищников вторженьями.
 Моя строка и поиск слова сам –
 В них подвига, возможно, мало.
 Но я обязан стать тех голосом,
 Чьего дыхания не стало.
 В раскидистое в цвете дерево
 Труд муравьиный вырос их –
 Косынки, Плужника и Зерова –
 Их имена в числе святых.
 Немало их. Не безмятежною
 Была их жизнь, туманны облики.
 Пусть пали жертвой неизбежною –
 Такого б не простил и добренький.
 Найди их, вырви из забвения,
 Как клад, в грядущее своё неси,
 Мой край, ведь их трудом и рвением
 Отрыты слов бесценных россыпи.
 Не верь навету вероломному,
 Что нам беды стихию век нести.
 От них в судьбе, тебе дарованной,
 Пылал бы факел человечности.
 И я обязан стать их голосом,
 Поскольку очень много лет
 С вопросом болевым в неволе сам
 Я в тундре оставляю след.
 Но нет, не с мыслями о мщении
 Предстану я перед веками,
 Не в гневе и не в возмущении,
 А в вере, крепкой, словно камень;
 Как ветер, вея без бравады,
 Пльвя необозримым полем,
 И скромным тихим словом правды
 Мы крик стозвучный перебором.

* * *

Над степью весь август жарыща стоит.
 Теряет степь яркие краски свои:
 Желтеет – цветное, чахнет – цветущее,
 И пьяные запахи тише и глуше всё.
 Над зеленью мёртвой,
 над степью бескрайней
 Незыблемый хищник
 трепещет крылами:

Мов квіти, рвати чужинецькі рими,
 Гасаючи по теренні чужиннім,
 А потім до знемоги чаклувати,
 Важким, виснажуючим ворожінням
 До себе навертаючи слова ті,
 Як в ліс, ведучи їх в незвичну мову.
 То врубуючи корінь вузлуватий,
 То стелючи стежину килимову,
 Убори даючи дорогоцінні,
 Вишукуючи до лица обнову:
 Ходу сталеву – Дантовій терцині,
 Примхливий крок –

Шекспіровим сонетам

Верленові – хистке тремтіння тіні.
 Ти мусиш вимчати скаженим летом
 В прийдешнє через урвища Мерані,
 Видіння синіх коней промайне
 там,
 Черкнувши чвалом поза світні грані.
 Там Блок осяє п'їтьму занімилу
 Блудним вогнем у боліснім
 згоранні.
 Ти пробуєш навпомацки, несміло
 Ізнов найти для того чистий голос,
 Що громом у століттях прогрімало,
 Лишаючи в серцях сліпучий полиск...

Отдав всемирным сердце печатленьям,
 Рвать, как цветы, созвучья чуждых рифм,
 Блуждая в землях до изнеможенья
 Чужих племён, что ты не знал когда-то,
 Колдуя, превратишь их выраженья
 В свои родные, близкие слова ты,
 Как в лес, введя в чужой для них язык,
 То вырубая корень узловатый,
 Стеля ковром тропу им напрямик,
 Стихам находишь новый облик ныне,
 Своими перлами их украшая лик:
 Стальную поступь – Дантовой терцине,
 Капризный шаг – Шекспировым сонетам
 Верлену – шаткое дрожанье тени синей.
 Ты должен вымчать сумасшедшим летом
 В грядущее сквозь пропасти Мерани,
 Виденье синих лошадей мелькнёт во тьме
 там,
 Черкнув галопом за светящиеся грани.
 Блок озарит там тьму, что онемела,
 Огнём, блуждающим

в мучительном сгораньи.

Попробуешь на ощупь ты несмело
 Опять для этого найти чистейший голос,
 Чтобы в веках громами прогремел он,
 В сердцах слепящий оставляя отблеск...

Сонет интинської весни

Повіє часом в зимньому повітрі
 Гнилизною інтинської весни:
 Прорветься звідкись вихор навісний,
 Раптовим жестом з неба хмари витре –
 Та обрій знов замурзають вони,
 І чути гру диявольської цитри,
 І краєвид околишній нехитрий,
 П'є сонний плач дощової струни.
 І ця непевна злякана блакить,
 І крадена тепла скупого мить,
 І сум ялин, що вік не молодіє, –
 Який відчай навіює все те,
 Як блідо, по-північному росте
 В душі тонка травиночка надії!

Сонет интинской весны

Порой повеет в зимнюю палитру
 Гнильём интинской слякотной весны:
 На волю вырвется вдруг вихри-шалуны,
 Внезапным жестом тучи с неба вытрут.
 Вновь горизонт запачкают они,
 И слышится игра чертовской цитры,
 И вид весь окружающий нехитрый
 Опять пьёт сонный плач дождя струны.
 Испуганная неба синева,
 И краденый миг скудного тепла,
 И елей грусть, что возраст не моложе,
 Отчаянье от них в душе сильней,
 Тонка, бледна, по-северному, в ней
 Травиночкой растёт надежда всё же!

Сонет вітрів

Все літо злі палаючі суховії,
 Мов хижі степові кочовики,
 Шугали в полі, сушачи думки,
 На попіл перепалюючи мрії.
 Тепер інакший вітер степом віє;
 Безжалісний, морозяно-шорсткий,
 Моїх надій найдальші тайники
 Він повива в замети безнадії.
 Коли вже вихор схопиться новий?
 Не легіт, пустотливий і пестливий,
 А налітний, ревучий буревій,
 Що розжене околишню імлу,
 Що рознесе дощенту твань гнилу,
 Що перевернуть світ грізні його пориви!

Сонет занепаду

Адесь же є на недосяжнім світі
 П'янкий полон поезії й весни
 І плескіт хвилі болісно-ясний,
 І дикий вітер в молодому вітті.
 Де ж днів моїх світанок навісний?
 Де пориви мої несамовиті? –
 Принишкли, безнадією повиті.
 Про них тепер і спомини мов сни.
 Я занепає. Я на глибокім дні:
 Де ще не вигасли думки одні:
 Лиш не загинути, лиш повернути
 Ізнов у світ солодкої отрути,
 В якій я жив, якому я служив,
 Якому все своє на жертovníк зложив.

* * *

Отак і судилось: тинятися
 в тому померклому світі,
 Де з привидами недавнього
 сам тільки я і живу,
 Де все спопеліло й вінки похоронні
 з цвіту прив'ялого звиті,
 Любов одна лиш ридає і вірити досі

Сонет ветров

Злые суховеи знойным летом,
 Как кочевники степные хищные,
 Мчались полем, иссушая мысли мне,
 И мечты, сгорая, стали пеплом.
 Нынче много злобы в ветре этом.
 Холоден, безжалостен немислимо.
 Тайники надежд моих похищены,
 Без надежд в сугробах под запретом.
 Жду, когда же будет он иным?
 Но не бризом ласковым, игривым,
 А ревущим, буйным, штормовым,
 Тем, что мглу легко развеять сможет,
 Тем, что гниль болота уничтожит,
 Грозным мир перевернёт порывом!

Сонет упадка

А где же есть в недостижимом свете
 Пьянящий плен поэзии, весны,
 И есть до боли ясный плеск волны,
 И в молодых ветвях безумный ветер?
 Где дни рассветные,
 что шалостей полны?
 Где спрятались порывы, словно дети? -
 Притихли, будто их обвили плети.
 Воспоминания о них теперь как сны.
 Пришел в упадок я. Я на глубоком дне,
 Где не погасла мысль одна во мне:
 Лишь не погибнуть, лишь вернуться надо
 Обрато мне в мир сладостного яда,
 В котором жил, которому служил,
 Которому я всё своё
 на жертвенник сложил..

* * *

Вот так и суждено: скитаться мне
 в померкшем мире том,
 Где с призраками прошлого
 я только и живу,
 Где всё – лишь пепел, из цветов
 увядших свиты венки от похорон,
 Любовь одна лишь рыдает,

не хоче,
І серце одне лиш тремтить і чекає
вві сні й наяву.
Давати поради – то справа найлегша.
Як добре узнав я тепер це,
Коли собі радити став, щоб урвати
ці муки смішні і страшні:
«Та вирви-бо з серця». А вирвати з серця
– то значило б вирвати серце.
А хто знає? Може, воно й
придасться мені?!

верить до сих пор не хочет,
И сердце лишь одно трепещет,
ждёт во сне и наяву.
Давать советы – легкая работа.
Как хорошо теперь узнал я этот вывод,
Когда себе советовать я стал, чтоб
муки те смешные, страшные прервать:
«Да вырви их из сердца!» Но из сердца
вырвать – значит, сердце вырвать.
Кто знает? Может, пригодится мне
оно опять?!

* * *

Ні про що не могу, тільки про це,
І не хочу нічого, тільки цього –
Одне мені сонце – твоє лице,
І тепло єдине – з серця твого.
Хай від сонця того я тану, як сніг,
Хай іншому – хвилі твого тепла,
Хай спокою не маю навіть у сні –
І туди байдужість твоя досягла, –
Як покину я цю божевільну гру? –
Цю блаженну, цю прокляту каламуть,
Ці болі, що силу й снагу беруть
І по краплі, по крихті життя візьмуть?!

* * *

Ни о чём не могу я, только о том,
Не хочу ничего я, только того –
Даже кажется солнце твоим лицом,
И тепла жду из сердца лишь твоего.
Пусть от солнца того я таю, как снег,
Пусть другому – волна твоего тепла,
Пусть покоя не знаю даже во сне –
И туда безучастность твоя дошла, –
Как покину безумную ту игру? –
Ту блаженную и проклятую муть,
Боли те, что силу и мощь берут
И по капле, по крохе
всю жизнь возьмут?!

Інколи

Підкрадається білими, тупими ночами,
За рогом криється, огинається
під стовпом,
Никаючи, де б застряти, на чому
Очима спочити, поглядом сліпим.
Сірий. Чи то мінливий.
Скоріше безбарвний.
Безформний. Без виразу. Ніякий.
Без лиця.
Що це – він стелиться чи морок невірний
Пробує проступати плямою
в нічнім молоці.

Иногда

Подкрадывается белыми,
тупыми ночами,
За углом прячется, огибает столбы,
Не зная, где бы застрять, на чём
Глазам отдохнуть, взглядом слепым.
Серый. То ли изменчивый.
Скорее бесцветный.
Бесформенный. Без выраженья.
Никакой.
С отсутствующим лицом.
Это – он стелется или же мрак неверный
Пробует проступить пятном
в молоке ночном.

То він і є – демон самовбивства,
 млявий спокусник,
 Непоправної вичерпаності
 вісник.
 Просякає, висотує мозок
 чадна його отрута.
 Не намір, не думка навіть, а просто б'є,
 наче молотком:
 Не лишилось нічого. Нічого ж.
 Лише само страта.
 Не бажати. Скоритися. Не бути.
 Лежати безмовним ніким.
 Конвульсивним зусиллям відгону
 бридку примару –
 Ні на що, крім жаху, вже й спромоги
 нема...
 Відступивсь він. По бруді помийки
 потоптався похмуро.
 Жалібний. Загрозовий. Скулений.
 Німий.
 Залишилась болісна втома,
 що тільки зникненням марить,
 Залишалось життя – до чого ж
 темніше за смерть!

Ненаписанный стих

*М. Соколовському написав я цей вірш про
 ненаписаний вірш*

Чи сум хазяйнує в серці, чи боязко
 проситься радість,
 Чи просто промінчик сердешний
 на гілці завис
 І тремтить –
 Усе ж те німотне, все те хотіло б
 у слово вбратись,
 Усе те прямує наосліп до виразу,
 до мети.
 Тому-то й поважно й вигідно
 тримати ключі традицій,
 На щастя й на муки мати
 щоденно словесний лік,
 Міркуючи впевнено: тут – ось так,

То он и есть – демон самоубийства,
 вялый соблазнитель,
 Непоправимой исчерпанности
 осведомитель.
 Пропитывает, выматывает мозг
 Чающаяся его отравка.
 Не намеренье, даже не мысль,
 а просто бьет, как молотком:
 Не осталось ничего. Ничего же.
 Лишь смертной казни саморасправа.
 Не желать. Покориться. Не быть.
 Лежать безмолвным никем ничком.
 Судорожным усилием отгону
 мерзкий призрак –
 Ни на что, кроме ужаса,
 уже и возможностей нет, Боже мой...
 Отступил он. По грязи помойки
 хмурый протопал быстро.
 Жалобный. Угрожающий.
 Съевшийся. Немой.
 Осталась болезненная усталость,
 что только об исчезновении грезит,
 Осталась жизнь – до чего же
 темнее смерти!

Ненаписанный стих

*М. Соколовському написав я цей вірш про
 ненаписаний вірш*

То ли грусть командует в сердце,
 то ли робко просится радость,
 То ли просто лучик сердечный на ветке
 завис
 И дрожит –
 Всё безгласное, всё,
 что хотело бы в слово убраться,
 Всё то прямо вслепую к выражению,
 к цели спешит.
 Потому-то и важно, и выгодно нам
 держать ключи от традиций,
 К счастью или на муки вести
 счёт словам всерьёз,
 Рассуждая уверенно: здесь – нужно так,

Минаю ниви неозорі:
 В душі не зиму і не дві
 Виношував я ці простори –
 Єдине, чим думки живі.
 Вся спрага літ злилась в цій миті:
 Оселя в тиші ранковій,
 Там вікна, вітами прикриті,
 Мов очі лагідні з-під вій,
 Там друг у ніжності суворій
 На мене зводить погляд свій,
 Прихильний в щасті, вірний в горі –
 Єдине, чим думки живі.
 Там, ніби витканий з блакиті,
 Прославсь прозорих днів сувій,
 Там болі тануть пережиті
 Неначе тіні хвильові...
 Я стерплю все в німій покорі,
 Лиш вийти б в радості новій
 На тихі води, ясні зорі –
 Єдине, чим думки живі.
 Мій друже, є ти де на світі,
 Чи сам створив я привид твій?
 Тобі ці сни, жалем повиті, –
 Єдине, чим думки живі!

30.IX.1951

Бескрайність нив окину цепким взором:
 Не зиму и не две, словно нарывы,
 Вынашивал в душе я те просторы –
 Единственное то, чем мысли живы.
 Все годы в той минуте слиты.
 Дом в утренней тиши своей.
 Там окна ветками прикрыты,
 Словно ресницами очей.
 Там друг мой в нежности суровой,
 Добрее взгляда вряд ли бы нашли вы,
 Широкий в счастье, верный в горе –
 Единственное то, чем мысли живы.
 Там, словно синью неба шитый,
 Простёрся свиток ясных дней,
 Там боли тают, пережитые,
 Как волны в сумраке теней...
 Стерпеть готов я все укору,
 Лишь в радость все души порывы,
 Где тишь воды и ясны зори –
 Единственное то, чем мысли живы.
 Мой друг, а есть ли ты на свете,
 Иль образ твой всего лишь
 призрак лживый?
 Тебе и сны, и сожаленья эти –
 Единственное то, чем мысли живы.

30.IX.1951

Сонет

Кузьмі Хобзеві

Попід тинню, сиротами,
 А я тут загину...

Хай не призначено, моя зловтішна доле,
 Ні крихти радощів мені з твого стола,
 Нехай не поведеш мене
 ти вже ніколи
 Шляхами іншими, ніж десять літ вела,
 Хай застилатиме повік вигнання мла
 Від мене рідний край, надій квітуче поле,
 Хай під опікою причаєного зла
 Минатиме життя, безбарвне,

Сонет

Кузьме Хобзею

Под заборами, сиротами,
 А я здесь погибну ...
Тарас Шевченко «Думы мои».

Пускай не суждено, моя лихая доля,
 Ни крошки радости мне с твоего стола,
 Пускай не поведешь меня,
 хоть не жил в холе,
 Путём иным, чем десять лет вела,
 Пусть застилат от меня изгнания мгла
 Родной мой край,
 надежд цветущих поле,
 Пусть под опекой притаившегося зла

Каприз II

Що долею мені для порятунку дано –
 Все лікар Час несе:
 кошмар безсоння й сна,
 І шістдесят годин самотності в годину,
 І мрію зражену – розраду все ж єдину,
 І отупіння чад, обличчям до стіни, –
 Все сильнодіюче, а помочі немає...
 Чому тікає так уперто забуття?
 Навіщо він, оцей тягар нудьги німої?
 І серця ниючі, тривожні перебої?..
 Ні, не допоможеш цим померклому життю!
 Хвороба вгадана, уже й діагноз чуєм:
 Надії жодної, і винні в цім не ми...
 Тут не відкупимось ні жалем,
 ні одчаєм,
 Тут віддамо усе,
 чого й не помічаєм,
 Всього позбудимось – що є, чого й нема...
 З'явись негадано, утіш мене обманом,
 Хоч тінню співчуття і щирості врятуй!
 Всьому повірю я, всім вигадкам
дитинним,
 Душа все привіта у захваті незміннім,
 В жадобі радості безглуздій і святій.

Каприз III

В строкатім лахмітті своїх почуттів
 Я вижебрать крихту кохання хотів.
 Воно – як повітря. Воно – як життя.
 І я, в безповітряний простір закутий,
 Вдыхаю болю свою отруту –
 Коли ж бо, трагікомічний жебрак,
 Інакшого я й не маю добра.
 Ану-бо, справді: в пурпур який
 Укриєш серця свого ганчірки!?
 Натягнеш які на себе шати?
 Чим жити станеш?
Чим можеш пишатись?
 – Тим, що ніхто і вона не знає,
 В якій я темній прірві одчаю?

Каприз II

Что для спасенья мне судьбой дано –
 Всё Время – врач несёт:
 кошмар бессонницы и снов,
 В час – одиночества по шестьдесят часов,
 И преданную грёзу – утешенье всё же,
 И отупенья чад, лицом к стене, –
 Все сильно действует, но мне не помогает...
 Ну почему упорно так забвенье убегаёт?
 Зачем он, этот груз тоски немой?
 И сердца ноющий тревожно перебой?..
 Нет, не сможешь тем померкшей жизни!
 Болезнь угадана, уже диагноз слышим:
 Надежды никакой, виновны в том не мы...
 Здесь не откупимся ни сожаленьем,
 ни отчаяньем,
 Здесь отдадим всё,
 даже то, чего не замечаем,
 Всё позабудем мы – что есть, и чего нет...
 Явись негаданно, утешь меня обманом,
 Хоть тенью искренности
и сочувствия спаси!
 Всему поверю я, всем небылицам явным,
 Душа всё примет с детской простотой,
 В желанье радости бессмысленной святой.

Каприз III

В пёстрых лохмотьях
нахлынувших чувств
 Выпросить крошку любви я хочу.
 Она – словно жизнь, словно воздух мой.
 И я, безвоздушным пространством объят,
 Вдыхаю боли сердечной яд –
 Такой вот случай трагикомичный,
 Ведь я не имею добра, я – нищий.
 Действительно: в пурпур какой мне
одеться,
 Чтоб мог укрыть он тряпье мне сердца!?
 Натянешь наряды как у вельможи?
 Чем станешь жить? Чем гордиться
сможешь?

– Тим, що жебрацтво сховати я зміг:
 Часом – байдужість, хвилинами – сміх?!
 – Тим, що кохання, людяно-ясне,
 Спалахнуло й хтозна-коли загасне?
 Що на верхів'я знісся, зневаживши
 мури,
 знехтувавши окови?
 – Але жебракові –
 Коли ані крихточки зі стола,
 З цього, далєбі, втіха мала...

* «Капризи» автор написав, переймаючись настроями героя роману, задуманого, але так і залишеного.

Дружині

Думками збираю наймення ніжні,
 якими раніше
 Тебе й не звав:
 Вони в брудному повітрі в'язниці,
 мов подих
 лісних недосяжних трав.
 Напружую нерви, всім мозком рвуся
 в глухі
 коридори, крізь стіни німі,
 Де ти, осяйна моя, зоряна мріє,
 сніжинко біла, танеш в тюрмі.
 Поглянь оком серця –
 над смородом темним
 то мій рядок тремтить, ожива.
 Відчуй, упізнай в безгомінні ворожім
 мої до тебе нечутні слова:
 Згадай, скільки років удвох ми блукали
 химерними нетрями десь у житті,
 Усе нам здавалось, – іще не жили ми,
 і щастя не те ще,
 І мрії не ті.
 А втрат не злічити. Одна, поки й віку,
 в серцях залишила кривавий карб.
 Знаєш сама – світові буревії
 пожерли й у нас найдорожчий скарб
 Та все те минуло.
 Скупе було щастя, рясні невдачі,
 покручена путь.

– Тем, что не знает никто и она,
 Достиг я отчаяния тёмного дна?
 – Тем, что лишь нищим стал я для всех:
 Всегда – равнодушие, изредка – смех?!
 – Тем, что любовь, человечески-ясная,
 вспыхнув, кто знает, когда угаснет?
 Что на вершины взлетев, без утайки
 презрела оковы?
 – Но попросайке –
 Когда и крупинки нет со стола,
 С этого, вроде бы, радость мала ...

* «Капризы» автор написал, задаваясь настроениями героя романа, задуманного, но так и оставленного.

Жене

В мыслях нежные я собираю названия,
 которыми раньше
 Тебя и не звал:
 Они в удушье тюрмы, как дыхание
 лесных недоступных прежде мне трав.
 Напрягши нервы, стремлюсь
 всем мозгом я,
 пробиться сквозь стены хочется мне
 Туда, где ты, мечта моя звёздная,
 снежинкой белой таешь в тюрме.
 Взгляни глазом сердца –
 над тёмным смрадом
 дрожит строка моя, что жива.
 Почувствуй, узнай в безмолвии
 вражьём
 мои, что тебе лишь слышны, слова:
 Припомни, сколько лет мы бродили,
 вдвоём по трущобам брели в темноте,
 И всё нам казалось, – ещё мы не жили,
 и счастье не то,
 и мечты не те.
 Не счастье утрат. Не одна кровавый
 навечно в сердцах оставила след.
 Ты знаешь, что мировые бураны
 и нам причинили множество бед.
 Но всё миновало.
 Скупым было счастье, часты неудачи,
 извилист был путь.

Забудь все лихе,
пам'ятай лише добре, образи,
невдячність мою забудь...
А нині, здається, поріг останній
переступити повинні ми, –
Здається, самі себе втрачаєм,
позбавлені права
бути людьми.
З'єднаймо ж сили, зберімо спокій,
зустріньмо
збройно хвилину страшну,
Розлучені грубо, ми скрізь пронесімо
думку одну
і душу одну.
Помічено здавна, що лихо не вічне,
зазнаєм, може,
на краще змін:
Спокійних, незламних, немовби тих
самих, колись
нас зустріне єдиний наш син.
З любов'ю до тебе, з вірою в тебе
усе знесу, подолаю я,
Без краю близька, до одчаю далека,
болісно любя
дружино моя.

1944. Березень. Полтава.

* Написано й передано у в'язниці.

* * *

Простягни через простір
свою знеможену руку,
Забудь, що далеко,
сядь коло мене поруч –
Ну, помрієм, абощо,
в передсвітанкову пору
Немов не між нами відстань лежить
і роз'єднання роки.
Бач, набігла якраз така
незбентежена хвиля:
Тиша. І все, що гнітило, ніби розтало.
Колишнє в пам'яті стеле
намітку несталу
І диханням дальнім твоїм хвилюю

Забудь все плохое,
лишь лучшее помни,
и неблагодарность мою позабудь...
И, кажется, нынче порог свой последний
уже перейти мы с тобою должны, –
И, кажется, сами себя мы теряем,
и даже лишают нас прав
быть людьми.
Единством сильны,
соберёмся спокойно,
и встретим с оружием страшные дни,
Разведены грубо, везде пронесем мы
единые мысли
и души свои.
Замечено издавна, беды не вечны,
изменится к лучшему время,
даст Бог:
Спокойны, несломлены будем, конечно,
когда
нас единственный встретит сынок.
С любовью к тебе и с верой в тебя
всё преодолею и вынесу я.
Близка бесконечно и так далека,
жена дорогая
до боли моя.

1944. Март. Полтава.

* Написано и передано в тюрьме.

* * *

Протяни сквозь пространство
свои изможденные руки,
Позабудь, что мы вместе
будем очень нескоро –
Ну давай помечтаем с тобой
в предрассветную пору,
Будто нет между нами расстояний
и лет разлуки.
Посмотри, набежала как раз такая
волна зыбко нежная:
Тишина. И всё, угнетавшее,
будто пропало.
А прошедшее в памяти стало
стелить покрывало

і повнить її поволі.
 А що, коли б і справді ще
 судилося щастя?
 Коли б виплило –
 жадане, тихе, промінне?
 Закипіло б у грудях,
 неначе озеро спінене,
 І світ б и навколо заграв,
 убрався в райдуги чисті.
 Ми, суворі, несміливі, стримані,
 Вихованці німотного спаду,
 Мов засніжені, мов би вагаючись іній той
 розтопити,
 Зніяковілі, не вірячи, ми б не знали,
 де стати й на яку ступити...
 А воно струмувало б, те щастя,
 очі засліплюючи,
 займаючи подих.

И дыханием дальним твоим взволнован
 сейчас как прежде я.
 Ну а что, если вправду счастьем ещё
 суждено случиться?
 Когда б оно выплыло вдруг –
 лучисто, тихо, желанно?
 В груди закипело б,
 как озеро в жерле вулкана,
 И мир бы вокруг заиграл,
 облачился в радуги чистые.
 Мы суровые, робкие, сдержанные,
 воспитанники немого страдания,
 Как заснеженные, словно колеблясь
 иней тот растопить,
 Смущены, не веря, мы бы не знали,
 где встать и куда нам ступить...
 А оно струилось бы, это счастье,
 глаза ослепляя,
 перехватывая дыханье.

Молитва атеїста

Я благаю Бога Збігу Обставин
 І тебе, Випадковості Богине, молю
 Зберегти, для людського життя
 зоставить
 І мені повернути дружину мою.
 Я про душу й серце її турботи не маю
 нітрохи,
 Ні найменшої, й ходить мені не про це:
 Знаю, скрізь вона, там навіть,
 де ніякої змоги,
 Стане людяності найчистішим
 взірцем.
 Досить буде того, аби не померла
 в неволі,
 Та щоб винесла звідти не висохлим
 зовсім чуття свої –
 Хай принижень тупих і сердечних
 задушливих болів
 Оминає по змозі
 мертвотна отрута її.
 Я не щастя прошу –
 для нас то було б занадто,

Молитва атеїста

Я молю тебя, Бог Стечения
 Обстоятельств,
 И тебя, Случайности Богиня, молю
 Сохранить, для жизни людской
 оставить
 И вернуть мне супругу мою.
 О душе и сердце её я не имею волнения
 Ни малейшего, и забота моя не о том:
 Знаю, даже там,
 где возможности нет, без сомнения,
 Человечности станет чистейшим она
 образцом.
 Хватит даже того, чтобы не умерла
 в неволе,
 Чтобы чувства её не высушил горя
 смрад –
 Униженный тупых и сердечных
 душливых болей
 Пусть её обойдёт по возможности
 мертвенный яд.
 Я не счастья прошу –
 ведь для нас это было б сверх меры,

що нема,
 Нетерпеливістю поборюючи дати,
 Думками деручись
 крізь гущину оман.
 Та ніби й час уже с тобою поруч сісти,
 І з тим же пломенем, який горів колись,
 Тихенько, з усміхом спокійним
розповісти,
 Як загубив життя... а решту все приніс...
 Я вірю буде так: перед тобою
 знову
 Усе, що сталося,
 як саван простелю,
 І стану сердитись, коли перервеш мову
 Словами співчуття, обурення, жалю
 Чи осуду...

1950 г.

Нетерпеливостью превозмогая даты,
 Продравшись мыслями
 сквозь заросли обмана.
 Сесть вместе время выдалось с тобой нам
 И с прежним пламенем ответить
на вопрос,
 Всё рассказать с улыбкою спокойно,
 Как жизнь я погубил... а прочее принёс...
 Я верю: пред тобой,
 как в миги прежних встреч,
 О прошлом расстелю,
 как саван, рассужденья.
 И рассержусь, если прервёшь ты речь
 Словами жалости, сочувствий, возмущенья
 Иль осужденья...

1950 г.

* * *

Якщо ти про мене пам'ятаєш досі,
 Встань цієї ночі, вийди за поріг –
 Розлилося блиску зоряного досить
 По небесній ниві об ясній порі.
 Ти сузір'я Воза відшукай у небі,
 Глянь на нього пильно,
посміхнись йому,
 Адже віз той світить, певно,
й ще де-небудь,
 Адже й тут мені він сяє в ніч німу.
 Може, то насправді, може,
тільки сниться,
 Мабуть, я ніколи й не збагну того, –
 А мені привозить срібна Колісниця
 Відблиски тремтячі погляду твого.
 Хай між нами простір,
 хай між нами горе,
 Хай нас розметали бурі життєві –
 Є у мене втіха - ледве гляну вгору –
 В ніч ясну - від тебе зоряний привіт.

6.IV.1953

* * *

Если обо мне ты до сих пор помнишь,
 Этой ночью встань и за порог шагни –
 Столько блеска в небе
в звёздную полночь –
 На небесной ниве всюду звёзд огни.
 Ты созвездие Воза* отыщи в небе,
 Посмотри внимательно, улыбнись светло,
 Всюду Воз тот светит, кто бы где не был,
 Вот и мне сияет здесь, бедам всем назло.
 Может, в самом деле, может,
только снится,
 Я, пожалуй, никогда не пойму того, –
 Мне везёт серебряная Колесница
 Отблески дрожащие взгляда твоего.
 Пусть меж нами горе,
 пусть меж нами вёрсты,
 Пусть нас разметали бури трудных лет –
 Есть у меня радость –
в небе позднем звёзды
 Ясной ночью шлют мне – от тебя привет.

6.IV.1953

*Переводчик благодарит израильского поэта Ф.Д. Рахлина
 за консультацию и содействие в переводе сонетов.*

* Созвездия Воза (Большого и Малого) или Колесницы – так украинцы называли Большую и Малую Медведицы.

Галина Бутырева

Бутырева Галина Васильевна родилась 12 сентября 1944 года в селе Ёртом Удорского района Коми АССР. Окончила Ёртомскую семилетнюю школу и Важгортскую среднюю школу, в 1966 году – Коми государственный педагогический институт. С 1968 по 1986 год – редактор Сыктывкарской телестудии, затем – заместитель министра культуры Республики Коми по делам искусств, сотрудник Всероссийского фонда развития культуры финно-угорских народов, литературный консультант нового Театра фольклора, директор Республиканского Финно-угорского культурного центра, министр по делам национальностей Республики Коми, заместитель Главы Республики Коми, с 1997 года – главный редактор журнала «Арт». Член Союза писателей России. Лауреат Госпремии Республики Коми им. И.А. Куратова. Заслуженный работник культуры Республики Коми. Награждена Русской Православной церковью медалью Святого благоверного князя Даниила Московского. Галина Бутырева пишет в основном верлибры – нерифмованные стихи.

Киев, 2010

(Путевые заметки)

Наводя в доме порядок перед ремонтом, совершенно неожиданно для себя обнаружила в одном из блокнотов записки о поездке в Киев. Спустя четыре года! Я уже забыла об их существовании...

Перечитала написанное и решила подготовить к публикации в очередной книге путешествий. Возможно, кому-то понравится маршрут «К истокам Киевской Руси», по которому я однажды прошла. Этой поездки скорее всего никогда бы не было в моей жизни, если бы не «артековка» Виктория Серебрякова из Саратова. Это именно она нашла мою пионервожатую из Артека Светлану Ивановну Косареву-Музыченко и написала мне об этом на мой запрос в интернете...

И вот с лёгкой руки Виктории я уже еду в Киев. По турпутёвке. Хотя моя главная цель посещения столицы незалежного государства была далеко не туристическая, а только – повидать Светлану Ивановну.

Поехала. И было это в сентябре 2010 года.

Волнуюсь. С чего бы? Не впервой пускаться в дорогу.

Перед самым спуском в московское метро споткнулась и приложилась коленом в лужу, слава Богу, не грязную. Немного промокла, но главное, не испачкалась. В метро еду и вдруг спохватываюсь, что еду я не в ту сторону, в которую мне нужно. Пересаживаюсь. И тут в наш вагон (первый) на одной из остановок заходят два милиционера и просят перейти в другой, следующий поезд. Ничего при этом не объяснив. Мы безропотно выходим. А вокруг десятки, а может и более милиционеров! – оцепили опустевшие вагоны...

Что это было, я и теперь ещё не знаю.

Может быть, какая-то ложная тревога? – потому что после я ничего об этом нигде не читала...

Но вот наконец я в поезде Москва–Киев, в плацкартном вагоне, на 21-м месте и вроде бы больше ничто не предвещает ничего необычного. Однако я продолжаю волноваться...

Я редко езжу на поездах, больше летаю. Но, думаю, волновалась я, наверное, более всего из-за предстоящей встречи с дорогим мне человеком, с которым мы не виделись уже более полувека... С 1956 года!

40 дней в пионерском лагере «Артек» зимой 1956 года и потом несколько лет переписки со Светланой Ивановной – и всё! Но я об этом помнила всю свою юность и всю свою уже более чем взрослую жизнь, и всегда сожалела о том, что однажды мы потеряли друг друга и никогда больше не встречались. И не будь интернета, вряд ли когда-нибудь самостоятельно я сумела бы найти свою любимую пионервожатую... Но спасибо великой путешественнице, артековскому летописцу Виктории Серебряковой! И – интернету!..

Артековцы со своей пионервожатой С.И. Косаревой.

Светлана Ивановна нашлась в Киеве! И вот я еду на встречу со своим пионерским детством.

У меня два соседа, похоже, киевляне. По разговору я поняла, что они какие-то инженеры-конструкторы. Не пьют. Слава Богу! А то как обычно в наших поездах – не успеют сесть, уже выпивка и закуска на столе...

Вообще, в вагоне довольно тихо и спокойно. Мне проводники дали заполнить иммиграционную карточку. На украинском языке... Читаю там что-то про визу. А у меня-то её нет!.. Пишу смс-ку Катерине Робертовне из «Арт-тура», где покупала путёвку. Как заполнить? Да, пишете, говорит, туристическая виза, да и ладно...

Написала...

2.

Где-то ночью будет наша таможня и наши пограничники, а потом – украинские. Поспать, видимо, и не удастся толком. Но да ничего. Отосплюсь в «златоголавой». Буду жить в отеле «Крещатик». Три звезды. В центре Киева (почти рядом с Майданом...)

Экскурсий запланировано – море!.. Мне как-то надо сориентироваться, когда ехать к Светлане Ивановне...

Позвонила Виктория, пожелала мне доброго пути. Спасибо! Надеюсь, так и будет...

Да, я же ничего не сказала про то, откуда Виктория узнала про меня и Светлану Ивановну. Ну да, я упоминала про интернет. Именно там... Освоив более или менее компьютер, первым делом я принялась за поиски Светланы Ивановны. А откликнулась Виктория. Она, оказывается, готовила материалы для сайта «Артековец» и встречалась с водителями, некогда работавшими в Артеке. И в том числе со Светланой Ивановной. Увидев мой запрос, тут же написала мне. И только тогда я узнала, почему у нас со Светланой Ивановной в своё время прервалась переписка.

В 1984 году, кажется, в 48 лет у неё случился инсульт. Да такой, после которого никто не выживает. А она выжила. Её буквально с того света вытащил муж. А потом случилось несчастье, он тоже серьёзно заболел. И теперь его самого уже нет...

А Светлана Ивановна, слава Богу, жива. Но, увы, почти не разговаривает. И почти не ходит. Обо всём этом я узнала из нашей с Викторией переписки.

Первая мысль была – позвонить в Киев. Позвонила. И потом очень сожалела, потому что у Светланы Ивановны проблемы с речью были гораздо серьёзнее, чем я себе представляла. Мне было и стыдно, и больно, что я ничего толком не понимала, о чём по телефону мне говорила Светлана Ивановна. Ещё раз позвонить ей самой уже я не решилась, поговорила с невесткой, спросила можно ли навестить Светлану Ивановну, когда буду в Киеве. Ирина сказала «да», и я занялась путёвкой. Хотя сомнения, правильно ли я поступаю, не покидали меня и до этого, и после...

3.

2 сентября 7.20 по московскому времени. Легла спать в России, а проснулась – в Украине.

Пограничный контроль был в Брянске (кажется), и только через три часа! – в Украине (не знаю, где точно...)

Что изменилось в пейзаже? Тополя пошли-побежали пирамидальные, ивы плакучие сквозь туман...

Мои соседи заговорили о грибах.

Замелькали белые хаты. И сиреневые. И хутора...

Из Сыктывкара я улетала самолётом, под крылом буйствовала золотая осень.

Из Москвы выехали – уже темнело. Поэтому у меня пейзажи коми сменились сразу на украинские. Осень и здесь уже тронула листву, но у нас, конечно, больше было жёлтого и красного...

Вдоль дороги было чисто (лужи – не в счёт!), новые кирпичные строения напоминали своим обликом хатки, но крыты были уже отнюдь не соломкой... Мои соседи-инженеры пили чай, продолжали вечерний разговор о каких-то договорах, о лабораториях, о каком-то Рыбалко часто вспоминали. Говорили по-русски. Зато проводник заговорил со мной по-украински. Я вначале даже слегка растерялась, не всё поняла. Но он тут же перешёл на русский.

Должна сказать, что пограничники произвели на меня сильное впечатление – и на нашей, и на украинской стороне. Хорошее впечатление. О чём только не наслышана была...

Вышло солнце. И такое огромное поле открылось из-за придорожных деревьев – ещё недавно на нём кукуруза, может быть, росла. Представляю, какая это была красота... А может – подсолнухи?

До Киева осталось чуть больше сорока минут...

4.

В гостинице (ой, отеле!) «Крещатик» устроились сразу, хотя ещё не было десяти и даже денег дополнительно не взяли – позже, другие туристы из других отелей рассказывали что у них брали... если заселяли до двенадцати...

Душ, завтрак и – на почтамт! Отправила в Белую Церковь Оле Мамедовой (Олейник) телеграмму, а вдруг соберётся да и приедет?! Мы вместе учились в Сыктывкаре в институте, жили в одной комнате. Жаль, не оказалось в записной книжке её телефона. Буду ждать реакции, адрес она не меняла, надеюсь.

А до этого поговорила с Ириной, невесткой Светланы Ивановны. Договорились, что я заеду к ним 5 сентября. Уже посмотрела программу экскурсионную и решила, что откажусь от поездки в Парогово, в музей народной архитектуры и быта: украинские хаты, мельницы, национальную одежду, посуду, музыкальные инструменты, как мне казалось, я себе уже неплохо представляла...

Послала смс-ки Катерине Робертовне – отчиталась, что прибыла, что готова ходить, смотреть и внимать, что бы ни показали, о чём бы ни поведали в «златоглавом городе-саде...» (Это я цитирую туристские буклеты).

Звонила Виктория, подбадривала меня – и это было трогательно...

5.

Итак, знакомлюсь с Киевом. Я здесь несколько лет назад была... полдня, может быть, в командировке. Та что можно считать эту встречу с Киевом первой...

Наш экскурсовод – Анна. Окончила истфак, археолог. Уже несколько лет водит экскурсантов по Киеву. Мне понравилось – и как говорила Анна, и что много знает, и что довольно эмоциональная. И вполне доброжелательная. А что ещё надо туристу?..

Первая экскурсия была посвящена мистическому облику Киева, Подолу – конкретно.

Утром купила путеводитель. За 12 гривен (это, кажется, 48 руб.) Читаю: «Отсюда

Площадь Независимости в Киеве. Киев с высоты птичьего полёта.

русская земля стала быть.» Так сказал древний летописец о Киеве. Здесь начиналась история страны. Какой, интересно, страны? Звучит двусмысленно, господа редакторы! Не России же, если дальше пишете: «город с таким прошлым не мог не стать столицей – культурным, политическим и деловым центром государства..» О Подоле – почти ничего. Ладно. Слушаем гида...

Это была пешеходная экскурсия. Мы прошли по Подолу (подол – то, что внизу, внизу от верхнего города, где сидит Власть...) Раньше здесь находились ремесленники, купцы и прочие простолюдины. Кто теперь – честно говоря, не помню. И вообще, Подол не произвёл на меня особенного впечатления. Кроме Подола мы нигде из мистических мест и не были. Возможно, это и хорошо. Что за удовольствие бродить по местам, где правили шабаш ведьмы (Лысая Гора), или посещать дома с привидениями (Замок Ричарда)... Ну их...

В Киеве, говорят, множество таких мест – с негативной энергетикой. Наверное, не только в Киеве, а везде, где есть места массовых захоронений не по христианскому обряду (Бабий Яр, например...) И тем не менее, именно с Киевом связано творчество и Гоголя, и Булгакова, едва ли не самых мистических русских писателей... И Николай Гумилёв, муж Анны Ахматовой, писал: «Из логова змиева, из города Киева, я взял не жену, а колдунью»... Почему «змиев город»? – говорят недалеко от Подольского спуска некогда обитал Змей Горыныч, и до сих пор где-то там якобы сохранилась его пещера...

Даже о чертополохе в Киеве говорят, как о злом волшебном растении...

Недаром же на гербе города изображен святой архистратиг Михаил, единственный святой с оружием в руках! Он и призван защищать Киев от всех нечистей...

И пожалуй, ещё одно обстоятельство объясняет желание горожан уравновесить баланс между грешным и праведным – огромное количество церквей в Киеве...

Все эти странности, может быть, как-то объясняет вот эта небольшая справка о

структуре расселения городов вообще (интернет): «Структура расселения больших городов как бы повторяет законы формирования галактик в Космосе. Москва, например, говорят, повторяет кольцевую структуру галактик. А структура заселения Киева – спиралевидная, в форме раковины, которая заворачивается по часовой стрелке».

Но в киевской астрологической «раковине» отмечают два места, которые не вписываются ни в одну Закономерность – из-за аномальной зоны, включающей в себя Лысую гору, урочище Чертово и др. Лысая гора – та самая, на которую летала булгавская Маргарита...

Завтра – Киево-Печерская лавра.

Но до этого хочу сбежать во Владимирский собор. Главный храм Киевского патриархата.

Интерьеры собора украсили монументальные произведения Виктора Васнецова, композиции Михаила Нестерова и орнаментальная живопись Михаила Врубеля... Очень интересно взглянуть на это...

3 сентября, 9.00

Я уже позавтракала. Собираюсь во Владимирский собор. Но сначала попробую найти на карте.

...Это остановка метро «Университет» и на другой стороне улицы, недалеко Владимирский собор. Нашла быстро. Зашла один раз и зашла потом ещё раз, уже просмотрев на скамейке у Собора под звон колоколов альбом, благоприобретенный в храме...

Затем вернулась отдохнуть в гостиницу (13.30 – экскурсия) и стала рассматривать альбом снова, пытаюсь читать по-украински. Кое-что даже понимала. Например, картины, росписи – это малюнки...

Да, В. Васнецов, действительно мог так считать, что это в его жизни главный труд: 400 кв. метров росписи, 15 композиций и 30 окремих (не знаю перевода) фигур...

За 11 рокив (лет?)

Икона «Господь Вседержитель» – потрясающая! От неё, правда, идёт и какой-то свет, и мощь, и сила духа... В раскрытой на его левой руке книге написано: «Аз есмь свет миру. Ходяй по Мне, не имать ходити в тме, но имать свет животный». Свет жизни!

И «Богородица» над алтарём – тоже работа Васнецова. И тоже необычна, и прекрасна по-особенному... То, что задумал он, оказывается, некогда было задумано А. Праховым. Когда они сравнивали свои эскизы, поразились: вот уж поистине по Божьему благословению, – только и сказали.

В головном иконостасе справа – Ольга. Очень светское лицо, большие голубые глаза и взгляд – пронзитель-

Владимирский собор в Киеве.

*В. Васнецов «Крещение князя Владимира».
«Едиnorodный сын Слово Божие».
Росписи Владимирского собора.*

ный. Что-то подобное я видела у К. Васильева, его русские красавицы «выросли» или «проросли», возможно, из Васнецова?..

И вообще, ощущение в храме от росписей для меня однозначное – это очень русская живопись, с русскими героями из русской жизни: Владимир, Ольга, дочка Прахова в образе Серафима и т.д.

Бог-Отец тоже прекрасен, велик, могуч, и в то же время он как-то очень по-человечески устало свесил большие руки: всё, больше нечего отдать, «своего единственного дал есть»...

Удивительный образ Варвары Великомученицы написан М. Нестеровым, и Богородица его удивительная, и св. Ольга!..

Эскизы, выполненные М. Врубелем, не нашли своего воплощения во Владимирском соборе. Они и, правда, из «другого храма другого века»... Но тоже прекрасны: «надгробный плач», «Ангел с кадилом и со свечью» – очень врубелевские сюжеты, с врубелевскими прекрасными дамами, огромными глазами, со всею скорбью мира... Их нет в храме, но они, слава Богу, остались в альбоме...

* * *

После обеда – Киево-Печерская лавра.

...Ошибка! Оказывается, завтра. Сейчас 9.50. Идет передача «Live» (Украина). Говорят на украинском и на русском. Ведущий Савва (забыла фамилию, бывший наш ведущий). Вспомнила, Шустер! – явно не справляется с украинскими депутатами и Юлей Тимошенко особенно. Речь о газе... Тимошенко он не перебивает, а тех, кто против неё – да...

Странная «процедура». Ну да Бог с ними! У нас своих таких перепалок на TV море... А Киево-Печерская лавра – завтра с 11.00.

4.09.10, 19.25.

День уже на исходе! Прекрасный был день. Погода – солнечная, тёплая, местами – жаркая. Первый день без дождя. Часа два нас возили на автобусе по Киеву. Порою по тем же местам, где мы уже прошли пешком. Но хорошо, с одной стороны, состоя-

лось как бы «закрепление пройденного», а с другой стороны – и много новых мест посетили, как то: берег Днепра с памятником основателей города (три брата и сестра на носу ладьи), аллею Славы (кстати, эту «свечу» – музей голодающим в 30-х, поставили так, что она закрыла колокольню Лавры... Додумались!..)

И наконец мы в Лавре. Я сначала не хотела идти в пещеры, а потом почему-то передумала и пошла... Поклонилась всем погребенным в пещерах (это были ближние пещеры – они поменьше...) Народу много, было тесновато, а некоторые почему-то шли «против течения», душно, дышать нечем, и я прошла всё очень быстро, строго следуя знакам «вихід»... Уже в киоске, на улице, увидела икону св. пр.Агапита, печерского лекаря... и вспомнила, что именно его икону я уже видела во Владимирском соборе и читала молитву, обращенную к Агапиту: там в храме я помолилась за р.б. Светлану (Светлану Ивановну), чтобы она выздоровела... Молодые девочки-продавцы мне сказали, что св. Агапит покоится в ближних пещерах... Это значит, я и ему поклонилась там, в пещерах... Вот совпадение... И я уже не сомневалась, какую икону я увезу из Киево-Печерского монастыря, конечно, св. пр. Агапита... И ещё купила канон с Акафистом Агапиту... Буду молиться ему и дома... А потом мы с Анастасией из Москвы (единственная, с кем я общалась из наших туристов) поехали на Хрещатик, до «Пузатой хаты», чтобы пообедать-поужинать... И ведь проехали свою остановку! Я говорю: значит, так тому и быть, поедем до Владимирского собора... Ещё раз! Поехали, чтобы поклониться св. Варваре (чего не сделали в первый приход, не зная о том, что там мощи св. Варвары).

А потом посидели перед храмом на скамейках, послушали колокола. Дело было перед вечерней службой. Кого-то явно поджидали, – вытянули ковёр аж до улицы. Я предположила, что приедет патриарх. И точно. Подъехала чёрная «вольво» и оттуда вышел патриарх Киевский Филарет...

На службу мы не пошли. Просто ноги уже не держали. Всё-таки мы за эти дни прошли пешком не меньше нескольких десятков километров... А пошли, мы, грешные, в «Пузатую хату»... Поели, выпили на прощание пивка «Оболонь».

Завтра я отменяю последнюю экскурсию и еду к Светлане Ивановне. Вечером позвонила, чтобы уточнить, как добраться. Трубку взял Артём (внук), после разговора с ним у меня как-то хорошо стало на душе, улеглось то, что волновало...

До завтра!

5.09.10

С утра собралась и отправилась в путь, оказавшийся совсем не близким. Но я нашла дом Светланы Ивановны довольно легко и быстро.

На пятый этаж (или 6-ой?) поднялась пешком, не привыкать, дома – без лифта... Тут был, но пешком мне показалось вернее...

А на этаже уже встречал сын Светланы Ивановны Алексей. Я его видела пяти- или шестилетним мальчиком и то лишь на фотографии с мамой, в Артеке (Светлана Ивановна там уже не работала, но навещалась...)

Сколько лет мы не виделись?! – страшно произнести...

Светлана Ивановна говорит, что я совсем не изменилась... Конечно! Прошло всего-навсего 50! С небольшим лет...

Поговорили об Артеке (что-то говорила я, в основном... то, что говорила Светлана Ивановна, я почти ничего не понимала... и мне снова было стыдно, и больно, словно это я была виновата в том, что болезнь так расправилась с этой женщиной...) Посмот-

рели артековские фотографии, которые были у Светланы Ивановны и которые привезла я. Меня почти нигде не нашли... Только на одной общей фотографии в Севастополе с моряками, и то – пол-лица... Зато в бескозырке.

Я часто замолкала, боясь утомить Светлану Ивановну. Посидев, она попросила сына, чтобы он помог ей прилечь...

Когда я уходила, она сама встала с кровати и вышла в коридор со своими «ходулями» (такой специальный станок) проводить меня. Я никак не ожидала этого и едва не расплакалась...

Так она и стоит до сих пор перед глазами... И до сих пор я не могу простить себе, что ещё раз не вернулась, ещё раз не попрощалась, не обняла Вас, моя дорогая Светлана Ивановна. Простите меня...

Как Вы там, в теперешнем Киеве?

Честно говоря, я и тогда, и теперь особенно, боюсь позвонить и спросить Вас об этом...

* * *

Улетая из Киева, позвонила-таки. Трубку взял внук Светланы Ивановны Артём, я его не видела, где-то гулял, молодой, неженатый...

Я сказала, что улетаю, и сама не смогу уже это сделать и попросила Артёма зайти в гостиницу за конвертом для бабушки. Я приходила без цветов, только с сувенирами из Коми. А 10 сентября у Светланы Ивановны день рождения. На те деньги, что я оставлю в гостинице, Артём бы купил цветы и поздравил бабушку от моего имени... Надеюсь, он это сделал, как обещал.

Надеюсь, Светлане Ивановне было приятно.

* * *

Сегодня 22 июля 2014 года...

Прошло почти четыре года, как я улетила из Киева, возможно, уже навсегда...

Перелистала программу поездки и словно окунулась в тёплые, медленные сентябрьские дни в Киеве. Перед глазами возникали различные картины города Владимира и Ярослава Мудрого, златоглавого города-сада Киева с его соборами, Киево-Печерской лаврой, с Золотыми воротами, святыми источниками Антония и Феодосия... Православного Киева!

Но не только, особенно в связи с последними событиями вспоминается и экскурсия «Мистика Киева»... Места и дома с чертовщиной, о чём писали и Гоголь, и Пушкин, и Булгаков...

Сегодня этот город – совсем иной, непростой город, в истории которого переплетены и тайны, и мистика...

P.S. Кстати, моя бывшая однокурсница Оля Мамедова из Белой Церкви тогда так и не приехала, даже не отозвалась, наверное, поменяла адрес. Тоже очень жаль.

Но ещё не вечер, как говорится. Может быть, и свидимся?..

Март, 2018 г

Фото из личного архива Г.В. Бутыревой и yandex.ru.

Любовь Воробей

Воробей Любовь Алексеевна – родилась 1948 года в селе Черный Рог Черниговской области Украины. Окончила Ленинградский госуниверситет имени А.А.Жданова по специальности «журналистика». Учеба в высшей партийной школе г. Ленинград. Избиралась депутатом Верховного Совета Коми АССР, депутатом Госсовета РК. Заместитель председателя Союза журналистов РК, член Общественной палаты РК, заместитель председателя национально-культурной автономии «Украина» Республики Коми. В данный момент исполняет обязанности председателя.

Украинцы в Коми

– Не обижают ли украинцев в Республике Коми, где ты живешь? – этот вопрос задала мне знакомая прошлым летом, когда мы встретились в Украине. Сама она обитает во Львове. На неё даже обидеться не могла, так как мы не виделись много лет, друг о друге ничего не знали. Проговорили мы тогда почти целую ночь. Сначала к моему рассказу Надежда отнеслась с недоверием. Потом слушала меня, не перебивая. А у меня перед глазами пронеслась моя жизнь в далёком северном крае, где моя вторая РОДИНА, как и для других украинцев, проживающих здесь.

Украинцы – одна из этнических общин на территории Республики Коми, которая сформировалась исторически и внесла значительный вклад в освоение и развитие этого северного региона России. Большинство современной украинской диаспоры составляют потомки политических репрессированных и спецпереселенцев, оказавшихся на территории в 30-50-х годах, а также переселившиеся из УССР украинские специалисты во время промышленного развития региона во второй половине XX века.

Пик украинского присутствия пришёлся на 1989 год, когда в республике проживало более 100 тыс. украинцев.

В Северный край спецпереселенцы начали заселяться с 1930 года в ходе массовой

коллективизации и раскулачивания, проходившей в центральных и южных районах Советского Союза. По данным исследований, из Украинской ССР в 1930-31 гг. было отправлено 19658 семей или около 100 000 человек.

В 1956-1958 гг. украинцы ехали на Север по так называемому оргнабору для работы на шахтах Воркуты и Инты. Доля украинцев в северной промышленной части Коми составляла 41,3%. В последующие годы украинцы и их семьи прибывали на Север на разные работы,

Чужмарова Татьяна, Гизатулина Людмила, Канева Таисия.

потому что здесь можно было заработать больше. Специалисты – выпускники вузов и техникумов направлялись на Крайний Север по госраспределению.

А в 2014 году в Республику Коми стали приезжать организованные группы беженцев из Украины. Переселение связано с начавшимися боевыми действиями на востоке Украины. Многие из прибывших в республику приехали к своим родственникам, которые здесь проживают на постоянной основе как российские украинцы.

Как говорится, всё большое начинается с малого. Возникновение украинской диаспоры в Республике Коми, как считают, началось с семейного ансамбля Марии Ковальчук, который объездил с концертами многие районы республики. В 1946 году эта женщина была репрессирована по ложному доносу и выслана в Коми с годовалой дочерью, где прошла тяжелейшие испытания, но выжила. Не озлобилась, не очерствела душой, а сберегла любовь к своей далекой Родине, к её песням и традициям. И даже когда её реабилитировали, вернули дом, она в Украину не вернулась, осталась на Севере, который полюбила всем сердцем.

25 октября 1991 года по инициативе сыктывкарки Марии Ковальчук в столице республики состоялось собрание украинцев, на котором было принято решение о создании общества «Украина» под руководством Ольги Шевчук. В 1995 году было создано республиканское общество. В это же время были созданы общества украинцев в Воркуте, Ухте, Печоре. С каждым разом всё больше и больше людей приходило на встречи, мероприятия. В 1999 году общество было зарегистрировано как национально-культурная автономия украинцев «Украина» в Республике Коми. В 2002 году общество переименовано в национально-культурную автономию «Украина». 17 отделений, обществ и землячеств зарегистрировано в городах и районах Коми.

Для Ольги Шевчук, возглавлявшей с первого дня национально-культурную автономию «Украина» в Республике Коми, слова Марии Ковальчук стали заветом на всю жизнь: «Я очень благодарна коми людям, которые не дали погибнуть мне и дочери. А

вы, молодые, тоже должны быть благодарны этой земле... Вы живёте далеко от Украины, но помните свои корни, не дайте умереть нашим традициям, культуре, языку. Это ваш долг перед старшими поколениями». Главные цели и задачи, которые поставила перед собой национально-культурная автономия «Украина» в самом начале своей организации, доступны и понятны. Защитить духовный мир человека, объединить украинцев, проживающих в республике для того, чтобы вместе способствовать пропаганде украинской культуры, возрождению самого духа нашего народа, его национальных традиций, изучать историю Украины, её фольклор, народные обычаи. В разное время руководили автономией Мария Ковальчук, Ольга Шевчук, Михаил Бедрековский, Василий Гапоненко, Константин Заболотный, Николай Доломина, Александр Павленко. В феврале 2016 г. автономию возглавил Николай Михайлович Бейзак.

Недавно национально-культурная автономия украинцев Коми отметила своё 25-летие. В республиканском Доме дружбы народов собрались активисты районных отделений, поклонники украинской культуры и гости из других национально-культурных объединений Коми. Свой юбилей мы отметили песнями, танцами и презентацией книги, посвящённой именитым землякам, отметившимся вкладом в историю и культуру северной республики. Музыкальные поздравления к празднику подготовили творческие коллективы автономии из Эжвинского, Сосногорского, Троицко-Печорского отделений, посёлка Седкыркещ, г. Емвы, лауреат республиканских, межрегиональных и международных фестивалей национальных культур, активный участник различных республиканских и городских праздников народный хор «Украина», а также ансамбль танца «Дружба». От национально-культурных объединений украинцев поздравили народный хор «Купалинка» (НКА белорусов РК), народный ансамбль «Вольница» (ОСКО), танцевальный коллектив «Нордштернхер» (немецкая НКА). К юбилею автономии Наталья Дубская, написала книгу «Украинцы в Республике Коми». Автор включила в него краткие рассказы о наиболее известных украинцах, живших на территории края.

– Материал для книги мы собирали в течение года. Я работала в архиве, в фонде «Покаяние» с Михаилом Рогачевым. Мы собрали много материала, в том числе о репрессиях. В книге – имена Героев Советского Союза, Героев Социалистического труда, Героев России, учёных, писателей, видных политических деятелей, а также имена простых людей, которые трудились

Ердякова Алёна и Михайлов Андрей.

во благо земли Коми: лесорубов, нефте- и газодобытчиков, строителей, дорожников, работников сельского хозяйства, – говорит автор книги Наталья Дубская.

В планах автора – издать книги о каждом из отделений национально-культурной автономии украинцев в Коми. Первая из таких книг может увидеть свет уже во второй половине следующего года.

Очень радует то, что дети и внуки продолжают дело родителей, стоявших у истоков автономии. Это Лыткина О.Л. много лет возглавлявшая Сыктывкарское отделение, а сегодня зам. председателя НКА вместе с внучкой и правнуками принимает участие в мероприятиях автономии. С первых дней создания хора «Украина» поёт в нём семья Бондарук, семья Чеусовых Эжвинского отделения принимает участие в различных конкурсах и занимает призовые места и многие другие семьи автономии.

Недавно в Усинске с большим успехом прошёл юбилейный концерт Народного ансамбля украинской песни «Червона калина» под руководством Галины Детковой.

При автономии действует этнокультурный молодёжный отряд под руководством Любви Головченко. Активисты отряда, а это около десяти человек, участвуют во всех наших мероприятиях.

Недавно увидела свет книга для детей «Чудеса, да и только», автор которой активный член автономии Екатерина Романчук...

Многое изменилось за последние годы. Ситуация в Украине отозвалась болью в сердце каждого украинца, проживающего и в Республике Коми. Мы все живём надеждой на лучшее, поддерживаем друг друга. Наша автономия сегодня готовится к проведению фестиваля «Червона рута», который состоится в марте в Сосногорске, активно общается с другими диаспорами республики в Доме дружбы народов.

За последнее время мы выезжали в многонациональное сельское поселение «Додзь», где произошла незабываемая встреча с жителями, затем встречали их у себя, в офисе Дома дружбы народов. В этот день звучали песни на разных языках: коми, русском, украинском. А прошедшая встреча с активистами ижемского землячества «Изьвэ-тас» была настолько теплой и плодотворной, что забыть её просто невозможно.

Ещё раз убеждаюсь в том, что в многонациональной нашей республике живут красивые душой люди. И гостеприимные, поделятся последним, дадут кров. Сегодня, чтобы лучше узнать друг друга, необязательно ехать далеко. Дом дружбы народов в Сыктывкаре всех нас взял под своё крыло, Министерство национальной политики РК стало единомышленником автономий, такого взаимопонимания нигде нет. Как уже говорила, здесь живут проблемами людей, поэтому и нет разногласий между нами, представителями разных национальностей.

Юбилей

Элеонора Савельева:
**«Самый большой
критик в моей жизни –
это я сама...»**

Интервью Павла Лимерова

– Говорят, что самое первое воспоминание детства определяет всю дальнейшую жизнь человека. Ваше первое воспоминание, с каким образом детства Вы живёте?

– Мне не кажется, что мои первые воспоминания детства определили всю мою дальнейшую жизнь. Помню лес рядом с моей деревней, домик, в котором я родилась, с черёмухой под окном, дорогу до садика, а потом до школы, которые располагались в нижней части с. Пыёлдино, где находятся и сейчас, как бежит по лугу навстречу мне мама, раскинув руки для объятия, колосающееся поле с

васильками по дороге в соседнюю деревню Чарин Сикт. Там был скотный двор и, видимо, лошадям давали жмых, которым иногда угощали меня. Какое это было лакомство! До сих пор помню его вкус. Почему-то очень глубокий след в моём сердце оставила война, хотя я не испытала всех её ужасов. Видимо, под впечатлением маминых рассказов. О победе я узнала в школе. Бросилась бежать домой, чтобы обрадовать маму и бабушку. Неожиданностью и непонятной для меня стала реакция бабушки. Она упала на пол и зарыдала. Много времени спустя я поняла – почему. У неё на фронте

погиб сын, похоронен где-то под Киевом, пропавшим без вести считался мой отец, её зять.

– Расскажите о Вашей семье, о родителях, кто они, чем они занимались, Вы подражали им в детстве?

– Мои родители – сельские учителя. Родной отец – филолог, Чугаев Павел Матвеевич, отчим – математик, Савельев Анатолий Иванович, мама – биолог, Савельева Таисья Григорьевна. Мама в школе работала не долго. Во время войны она стала терять слух. После войны уже не могла работать. Родного отца в детстве я не помню. Он ушёл на фронт, и вестей от него не было до конца войны. Оказывается, в первый год войны он попал в плен. Маме сообщили, что он пропал без вести. А увидела я его только когда уже окончила университет. По книгам, которые остались от него (Академическое юбилейное собрание сочинений А.С. Пушкина 1937 года, томики Шекспира, толковый словарь Даля), а также пластинкам с записями классической музыки, у меня сложилось соответствующее представление об отце. И я не была разочарована, когда встретила с ним. Это был образованный, интеллигентный, немногословный, очень сдержанный человек, вызвавший у меня глубокое уважение. Так сложилась судьба многих детей войны. Вырастил, выучил, дал мне путевку в жизнь мой отчим, который и стал для меня вторым отцом. В семье было пятеро детей. С нами всю жизнь прожила бабушка – Нечаева Фаина Пркопьевна, простая крестьянка, очень мудрая, добрая и трудолюбивая. Не без оснований я считаю её святой. В трудные послевоенные годы отцу приходилось работать в три смены, чтобы содержать нашу большую семью, в которой кормильцем был он один. Было голодно, очень тяжело. Один год мы прожили в

г. Асбесте на Урале. Мне кажется, что этот год был одним из самых тяжёлых в нашей жизни. Оттуда мы уехали в Сибирь, по пути, проложенному моими далёкими предками – коми-зырянами, в поисках лучшей доли. В Сибири, в Кемеровской области, я и окончила среднюю школу – обычную сельскую школу, все выпускники которой получили высшее образование, стали учителями, врачами, инженерами, строителями, а один из моих одноклассников работал в космической отрасли, стал доктором наук, лауреатом нескольких Государственных премий.

– Была когда-то песня: «С чего начинается Родина?» – с чего начинается Родина для Вас?

– Я родилась в с. Пыёлдино, точнее, в маленькой деревушке в верхней части села, которая называлась Семкапи, видимо, основанной каким-то сыном Семёна. Деревушки давно уже нет, как и моего родного дома с черёмухой под окном. Моя Родина начинается с этой деревушки. Я жила на Урале, в Сибири, но никакой город, никакое село не оставили в моей душе, моём сердце такой глубокий след, как эта маленькая деревушка Семкапи. В ней, по-моему, было всего 5-6 домов. Вот это и есть моя Родина. Когда мы переехали в Усть-Вымь, я пошла в 4 класс. Тоска по моей деревне была такой острой, что я каждую ночь во сне видела её. Это продолжалось долго, на протяжении целого года. Потом я уже во сне говорила себе, что это я опять вижу сон. Мне кажется, я так тосковала потом только по маленькой восьмимесячной дочке Тане, которую увезла к родителям на лето, потому что уезжала в экспедицию (о чём очень жалею до сих пор, не надо было этого делать).

– Вы археолог по призванию? Или случайно вышло: хотели стать просто

историком, в крайнем случае – политиком, а кривая завела в археологию. Как это случилось? Женщина-археолог – это трудно?

– Я не имела представления об археологии в детстве. При поступлении в университет стояла перед выбором – журналистика или история. Отец, Савельев Анатолий Иванович, из семьи раскулаченных, что конечно не могло не сказаться на его биографии, выразил опасение, что я могу быть отсеяна из абитуриентов факультета журналистики, потому что он сын кулака, а мой родной отец, Чугаев Павел Матвеевич, был военнопленным. Не знаю, прав ли был мой отец, но мы решили не рисковать, и я подала заявление на исторический факультет. Мне всегда была интересна история, любовь к которой мне привила моя учительница в Васьковской неполной средней школе Руфина Александровна. Она была ди-

ректором школы. Вот ей я подражала. Она была моим кумиром. Я была очень активной девочкой. В самодеятельности пела, плясала, играла в драмкружке, участвовала в различных конкурсах и т.д. И была председателем школьного учкома (ученического комитета, были такие в школе). Заседания я вела так же как Руфина Александровна уроки. Строгое выражение лица, твёрдая походка, даже платок накидывала на плечи так же. Хотя Руфина Александровна и выделяла меня среди учеников, но повозиться ей со мной пришлось немало. С детства отличалась непростым характером. Спасибо ей за науку. До сих пор помню её советы. Но я отвлеклась. Итак, я поступила на исторический факультет. А интерес к археологии появился сразу после первой полевой практики. Я думаю, что тогда меня привлекла прежде всего романтика профессии. Жизнь в палатке, вечерние кос-

Первая экспедиция. Синдор. 1959 г. Г.М. Буров, Э.А. Савельева, лаборант И.М. Паршуков.

тры, песни под гитару. Погружение в археологию, понимание её пришли позже, когда я уже стала работать в Коми филиале АН СССР. И тут не могу не вспомнить о малой Родине. Меня оставляли в аспирантуре в УрГУ (Уральском государственном университете, г. Свердловск), но я отказалась. Я рвалась на Родину, мою Родину. Написала письмо руководству Коми филиала, Председателем Президиума тогда был П.П. Вавилов (уникальная, выдающаяся личность) и получила приглашение. Тогда, в 1959 г. в Коми филиале было только 2 археолога – Г.М. Буров и В.И. Канивец. Я приплыла пароходом из Котласа с сундуком, в котором лежали пуховая перина и подушка. 30 июля 1959 г. меня оформили на работу в отдел истории, языка и литературы на должность старшего лаборанта с окладом 83 рубля. Общежития ещё не было, поэтому меня устроили на квартиру в районе нынешней ул. Красных партизан в частном доме в полуподвальном помещении. Но я не ощущала никакого дискомфорта. Тем более, через несколько дней меня определили в археологический отряд к Бурову Г.М., который через Сыктывкар перебирался в район д. Синдор Княжпогостского района. И в первом же полевом сезоне сбылись слова моего университетского научного руководителя о том, что у меня счастливая археологическая рука. Во время какого-то похода в окрестностях Свердловска, на поле, через которое проходили тысячи ног, нашла роскошный каменный топор. И на озере Синдор, на одном из островов, на который мы высадились, сразу же в песке на небольшой глубине я обнаружила склад медных изделий. Наверное, все-таки волею судьбы, не случайно я избрала свой жизненный путь. И никогда об этом не жалела.

Трудно ли быть женщиной-археологом? Да, трудно, особенно в наших ус-

ловиях. И связано это не только с физическими нагрузками, которых не мало выпало на мою долю, особенно в первые годы работы, а с тем, что женщина по природе своей прежде всего мать, хранительница семейного очага. А женщине-археологу приходится на многие месяцы оставлять семью, детей. В первые годы работы мой полевой сезон длился по 4 месяца. Первый раз я отравила дочку к бабушке, когда ей было 8 месяцев. Много позже узнала, какой вред нанесла её здоровью. Затем, когда она уже стала твёрдо стоять на ногах и слёзно просить не отправлять её никуда, вынуждена была брать с собой. Но, конечно, не в разведку, а на стационарные раскопки, когда я уже работала в Сыктывкарском университете, и у меня в отряде численностью 25-30 человек работали студенты, проходившие полевую археологическую практику. Хорошо, что она была со мной, но оставалась тревога за её здоровье, безопасность, особенно в условиях, в которых мы работали.

– Ваши учителя на археологическом поприще? Вы работали со многими, теперь уже легендарными археологами. Расскажите о них.

– Это прежде всего мой университетский учитель, мой научный руководитель Константин Владимирович Сальников, который и пробудил у меня интерес к археологии. И, конечно, мои коллеги – Г.М. Буров, В.И. Канивец. Это были профессионалы, которые и открыли миру богатейшее культурное наследие нашей Коми земли. Г.М. Буров приехал в Сыктывар в 1958 г., В.И. Канивец – в 1959 г. В связи с практически археологической не изученностью нашей территории, первым археологам Коми приходилось заниматься поисками и раскопками памятников всех эпох. Это было сплошное археологическое

Канивец Вячеслав Ильич.

обследование территории республики. Г.М. Буров занимался поисками древностей в Вычегодском бассейне, В.И. Канивец – в Печорском.

В.И. Канивец (1927-1972) прожил короткую, но очень яркую жизнь. Им были открыты десятки археологических памятников от древнекаменного века до позднего средневековья. Им было опубликовано более 30 работ, в том числе три монографии («Канинская пещера» (1964 г.), «Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла» (1974), «Палеолит крайнего Северо-Востока Европы» (1976), к сожалению, две последние уже после трагической гибели учёного. Мировой сенсацией стало открытие на Печоре В.И. Канивцом и Б.И. Гуслицером палеолитических памятников – стоянки Бызовой и Медвежьей пе-

щеры. Вячеславу Ильичу принадлежит заслуга в разработке первой концепции первоначального заселения Европейского Северо-Востока в эпоху палеолита. Большой научный интерес представляют материалы раскопок святилищ в Канинской и Уньинской пещерах на Печоре, а также Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места в Большеземельской тундре. Мне посчастливилось участвовать в раскопках Канинской и Медвежьей пещер в отряде В.И. Канивца. Вячеслав Ильич отличался широчайшей эрудицией. Он знал несколько языков, увлекался поэзией, музыкой, проявлял глубокий интерес к политике. У него была богатейшая библиотека. К сожалению, трагическая гибель в экспедиции не позволила ему реализовать свой научный потенциал. Ему было всего 45 лет. Я благодарна В.И. Канивцу за постоянную помощь и поддержку в первые годы моей работы.

Очень плодотворными были исследования Г.М. Булова (1933-2013). Он открыл десятки памятников в бассейне Вычегды, уникальными среди которых являются долговременные поселения в районе оз. Синдор. Ему принадлежит заслуга открытия в Висских торфяниках изделий из органических материалов, в том числе луков, стрел, санного полоза, весла, лыжи с наверху в виде головы лося. Благодаря этому открытию наша республика считается родиной лыж. Не потеряли своей научной ценности его разработки по этнокультурной истории населения Вычегодского бассейна, изложенные в двух фундаментальных монографиях – «Вычегодский край. Очерки древней истории» (1965 г.) и «Древний Синдор» (1967 г.). Григорий Михайлович был талантливым учёным, отличался большим трудолюбием. К сожалению, он не долго работал в нашей республике – приехал в 1957 г., а в 1968 г. уехал в Ульяновск, а затем в 1974 г. возвратился на родину, на

Украину, где работал доцентом, а затем профессором Симферопольского государственного университета. Но и после отъезда из нашей республики он неоднократно возвращался к северной тематике.

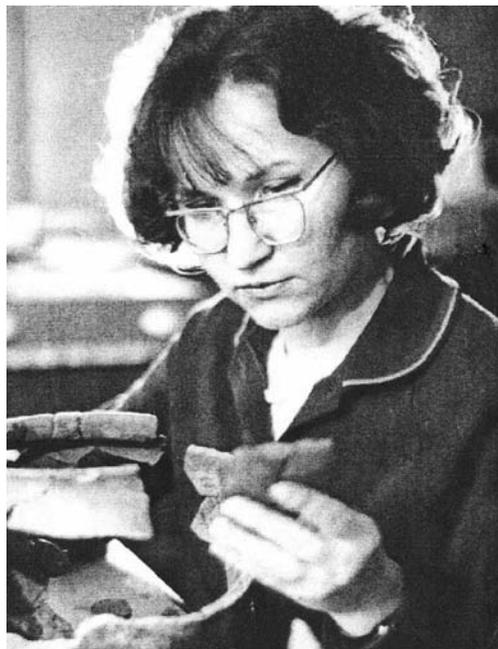
– История и археология. Как узнать историю народа по древним артефактам? И можно ли?

– Во-первых, археология – это историческая наука, то есть тоже история, но тех периодов истории, о которых или нет никаких других источников, прежде всего письменных, или сведения в них очень скудные. Археология восстанавливает историю преимущественно по вещественным источникам. Что было известно по истории заселения и освоения нашей территории, истории народа до археологических исследований? В русских письменных источниках, в частности, в Повести временных лет (а это XII век) упоминалось название народа пермь, который живёт в «полуночных странах» и платит дань Руси. Несколько больше сведений содержит «Житие Стефана Пермского», в котором описаны события, относящиеся к XIV в. А что было до XIV в.? Сегодня благодаря работам археологов известна история первоначального заселения и освоения нашей территории начиная от 40 тыс. лет назад до эпохи средневековья. Учёные установили когда, откуда, почему проникали на Север древние люди, чем занимались, какие строили жилища, чем питались, какие верования были у этих людей и многое другое. Один из главных вопросов – на каких языках они говорили. На этот вопрос археология не может ответить без привлечения данных других наук, прежде всего лингвистики, топонимики. Естественно, многие вопросы ещё остаются неясными, по многим среди учёных нет единого мнения, как, впрочем, и в

других науках. Исследования продолжают. Археологи находят новые памятники, делают новые открытия, которые приводят к новым выводам, внедряются новые методики, новые технологии, активно проводятся междисциплинарные комплексные исследования, которые позволяют более аргументированно обосновывать те или иные научные выводы.

– Что такое исторический факт? В последние годы в СМИ, особенно в некоторых телепрограммах часто говорят, что наша история вымышлена, её переписывали в угоду правителям, победителям, что нашу историю в XVIII веке составили немцы Шлецер и Миллер и все наврали, и даже что есть артефакты, свидетельствующие о другой истории. Что Вы можете об этом сказать?

– Вопрос не простой. Мне кажется,

В начале пути. 1960-е гг.

что сама формулировка – переписать историю не совсем корректна. Нельзя изменить даты событий, их смысл, содержание. Иногда меняется оценка событий в зависимости от конъюнктуры. Вот в настоящее время разную оценку дают политики и историки личности Ивана Грозного, Ивана III и т.д. Ещё ближе пример оценки роли России в Великой Отечественной войне.

Археология отличается от письменной истории тем, что она менее политизирована. Она восстанавливает историю преимущественно по вещам, сооружениям, которые сохранились в земле. Археология оперирует такими понятиями как археологическая культура. Не всегда можно определить каким этносом или этносами она оставлена. Строго говоря, археология изучает историю материальной культуры. Не случайно в Петербурге археологическое учреждение с 1991 г. носит название Институт истории материальной культуры (с 1959 года он являлся Ленинградским отделением Института археологии). Сегодня существуют два направления в археологии. Одни учёные считают, что задача археологии – изучать историю материальной культуры, другие – на основе вещественных источников – историю народов. В большинстве археологических работ исследователи пытаются определить этническую принадлежность тех или иных археологических культур на основе цепочки от известного к неизвестному. В науке этот метод называют ретроспективным.

– Японцы и две тысячи лет назад были японцами, а коми были коми две тысячи лет назад?

– История формирования, сложения любого народа, в том числе и японцев – это длительный исторический процесс. И две тысячи лет назад японцев ещё

не было. Что касается коми-зырян, то две тысячи лет тому назад жили только отдалённые предки современных коми-зырян. Читатель, думаю, знает, что в древности существовала уральская общность, в состав которой входили предки всех современных финно-угорских и самодийских народов. На протяжении тысячелетий происходил процесс выделения из этой общности финно-угорской и самодийской общности, затем из финно-угорской – финно-пермской и угорской, затем прапермской, волжско-финской, прибалтийско-финской и т.д. Предки коми входили в единую общность с предками удмуртов. По мнению одних учёных, эта общность существовала в I тыс. до н.э., по мнению других – в I тыс. н.э. Бесспорно предками коми-зырян оставлены памятники выделенной мной вымской культуры Перми Вычегодской, о которой уже сообщается в письменных источниках. Но хочу заметить, что формирование любого народа происходило в процессе взаимодействия с различными племенами и народами. Так, в формировании северных русских чётко прослеживается финно-угорский компонент, коми-зырян – русский и прибалтийско-финский. Это прослеживается по данным и археологии, и лингвистики, и топонимики, и антропологии. Ведь не случайно среди коми-зырян представлено три различных антропологических типа.

– Ваша тема – Пермь Вычегодская. Как они жили в то время?

– Вычегодские пермяне жили по берегам рек, строили бревенчатые дома, которые отапливались каменными очагами, занимались земледелием, животноводством, но важным источником их существования являлись охота и рыбная ловля. Земледелие было подсечно-огневым. Его очень красочно описал академик И.И.

Лепехин, который во время своего путешествия побывал в Коми крае: «Озими их стояли среди огромных лесов, в которых они пространная вырубает места и сожегши лес, на пепле сеют свой хлеб. Сих мест они не пашут, но вышегши лес прямо сеют и заборонив совершают посея. Как для облегчения работы, так и для защиты посеянному хлебу, оставляют на пашне своей несколько деревьев не вырубив, которые чтобы не вытягивали питательного из земли сока, расстоянием от корня аршина на два, сдирают с них кору вокруг. Такая новина служит им только на один год, или как крестьяне говорят, со всякой новины снимают один только хлеб, а на другой год надобно делать новую новину (Полное собрание учёных путешествий по России, издаваемое Академией наук, т. V. С. 210-211). Судя по тому, что на памятниках Пермь Вычегодской не найдено ни одного железного почвообрабатывающего орудия, ни сошников, ни лемехов, в ту далекую эпоху именно такой была система земледелия. На развитие животноводства указывают найденные на памятниках кости домашних животных – лошади, коровы, овцы, а также конские удила и ножницы для стрижки овец.

Важное место в жизни вычегодских пермян занимало кузнечное производство. Все основные орудия труда, оружие, многие предметы быта изготовлены из железа. При раскопках погребения кузнеца были найдены кузнечные клещи, молоток, гвоздильня, шлаки. Кузнецы занимали особое положение в обществе. Они наделялись сверхъестественной силой, связанной с огнём. Нередко они жили в стороне от остальных жителей селения. Любопытно, что на одном из кладбищ вычегодских пермян погребение кузнеца занимало обособленное положение в стороне от ряда погребений. Большинство кузнечных изделий на па-

мятниках вычегодских пермян изготовлены местными кузнецами, хотя есть и привозные. Было развито и бронзолитейное производство, на что указывают находки льячек, ложек для разливания металла в формы, тигли для плавки, а также многочисленные шлаки. У многих финно-угорских народов бронзолитейным производством занимались женщины.

В эту эпоху, как и в предыдущую, важное место в хозяйстве по-прежнему занимали охота и рыбная ловля. Убедительным свидетельством этого являются многочисленные наконечники стрел, сулиц, копий, отличающиеся разнообразием типов и форм. Важно подчеркнуть, что абсолютно преобладает охотничье вооружение. Боевые наконечники встречаются редко и являются привозными. Охота носила специализированный характер. Охотились на лося, бобра, медведя, зайца. Особое место в хозяйстве занимал пушной промысел. Ценились меха соболя, куницы, белки, бобра, лисы. Существовали специальные наконечники стрел с тупым концом, чтобы не испортить шкурку зверя. Меха являлись эквивалентом обмена. Не случайно древнейшая денежная единица у коми-зырян называется ур (белка). Дань с вычегодских пермян взималась мехами. Новгородские дружинники, взимавшие дань, одновременно выступали и в роли купцов. Они обменивали разнообразные изделия на меха. На памятниках вычегодских пермян найдены многочисленные привозные украшения, не только из бронзы, но и серебра, редко – золота. Это разнообразные подвески, пронизки, перстни, височные кольца, а также бусы – стеклянные, янтарные, сердоликовые, из горного хрусталя, а также бронзы. Встречаются гривны, браслеты, серебряные изделия, украшенные зернью и сканью. Они также являлись эквивалентом

обмена. Торговля была меновой. На одном из могильников Перми Вычегодской найдено более 80 западноевропейских серебряных монет X–XI вв. – датских, голландских, германских, а также саманидский дирхем X в. из Средней Азии. Конечно, к нам не приезжали западноевропейские купцы. Монеты попали на Вымь из Новгорода, который в это время являлся важнейшим центром международной торговли. Новгородские купцы расплачивались монетами, как и украшениями, за меха, которые пользовались большим спросом и представляли большую ценность на международных рынках. Мы не можем сегодня точно сказать, сколько мехов нужно было отдать коми охотнику за стеклянную бусину, но по письменным источникам известно, что в соседних регионах одна стеклянная бусина равнялась 3 граммам серебра или шкурке одной куницы. На Руси, по сообщению Ахмеда Ибн Фадлана, секретаря посольства Багдадского халифа к царю Волжской Болгарии, за 1 дирхем можно было купить одну зеленую стеклянную бусину.

Были развиты различные домашние производства. Сохранившиеся остатки тканей, а также пряслица являются свидетельствами занятий женщин прядением и ткачеством. Было развито и кожевенное производство, о чём мы можем судить по остаткам ремней. Орудиями обработки кожи служили ножи и шилья. Найдены и изделия из кости, прежде всего наконечники стрел. Естественно, в таёжном крае были развиты обработка дерева и бересты. Сохранились берестяные туесочки, ложки. Орудиями обработки дерева являлись, прежде всего, топоры, а также ножи, ложкари, скобели, различные резцы, стамески. И, естественно, как и сегодня, наши предки занимались собирательством. Грибы, ягоды во все времена являлись важными ис-

точниками питания. Собирали и различные травы, в том числе лечебные.

– Что связывает Вычегодскую Пермь с современными коми, и есть ли эта связь?

– Я в своей первой монографии «Пермь Вычегодская» попыталась обосновать и доказать эту связь. Конечно, за прошедшие столетия произошли большие изменения и в материальной культуре, и образе жизни, и мировоззрении нашего народа. Прежде всего, коми-зыряне сохранились как этнос, тогда как некоторые финно-угорские народы были ассимилированы, такие как меря, мурома, мещера. Важным рубежом в развитии древних коми стала христианизация, но пережитки древних языческих верований сохранялись на протяжении столетий. Они были зафиксированы нашими этнографами еще в 20-е годы прошлого столетия, да и сейчас выявляются нашими учёными. Коми остаются прекрасными охотниками. Коми всегда были миролюбивым народом. Об этом свидетельствуют мои археологические материалы. Наверное, не случайно, что и сегодня у нас в республике нет межнациональных конфликтов. Прямые параллели в культуре современных коми-зырян и их предков проследить трудно. Она подверглась мощному русскому культурному воздействию.

– Какие личности из истории Коми края могут служить примером для подражания? Какие события в истории Коми края и России можно назвать ключевыми?

– В истории нашей республики было много выдающихся личностей. Я могу сказать только о тех, с кем мне пришлось общаться. Для меня это Валентина Александровна Витязева, Юрий Алексеевич Спиридонов.

Что касается ключевых событий в истории Коми края, то, на мой взгляд, – это христианизация, проведенная Стефаном Пермским в XIV в., и вхождение Коми края в состав Русского государства.

– Вы успешный человек? Если было бы можно, что бы Вы изменили в своём прошлом? Вы воспринимаете критику в свой адрес?

– Я очень критично отношусь к своей личности. Что значит успешный человек? Да, я что-то сделала в науке, но довольна ли тем, что сделала? Нет, недовольна. Считаю, что по разным причинам многое не смогла, не успела. К сожалению, в прошлом ничего изменить нельзя. Могу сказать, что бы я не изменила. Это возвращение на свою Родину и выбор профессии.

О критике. Самый большой критик в моей жизни – это я сама. И самый строгий судья – тоже я сама.

– Вы регулярно читаете журнал «Арт»? Что Вам кажется в нём наиболее интересным, а что, может быть, можно было бы изменить?

– Стараюсь читать регулярно. Журнал замечательный. Есть более интересные для меня номера, менее интересные. Мне кажется, что в СМИ в целом, и в наших республиканских в частности, не хватает познавательной информации. Отношение к науке в народе в значительной мере объясняется именно этим. Мне бы хотелось, чтобы в журнале было больше научно-популярных статей.

– Ваши пожелания читателям журнала.

– Читать журнал «Арт». Это один из лучших журналов в России. И, конечно, оптимизма. Никогда не терять надежду. В любой ситуации. Она помогает нам жить и выживать.

Элеонора Савельева

Савельева Элеонора Анатольевна окончила исторический факультет Уральского государственного университета им А.М.Горького (г. Свердловск). Доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Автор более 270 публикаций, в том числе более 18 монографий – «Пермь Вычегодская», «Вымские могильники XI–XIV вв.», «Жигановский могильник», «Ыджыдзельский могильник», учебных пособий «Археология Коми АССР» и др., соавтор коллективных монографий «История Коми АССР», «История Коми», «Археология Республики Коми», «Финно-угры Поволжья и Приуралья в Средние века» и др., редактор более 20 изданий, в том числе таких общественно значимых, как «Историко-культурный атлас Республики Коми», «Атлас Республики Коми», научно-популярных работ «По следам легендарной чуди», «Письменные известия о народе коми» и др.

Истоки народа коми

В письменных источниках первое упоминание о народе коми под именем «пермь» относится к X веку. В «Степенной книге» она называется среди народов, «иже дань дают Руси». Такая же запись содержится в древнейшей русской летописи «Повесть временных лет». Как полагают учёные, слово «пермь» прибалтийско-финского происхождения и означает «окраина», «край земли», «земля за рубежом». Этот термин не имел этнического содержания, но перенесённый на народ, стал его этнонимом. Однако это не самоназвание народа. Народ называл и называет себя «коми», что означает «человек», «мужчина». Северные коми, в отличие от южных, коми-пермяков, известны, кроме того как коми-зыряне. Это название появляется в литературе впервые в «Житии Стефана Пермского». Этимология его также не ясна. По мнению одних исследователей, первоначально оно относилось к верхнесысольским коми (сыряне или сиряне), по мнению других, это были жители, обитавшие по реке Сырь-ю (кстати, на р. Вятке существует село Сырьян). Наконец, слово «сыряне-зыряне» связывают с финским «сюръя» – «край, сторона» и, следовательно, «сюръяинен» – это «крайний, дальний», а «пермь» и «зыряне» – синонимы и обозначают «живущие на краю». Согласно

этой точке зрения, термин «зыряне» относился к народу, родственному прибалтийским финнам и саамам, жившему ранее в Подвинье.

Коми язык входит в уральскую языковую семью, представленную двумя ветвями: финно-угорской и самодийской. Предки финно-угорских народов в глубокой древности жили в северной полосе лесной зоны Евразии – от Оби до Прибалтики. Они занимались охотой, рыбной ловлей, собирательством, которые многие столетия оставались для них главными источниками существования. Постепенно в процессе их расселения и исторического развития выделялись отдельные народы со своим языком, культурой, различия между которыми со временем усиливались и родство многих из них, например, венгров, финнов и коми можно установить только на основе научного анализа. Наибольшую близость коми языку обнаруживает удмуртский, что указывает на их длительное совместное существование. Лингвисты установили, что прапермская общность, включавшая предков коми и удмуртов, выделилась из финно-угорского массива в I тысячелетии до н.э. и обитала где-то в бассейне Нижней Камы и Вятки. По данным археологов, эта территория была значительно больше и включала также бассейны Печоры и Вычегды. Уже в ту отдаленную эпоху земли предков коми манили «заморских» купцов несметными пушными богатствами. Соседние воинственные скифы и даже греческие купцы получали ценные северные меха в обмен на оружие и ювелирные украшения. К этому, а возможно, и более раннему времени, относится проникновение в пермские языки иранских слов: удм. «амезь», коми «амысь» – лемех, удм. «корт», коми «корт» – железо и другие, свидетельства культурных контактов пермских народов с ираноязычным миром.

Они продолжались и в последующую эпоху, к которой исследователи относят распад древнепермской общности на праудмуртскую и пракоми. Памятники общих предков коми-зырян и коми-пермяков известны как на территории Прикамья, так и Республики Коми. Они относятся к III в. до н.э. – V в. н.э. И в бассейне Вычегды, и Печоры сохранились многочисленные поселения, а также редкие могильники этого времени. Предки коми занимались охотой, рыбной ловлей, металлургией и металлообработкой, различными домашними производствами. Постройки, как жилые, так и хозяйственные, были наземные с каменными очагами. Уникальный комплекс открыт у пос. Новый Бор Усть-Цилемского района. Здесь в погребениях найдены бронзовые зеркала, попавшие на Север из греческой Ольвии, бронзовая фигура мужчины с изображением птицы с распростёртыми крыльями над головой, ножи, наконечники стрел. Следовательно, и в это время продолжалась торговля с далеким Причерноморьем, откуда на Север привозили ювелирные изделия из бронзы, драгоценных металлов и стекла, а с Севера вывозили меха, пользовавшиеся во все времена большим спросом на международных рынках.

Вслед за купцами и торговцами вскоре появляются и переселенцы с юга, которые, вероятно, были наслышаны о несметных богатствах северного края, известных еще со времен Геродота. В эпоху «великого переселения народов», в середине I тысячелетия н.э., здесь появляются группы воинственных кочевников-скотоводов, исходной территорией обитания которых были районы Южного Зауралья. Это были смелые воины-дружинники, которые верхом на конях преодолели много различных преград, пока добрались до берегов Вычегды и даже Выми, где археологи нашли насыпанные ими курганы с захоронениями, которые сопровождались богатым набором вещей. Среди них и оружие (мечи и кинжалы), оборонительные доспехи (кольчуги), золотые

и серебряные изделия, сосуды, бусы из сердолика, горного хрусталя и стекла. Особый интерес представляют два ритуальных сосуда: серебряный ритон в форме головы быка и деревянная чаша, ручку которой украшает скульптура медведя. Серебряный ритон имеет среднеазиатское происхождение – он был изготовлен в сасанидском Иране, а чаша, видимо, местным резчиком по дереву, мастером с тонким художественным вкусом и прекрасным знанием природных качеств дерева. Это уникальные изделия, подобные которым в настоящее время неизвестны. Обращают на себя внимание золотые и серебряные погребальные маски (наглазники и наротники), широко распространённые в древностях Северного Причерноморья. На каком языке говорили пришельцы – можно только предполагать. Одни исследователи полагают, что это были какие-то индоиранские племена, близкие по культуре сарматам, другие относят их к южным уграм, близких венграм. Пришлые группы, вероятно, немногочисленные, постепенно смешались с местным населением, растворились в нём. С этого времени на Севере начинает развиваться животноводство, неизвестное до прихода нового населения. Появляются изображения коней в металлической пластике, новые мотивы в декоративно-прикладном искусстве. Видимо, местные мастера – кузнецы-ювелиры освоили новые методы металлообработки, известные южным пришельцам.

Важный этап в жизни предков народа коми наступает с VI в. н.э. К этому времени относится начало постепенного разделения единой древнекоми общности на две, одна из которых стала основой формирования коми-пермяков, другая – коми-зырян. Однако нельзя упрощать этот процесс. Пракоми общность занимала огромную территорию, включающую бассейны Вычегды, Печоры, Верхнее и Среднее Прикамье. Уже в предыдущую эпоху наметились различия в материальной культуре населения, осваивавшего различные природно-хозяйственные зоны. В Прикамье в силу более благоприятных климатических условий население занималось земледелием и животноводством, тогда как в Вычегодско-Печорском регионе основу хозяйства по-прежнему составляли охота и рыбная ловля. Кроме того, большая близость Прикамья к развитым центрам цивилизации также способствовала более быстрым темпам социально-экономического развития местного населения. Там раньше появляются укрепленные поселения, более активно происходит социальное расслоение общества. Постепенно в силу разных причин – и природно-климатических и конкретно-исторических – усиливаются различия в культуре родственных соседних племен. Печорское население испытывает влияние зауральских соседей, прикамское – скифо-сарматских племен. Хотя вычегодские племена по материальной культуре обнаруживают большую близость прикамским, чем печорские, однако и они отличаются между собой по культурно-хозяйственному типу. Древнекоми племена, занимавшие столь обширную территорию, говорили на различных диалектах коми языка. Различия между наиболее отдаленными из них со временем всё более усиливались, так же как в материальной культуре. Этот процесс по данным археологии прослеживается довольно отчётливо. В VI-X веках культура прикамских и вычегодских коми отличается по многим важнейшим признакам, фиксируемым на основе археологических источников: по керамике (глиняной посуде), набору женских украшений, типам поселений и построек, наконец, по погребальному обряду. Есть все основания полагать, что в VI-X вв. уже произошло разделение единой древнекоми общности. Лингвисты отмечают, что в этот период в древнекоми язык проникают тюркские слова через волжских булгар, которые были соседями прикамских коми. От племени к племени они постепенно попада-

ют и в северные диалекты коми языка, однако, тюркское влияние в культуре и языке предков коми-пермяков и удмуртов значительно более ощутимое, чем коми-зырян. К этому же времени относятся первые контакты древних (вычегодских) коми с карельско-вепскими племенами, которые прослеживаются по данным языкознания.

Что собой представляла культура древних коми в VI-X веках? Их поселения располагались по берегам рек и озёр. Жилища, а также хозяйственные и производственные постройки, в частности, мастерские, были наземные. Население занималось охотой, рыбной ловлей, а также животноводством, металлургией и металлообработкой. Вероятно, было известно и земледелие, однако прямыми доказательствами его развития наука пока не располагает. Развивались различные домашние производства: гончарное, обработка дерева, бересты, кости, прядение, ткачество. Особый интерес представляют материалы, связанные с металлургическим производством. На поселениях найдены скопления шлаков на кострищах, керамические тигли (сосудики для плавки бронзы), льячки (глиняные ложечки для разливания расплавленного металла по формам), а также сами литейные формы для отливки украшений. Металлографический анализ железных орудий, в частности ножей, свидетельствует об освоении местными кузнецами таких сложных технологий как трехслойный пакет. Памятники этой эпохи открыты не только на территории современного расселения коми-зырян, но и значительно западнее современных границ Республики Коми, в частности, на Нижней Вычегде, вплоть до Устья Великого, на р. Юг, на Нижней Мезени, то есть в районах, где сохранилась пермская топонимика, хотя сейчас здесь живет русское население, которое, судя по этим и другим источникам, появилось здесь в процессе древнерусской колонизации Европейского Севера.

Границы средневековой перми очерчены в «Житии Стефана Пермского» Епифания Премудрого. В нём область обитания пермян определяется по Выми и Вычегде: «Река едина, ей же имя Вым си обходящая, всю землю Пермскую и вниде в Вычегду. Река же другая именем Вычегда: си исходящая из земля Пермския и шествующи к северной стране, и своим устием вниде в Двину, ниже града Устюга за 40 попришь». Однако далее называются ещё две реки – Вятка и Кама: «Вятка же течет с другую страну Перми и вниде в Каму» и далее сообщается, что «Си обо обиходящая и проходящая всю землю перьмекую, сквозь ню, по неуже мнози языцы седят». На основании этого текста следует, что по Епифанию, пермяне жили не только по Выми и Вычегде, но Вятке и Каме. По «Вымско-Вычегодской летописи» пермяне жили по Вычегде, Выми, на Удоре (по Вашке и Мезени), Пинеге, Виледи, Сыsole, Вишере. В «Жалованной грамоте Ивана III жителям Перми Вычегодской от 1485 года» кроме пермян упоминается «сура поганая», археологически пока не выявленная. Кроме того, в «Писцовых книгах Яренского уезда 1585 -1586 гг. и 1608 г.», кроме вилегодской, называется Лузская пермца. Эти документы позволяют достаточно чётко очертить границы обитания пермян, а также определить состав населения земель Яренского уезда. Судя по этим источникам, а также данным топонимики, западная граница обитания вычегодских пермян доходила до впадения Вычегды в Северную Двину. На этой территории, занятой в настоящее время русским населением, зафиксирована масса коми-зырянских топонимов. По письменным источникам, пермское население на Нижней Вычегде, Пинеге, Виледи, нижней Лузе сохранялось до XVII в. Возможно, это были островки пермского населения среди преобладающего русского, которые затем были ассимилированы. В XI–XV вв. в западных районах обитания коми-зырян (восточные районы Вологодской и Ар-

хангельской областей) в связи древнерусской колонизацией этих территорий преобладал процесс ассимиляции коми населения. Коми-русская этническая граница много столетий назад установилась по р. Вычегде через с. Межог, на р. Лузе через с. Спаспоруб, в которых население было смешанным. Западная часть Плесовекой волости к концу XVI века была русской, восточная (выше Яренска) – коми-зырянской. Русская колонизация нижней Лузы, видимо, произошла ещё раньше. В середине XV столетия, согласно Устюжскому летописному своду, здесь было уже значительное русское население. В этнографической литературе XIX – начала XX века прямо указывается, что в Усть-Сысольском уезде только одна Лоемская волость – русская, а границей между коми и русскими поселениями является с. Спаспоруб.

Основное пермское население в XI-XIV вв. было сосредоточено в долине Выми и Средней Вычегды, которое известно как пермь вычегодская, в отличие от «Перми Великой, глаголемой Чюсовой». Описание Перми в «Житии» начинается с Вычегды и Выми, следуя, вероятно, пути Стефана, который начал свою миссионерскую деятельность с Пырота, расположенного возле Котласа на нижней Вычегде. Стефан Пермский, бесспорно, не случайно обосновался в устье Выми, создав здесь свою резиденцию. Причины здесь могут быть две. С одной стороны, в долине Выми, по данным археологии, обитало крупное территориально-племенное объединение древних коми (вымичи), с другой, Вымь занимала важное стратегическое положение на магистральном пути при продвижении русских колонистов в Сибирь, присоединение которой к Московскому княжеству являлось одной из важнейших политических задач формирующегося Русского государства. Кроме того, преследовалась и ещё одна задача: перекрыть дорогу на Урал новгородцам, которые за несколько столетий до этих событий уже взимали дань с югры и печеры.

Археологические памятники Перми Вычегодской открыты и исследованы по Выми, средней и нижней Вычегде, Вашке, Сыsole, Лузе, Ижме. К сожалению, поселений известно немного. Значительно лучше изучены могильники. Они располагаются на высоких бортовых террасах и насчитывают от нескольких десятков до нескольких сотен погребений. Наиболее крупные из них открыты на Выми, практически возле каждой современной деревни, даже в районе порогов, где в настоящее время населенные пункты отсутствуют. Так, один из богатейших могильников расположен возле порога Кытщиль-кось (Кривой порог). Несомненно, где-то рядом располагалось и поселение. На могильнике найдено более 80 западноевропейских денариев, среди них – германские, чешские, датские, голландские и др., а также среднеазиатские дирхемы, масса привозных ювелирных изделий, в том числе серебряных, богатые ожерелья бус из стекла и камня. Вероятно, одной из важнейших функций населения, жившего на этом порожистом труднопреодолимом участке р. Выми, было обслуживание купцов и дружинников, поднимающихся вверх по реке и далее на север и восток. Видимо, этим объясняется такое обилие и богатство привозных ювелирных изделий и монет на этом могильнике, какая-то часть из которых была получена и в обмен на меха.

Раскопки могильников и поселений дали богатейшие материалы о хозяйстве, быте, материальной и духовной культуре древних коми. Они занимались земледелием, животноводством, кузнечным и бронзолитейным производством, различными промыслами, среди которых попрежнему важнейшим был пушной, что диктовалось, прежде всего, потребностями внешнего рынка. Проникновение на Европейский Северо-восток булгарских и русских купцов, а также начавшаяся древнерусская коло-

низация этой территории послужили мощнейшим стимулом для развития специализированного пушного промысла. Меха́ми взималась дань, они же были основным видом товара, пользовавшегося спросом заезжих купцов. В обмен на меха болгарские и русские купцы привозили ювелирные украшения, железные орудия труда и оружие, металлическую посуду, предметы быта, в частности, замки, которые не были известны древним коми.

Однако, если отношения с булгарами ограничивались торговлей, то иной характер носили коми-русские контакты. В связи с древнерусской колонизацией Европейского Севера в целом и, в частности, Коми края, на эту территорию проникают и оседают на ней русские колонисты, в составе которых были и дружинники, сборщики дани, и кузнецы, и крестьяне. Первые древнерусские укрепленные поселения на Вычегде, а затем Выми появляются в XII веке. Они служили, прежде всего, опорными пунктами русских сборщиков дани, а также ремесленно-торговыми центрами, обслуживавшими не только собственные нужды в ремесленных и ювелирных изделиях, но и окружающего местного населения. Они же становятся центрами древнерусского культурного воздействия на древних коми. Оно особенно ощутимо в кузнечном производстве, а также в сельском хозяйстве. Местные мастера осваивают передовые европейские технологии кузнечного производства, передаваемые им русскими кузнецами. Под влиянием развитой славянской земледельческой культуры коми постепенно переходят к пашенному земледелию с использованием тягловой силы скота, хотя подсечно-огневая система сохраняется в течение длительного времени. Академик И.И. Лепехин оставил прекрасное описание подсеки у коми-зырян в XVIII столетии. А элементы подсеки сохранялись у коми-зырян и в XX веке. Древнерусское культурное влияние прослеживается во многих областях хозяйственной, культурной, общественной жизни народа коми.

В формировании народа коми прослеживается и прибалтийско-финский компонент. В коми-зырянском языке зафиксировано 70 слов прибалтийско-финского происхождения, которые неравномерно распределяются по диалектам: в удорском – 44 слова, лузско-летском и нижневычегодском – по 13, в вымском и верхневычегодском по 11, в верхнесыольском – 8, присыктывкарском – 6, печорском – 4, среднесыольском – 2. Нетрудно заметить, что основная масса заимствований приходится на западные диалекты, что вполне закономерно, так как именно на западе коми-зыряне находились в непосредственном контакте с прибалтийско-финскими племенами: весью, заволочской чудью, древними карелами. Данные археологии, топонимики, фольклора, антропологии дают неопровержимые свидетельства проникновения и оседания прибалтийско-финских групп населения среди коми-зырян в западных районах их обитания. Так, на Вашке местные коми называют конкретные семьи, предками которых является чудь, отличавшаяся по их представлениям от них (чудь белоглазая). На р. Лузе возле с. Лойма исследованы поселение и могильник, оставленные финской группой населения из северо-западных районов Новгородской земли, близкой по культуре племени воды, правда испытавшего мощное древнерусское культурное воздействие. Прибалтийско-финский компонент ярко выражен в материалах нижневычегодских могильников Перми Вычегодской. Он проявляется и в погребальной обрядности, и в значительном количестве прибалтийско-финских вещей, в частности, украшений женского костюма. И, наконец, особенно убедительными являются антропологические материалы. Среди коми-зырян выделяются три антропологических

типа: беломорский, восточно-балтийский и сублапоноидный (уральский, или вятско-камский). Из них первые два являются европеоидными, а третий занимает промежуточное положение между двумя крупными расами: европеоидной и монголоидной. Большая часть коми-зырян относится к первым двум типам. Третий, сублапоноидный, характерен только для южных групп коми-зырян, что сближает их с коми-пермяками. Беломорский и восточно-балтийский типы были распространены среди русского населения Архангельской области, а также среди прибалтийских финнов. Антропологи отмечают интенсивные западные этногенетические связи коми-зырян. Большой удельный вес среди них европеоидов позволяет, по их мнению, генетически сблизить коми-зырян с западно-финскими народами.

В целом, на формирование коми-зырян оказали глубокое воздействие два мира: древнерусский и прибалтийско-финский, что отличает их от близкородственных коми-пермяков и удмуртов. Со временем, в связи с древнерусской колонизацией и христианизацией коми-зырян, проведённой в последней четверти XIV столетия Стефаном Пермским, и присоединением Коми края к Русскому государству русское культурное влияние становится доминирующим и в значительной мере определяющим дальнейшее развитие народа коми.

АРТ-ФАКТ

Ольга Капустина

Капустина Ольга Егоровна – заведующая сектором научно-просветительской деятельности МБУ «Печорский историко-краеведческий музей» (г. Печора, Республика Коми). Автор десятков публикаций, ряда изданий по истории города Печоры и Печорского района, очерков о ветеранах Великой Отечественной войны, ветеранах труда, известных деятелях, информационных статей о текущих событиях. Лауреат премии Правительства Республики Коми (2015 г.)

С ним можно было бы пойти в разведку

Каждый человек индивидуален, со своим внутренним миром и мировоззрением. Личные особенности, иногда незаметные или не вписывающиеся в общие шаблоны, помогли очень многим людям впоследствии реализовать себя, возможно, стать известными.

К таким людям относится талантливый фотокорреспондент Андрей Стенин, наш земляк. Он был не по годам мудрым, имеющим жизненный опыт и большой багаж знаний. Ещё в школе выражал собственную точку зрения на происходящее в мире, что подвигло его в будущем профессионально заняться журналисти-

кой. Присутствовала грамотная и красивая речь. Удивительно, но первая статья Андрея Стенина глубоко философская о проблемах образования, написана им в 18 лет и опубликована в газете «Советская Россия». Не каждый в таком возрасте может сформулировать свои мысли, анализируя общую ситуацию в стране.

Мама Андрея, Вера Николаевна, бережно хранит архивы сына, личные вещи, которые рассказывают о многом. Читая его дневник, авторские статьи, Вера Николаевна признаётся, что для неё открылись неизвестные стороны жизни сына. Но постоянным осталось

*Вера Николаевна Стенина с сыном Андреем.
Июнь 1982 г.*

Андрей Стенин. Печора, 2009 г.

следующее: Андрей был немногословен, с малых лет любознателен, много читал, любил во всём порядок. Вся семья Стениных увлекалась чтением. Заметное влияние на Андрея оказала бабушка Тихеева Кира Георгиевна, бывшая учительница, потом домохозяйка. Родом из старинного села Деревянска Усть-Куломского района, она хорошо знала коми язык. Дедушка Алексей Павлович Стенин, уроженец Архангельской области, работал инженером в Печорском лесосплавном объединении. Вера Николаевна отмечает их интеллигентность. В доме была большая библиотека, выписывались разные журналы, и родители и дети, а их было семеро, вечера коротали с книгами в руках. Один из сыновей – это отец Андрея – Алексей Алексеевич Стенин. Как и многие мужчины, увлекался рыбалкой, чему научил и своего сына. «Андрей похож на отца: такие же красивые голубые глаза, так же за всё, что было интересно, брался основательно», – рассказывает Вера Николаевна.

Андрей родился в 1980 году в Печоре. Посещал детский сад «Снежок», очень любил свою воспитательницу Самсонову Лидию Александровну. Она работала в старшей и подготовительной группах, хорошо его помнит: «Красивый, с большими глазами, длинными ресницами, светлыми волнистыми волосами. Чувствовалось влияние и воспитание родителей, он был умным ребёнком, спокойным, неконфликтным. На занятиях у него всегда был готов ответ. Удивляло, что после обсуждения с детьми определённой темы, Андрей некоторое время ещё находился в задумчивом состоянии, размышлял, потом выдавал свои идеи, мысли. Для развития

речи и поддержания интереса к художественной литературе ребята пересказывали любимые сказки, рассказы. В числе лидирующих был Андрей, всегда рассказывал что-то новое, дети слушали его с интересом». Вот и истоки его дальнейшей профессиональной деятельности.

Учился в школе № 2, окончил 9 классов. В 1997 году стал курсантом Печорского речного училища, обучался специальности механика, хотя сначала хотел быть капитаном, но подвело зрение. Из автобиографии Андрея: «...Через полтора года в моей голове что-то переключилось. Мой мир, как Вселенная, продолжал

расширяться и забрал в свои границы город Москву и его, страшно сказать, университеты... Я вдруг повзрослел...» Андрей забирает документы из училища и после самоподготовки сдаёт в вечерней школе экстерном экзамены за 10-11 классы, получает аттестат о среднем образовании. Причём этот выбор делает самостоятельно. Он всё время ищет себя, хочет многое познать. В 1999 году поступает в Российский государственный гуманитарный университет в Москве на философский факультет на бюджетной основе, через год переводится на факультет журналистики. Данный факт и

2014 г. Фото Дамира Булатова.

определяет будущую его журналистскую судьбу, богатую на события, командировки и творческие возможности. Во время учёбы старался сам заработать, одно время трудился специалистом первой категории в Департаменте общественных связей Минпромнауки России, где получил неплохую практику. Одновременно хорошо освоил английский язык. В письмах к родителям студент пишет: *«Останавливаться на достигнутом не собираюсь».*

«Мир твердит: «Мы всё успеем». Человек выходит из оранжереи своего детства. Кто-то пытается повесить на него табличку «монтёр» или «академик» – и мозги переключаются. Таких большинство. Я не хочу быть большинством. И меньшинством – тоже. Я хочу быть собой».

С 2003 года начинается серьёзная работа – корреспондент редакции «Российская газета», «Газета.ru». Репортажи писал профессионально, по его статьям учились молодые специалисты. За короткий срок он успел добиться многого, а значит, была основа, стержень. Помогала и привычка: разобраться во всём самому, до мельчайших деталей. В дневнике Андрей выражает свои мысли: «Лучше писать правду. Выдумка придёт сама, не надо её звать, она не родная дочь мне». В августе 2008 года он как пишущий корреспондент впервые попал в зону конфликта между Грузией и Южной Осетией, по своей инициативе. В стране зарождалась мультимедийная журналистика, приветствовалась универсальность: писать и снимать. Тогда он и решил – будет снимать.

Работа для него важна, но были и любимые занятия. В перерывах между сдачей текстов в номер, между съёмками, в любое другое свободное время Андрей слушал музыку, писал стихи, читал серьёзные книги, особенный интерес вызывали глубокие, философские, не-

однозначные. Вера Николаевна хранит издания, которые он очень любил, где делал отметки, подчёркивал. Перечитывал рассказы Солженицына, сочинения Булгакова, Шукшина, Ильфа и Петрова, Хемингуэя, читал Библию, интересовался историей стран, где работал. А ещё отдавал предпочтение удобной одежде, из транспорта – мотоциклу. Хорошо готовил, умел мастерить себе вещи из кожи. Когда приезжал домой во время отпуска, отдыхал душой, рядом родные – мама и отец. Любил гулять по улочкам Печоры: нет суеты, можно насладиться северной природой, привычным расположением домов. Вспоминал детство, которое было счастливым, школу, вечера, тёмные и снежные, большие сугробы. Как образно он описывает набережную Печоры в своих очерках: *«Был обычный летний вечер. Сумерки мягко ложились на тихие улицы... По безлюдной аллее мы вышли к реке. Изгибаясь, река текла вниз, а на другом берегу, далеко, не докричишься, молчал дикий лес. Его зазубренные мохнатые пики, казалось, были вырезаны из тёмно-зелёной фанеры. Посреди реки застыли ржавеющие баржи с брёвнами. Слева мерцал огнями город. Белые вышки, как зубы, росли из жёлтой песчаной десны берега...»*

В 2009 году Андрей Стенин становится специальным фотокорреспондентом Объединённой редакции новостей Российского агентства международной информации «РИА Новости» (с 2014 года МИА «Россия сегодня»), снимает митинги, судебные процессы, чрезвычайные происшествия. Есть и внештатная работа. Как вспоминает его друг и коллега, Андрей умудрялся оказаться на месте события раньше всех и в самом нужном месте. Посвящает себя фотографии, которая стала для него способом общения с окружающим миром. Он считал, что фотография честнее слов.

«Фотографы-репортёры вообще часто одиночки, и Андрей здесь не был исключением, он всё привык делать самостоятельно, не боялся брать на себя ответственность и никому не жаловался на трудности. А их у него хватало с лихвой. Он, наоборот, всегда был готов быть там, где наиболее трудно и опасно, закрыть самые сложные участки. Молча, не ноя и без пафоса, он решал сложнейшие задачи не просто выживания на войне, но и эффективной работы», – отозвался о нём коллега Михаил Воскресенский.

Первая его поездка в зону вооружённого конфликта как фотокорреспондента состоялась в 2010 году в Киргизию, когда началась волна революций. Затем – Египет, Ливия, Турция, Ливан, Сирия, Украина. На Украине Андрей работал с декабря 2013 года, много времени провёл на Майдане. Хорошее знакомство с ситуацией и людьми даёт возможность быть незаметным – не нарушать реальность происходящего, регистрировать правду, а не реакцию на появления фотографа. Задача журналиста в обстановке боевых операций сложная: показывать обе стороны конфликта, при этом держаться нейтрального стиля поведения, не демонстрировать позицию, что требует высокой психологической стойкости. В мае А. Стенин уехал на восток Украины, где освещал события военных действий в Донецке, Славянске, Мариуполе, Шхтёрске и других населённых пунктах. Он всё больше убеждался, что войну надо снимать на видео, чтобы ничего не пропустить.

«В военной фотографии очень важен близкий, практически личный контакт с происходящим, с участниками конфликта. Андрей подошёл к войне так близко, насколько это было возможно», – пишет специальный фотокорреспондент Валерий Мельников.

Он погиб, фиксируя действительность

войны, погиб 6 августа 2014 года в окрестностях г. Снежное Донецкой области в результате обстрела автоколонны украинскими военнослужащими. После долгих поисков пропавшего журналиста похоронили 5 сентября 2014 года на Трокуровском кладбище в Москве рядом с тележурналистами Игорем Корнелюком, Антоном Волошиным, Анатолием Кляном, которые так же, как и Андрей, были убиты на Украине. В этот же день был подписан Указ Президента Российской Федерации о награждении Андрея Стенина орденом Мужества (посмертно) за мужество и героизм, проявленные при исполнении профессионального долга.

У Андрея был небольшой круг друзей, близких, верных. «На него нельзя было повлиять, на него можно было положиться», – считают друзья и коллеги. Один из них Владимир Астапкович вспоминает: «...О таких говорят, что с ним можно было бы пойти в разведку. Это человек, с которым в любой трудной ситуации понимаешь, что твоя спина прикрыта. И не суть важно, что вы работаете на разные издания. Тут речь не о конкуренции, а о том, что ты знаешь, что из любой передраги тебя вытащат, помогут. Мне помнится и другой Андрей. Улыбающийся, немного ироничный, на своём новом мотоцикле. И никаких войн, есть просто хороший человек и Друг. А сейчас его нет. И понять это невозможно...»

Родственники, друзья, коллеги – все помнят Андрея. В Печоре живут его тётки, двоюродные сестра и брат. В Москве живёт Вера, его девушка. Вера Николаевна очень полюбила её, называет «маленькой француженкой», она хрупкая, милая. Девушка всегда поддерживает маму Андрея, часто звонит, встречает в Москве. После смерти отца, Андрей был единственной надеждой и опорой для мамы. После гибели сына, оставшись одна, Вера Николаевна говорит: «Вероч-

Андрей Стенин на своём новом мотоцикле. 2012 г. Фото В. Астапковича.

ка мне как дочь». Андрей был близок к созданию семьи. 5 января 2011 года он сделал запись в дневнике: *«Вчера ночью умер отец. Мама позвонила в 7.30. Плакал весь день. Вечером взял билет на поезд и поехал. Плачу оттого, что что-то ушло безвозвратно. Укол из прошлого прямо в сердце, очень болезненный и неожиданный. Хотя я ждал этого, тайно боялся, дрожал и старался не думать. «Потом, потом...». Мне больно. Во мне шевелится человек, которого я, казалось, потерял, став одиночкой. Я захотел семью. Одному пусто в этом мире. И страшно иногда от одиночества. Думая о смерти отца, я вспоминаю своё детство. Если есть Вечное возвращение, то мне нечего бояться, потому что я был и буду там».*

Вера Николаевна благодарна всем, кто разделил с ней горе: «Дай бог всем здоровья, кто поддерживал меня в труд-

ную минуту. Спасибо за добрые слова о сыне». Для её душевного равновесия очень важно внимание земляков, признание подвига сына.

Андрей Стенин за лучшие и актуальные фоторепортажи стал дважды лауреатом премии «Серебряная камера» (2009-2010 гг., 2013 г.), лауреатом премии Союза журналистов России (2010 г.), лауреатом национальной премии печатной прессы «Искра» (2010 г.), победителем в конкурсе «Право знать-2012» в номинации «Объективное право», лауреатом международного конкурса «Фото года» (2015 г., посмертно). Активно участвовал в подготовке материалов для выпуска фотоальбома «Украина. Гуманитарная катастрофа».

22 декабря 2014 года, в день рождения А. Стенина, МИА «Россия сегодня» учредило Международный конкурс фотожурналистики его имени с целью

привлечь общественное внимание к задачам фотожурналистики и поддержать молодых фотографов в их стремлении к профессиональному мастерству, организовав крупнейшую в России площадку для них. В этот же день состоялась церемония открытия мемориальной доски в Москве.

В Печоре, где родился и вырос Андрей, 12 сентября 2014 года на здании школы № 2 открыта памятная доска.

По инициативе РОО «Землячество Коми» в городе Москве в лице Николая Николаевича Рулёва и Светланы Борисовны Терентьевой организованы выставки в Республике Коми. Подбором фотографий и их оформлением занималось информагентство «Россия сегодня». Жители Сыктывкара, Ухты, Печоры познакомились с работами Андрея Стенина, сделанными в периоды его командировок в горячие точки. Его фотографии «говорящие», создают атмосферу реальнос-

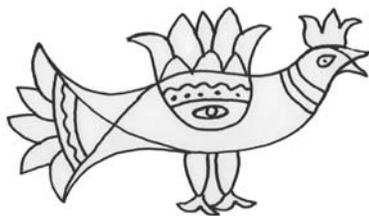
ти войны, напоминают о хрупкости мира.

Все работы переданы на постоянное хранение в Печорский историко-краеведческий музей, они остались на родине Андрея. Сотрудники музея от лица всех печорцев выражают искреннюю благодарность Вере Николаевне Стениной, РОО «Землячество Коми», МИА «Россия сегодня». Мы сохраним память об Андрее Стенине, о его профессиональном подвиге. Он оставил после себя неоценимые фотографии исторической хроники начала XXI века, значимость которых определит время.

11 февраля 2016 г.

15 декабря 2016 года в печорской школе № 2 открыт бюст журналиста.

Официально школа получила имя фотокорреспондента 21 ноября 2017 года, торжественная линейка прошла 22 декабря 2017 года в день рождения Андрея Стенина.

Андрей Стенин
(1980-2014)

«Думающий никогда не поднимет руки на ближнего...»

Автобиография

Я родился 22 декабря 1980 г. Самый мрачный день в году и город Печора, основанный в рамках истории ГУЛАГа в двух шагах от Полярного круга, не испортили моего настроения. Я разрыдался яростным рёвом – в нём звенела струна восторга. Детство как детство: ухоженная ножками песочница, ласковые лица старушек, жадный обмен солдатиками в детском саду, первые драки и смутно ощущаемое чувство влечения к девочке Кате, ириски, высоко прибитые дверные ручки, Баба Яга в Шкафу, истеричное ожидание отца и ёлки, похороны кошки.

Ранним утром 1 сентября, когда пышное солнце прожигало занавески, я проснулся и сел на кровати. Я дрожал от волнения. Новенький портфель стоял в углу, как икона, ещё за неделю был собран и выставлен на самое видное место.

Школа – старейшая в молодом городе, тем и знаменитая – радовала меня примерно до 5 класса. Я ходил в отличниках. Учился даже лучше девочек и записывал всё, что говорили записывать. Я хорошо помню тот памятный день, когда сидя на математике вдруг подумал: почему я боюсь что-то не записать и постоянно мучаюсь над довольно тошными домашними работами, а вот Ванька Ярков – личность свободная

и... И в итоге в 9-м классе на школьной линейке было объявлено, что Стенина Андрея решено оставить на 2-й год из-за неуспеваемости.

Подгоняемый родителями я закончил второй раз 9-й класс. Я вышел на улицу и развлекаемый майским ветерком, зашагал в сторону Печорского речного училища. В рукавах оплывали чернилами толстые книжечки шпаргалок. Одним словом, я стал курсантом 1-й роты 1-й группы по специальности «Механика».

Через полтора года в моей голове что-то переключилось. Мой мир, как вселенная, продолжал расширяться и забрал в свои границы город Москву и его, страшно сказать, университеты. Дальше были: вечерняя школа, экстерном аттестат, горы учебников по истории, обществознанию и по отечественной беллетристике. Билет, плацкартный вагон, один в Москве, неожиданное поступление на философский факультет Российского государственного гуманитарного университета.

Лучшее время в Москве – сентябрь.

Худшее время – ноябрь.

Худшая участь – быть дипломированным философом.

Лучшая – писать и получать за это деньги.

Т.е. – журналистика.

Декан провел со мной замаскированное собеседование и поставил свою подпись. Я был переведён на факультет журналистики. Один преподаватель с Шаболовки был убеждён, что каждый журналист должен знать, как устроен телевизор. Другой преподаватель рассказывал бранные несмешные анекдоты. Третий призывал участвовать в жизни студенческого телеканала, а четвёртый – запирали камеры в сейф и говорил: «...ещё разобьёте. Увижу хорошую заявку, ноги поцелую и дам Betacam». Сочинённая мною развёрнутая заявка – законченный сценарий по мотивам первой главы «Мастера и Маргариты», где Воланд превратился в агента НКВД, а Берлиоз – в неврастеника с контрреволюционными взглядами на советскую литературу. Эта заявка была рассмотрена в коллективе однокашников и одобрена. Первые репетиции. Выбор натур. Вымалывание хоть какой-нибудь камеры и революционное решение снимать без штатива, так и не найденного. Проект закрылся из-за весеннего пьянства группы и обещанной, но так и не даденной камеры.

Первый опыт полноценной работы был дан мне благодаря стараниям Дмитрия Диброва, с кряхтением и шутками-прибаутками усевшегося на частоте 89.9. РМ и вешавшего. Работал корреспондентом. Много бегал. Учился говорить красиво в прямом эфире – безумно сложное, как оказалось, дело. Деньги кончились, Дибров заскучал, и весь штат корреспондентов оказался на улице.

Осенью 2002 года в сенях факультета журналистики появились люди, и люди эти были из Минпромнауки. «Молодое дарование», – сказал начальник департамента, улыбаясь. Пресс-служба И. Клебанова грела меня всю зиму 2002–2003. Трудовая книжка, символические цифры в ведомости о зарплате, сонные комиссии и дикие фуршеты после коллегий, похожие на пляски вокруг убитого мамонта. Потом – увольнение по собственному желанию. Поступать во ВГИК на режиссёрский факультет – такое решение возникло, когда после n-го количества просмотренных кинофильмов, я задумался, закурил и понял, что могу сделать это лучше. Чтение сценария «Дюба-дюба» углубило эту мысль. Сильное желание экранизировать «Лолиту» (с максимально возможным почтением к автору).

Автохарактеристика в свободной литературной форме

Решение посвятить свою жизнь режиссуре игровых фильмов, как нечто осязаемое и на ощупь твердое, появилось у меня сравнительно недавно. Может быть тогда, когда я впервые заглянул в объектив видеокамеры и остался не удовлетворен натурой. Захотелось что-то поменять: эту скамейку передвинуть туда, а свет сделать чуть мягче и тогда найти людей, которые смогут наиболее близко подойти к тем образам, которые созрели в моей голове и громко просятся наружу. Одним словом, создать свою реальность – чудесным образом при помощи чувствительной пленки, оставить её навсегда, независимой от времени, и даже, может быть, от самого себя. Не работа, а удовольствие. Писать сценарий, запираюсь в комнате с художником и оператором, чтобы затем, жмурясь, идти на поиски природы, возиться с актерами, волноваться от невозможности чуть растянуть грозу, видеть сны, в которых разные варианты монтажа предлагаются так же запросто, как значки в окошечках «Однорукого бандита».

В отрочестве я вёл специальную тетрадку, в которую вписывал просмотренные фильмы, присуждая им награды за режиссуру, операторскую работу, актёрскую работу, музыку и т. д. Однажды, решив, что стал достаточно взрослым, сжёг накопившиеся тетрадки на нашей картофельной грядке и пепел разбросал ногой.

Другим любимым занятием было у меня такое: лежать неподвижно на диване в тёмной комнате, слушать музыку – от Bon Jovi до Metallica – и сочинять к ней видеоряд. Часто это были погони на армейских вертолётах, выбитые ногами двери, красивое оружие, Рутгер Хауер в кожаной куртке. Брутальные видеоклипы шагали в моей голове, и я был не против.

Я рос домашним ребёнком, предпочитая телевизор общению с одноклассниками, уже тогда напоминающими мне своих отцов, кряжистых, основательных, как кухонная табуретка. Не было той романтики, книг я тогда читать не любил, потому что не знал ничего лучше «Охотников за бриллиантами» Луи Буссенара. Единственной отрадой для меня оставались кино и музыка. После «Falling down» с М. Дугласом я впервые поймал себя на том, что, плачу не потому, что не меня не ценят, а потому что режиссёр Джоэл Шумахер захотел, чтобы я заплакал. «Апокалипсис сегодня» и «Пианино» Джейн Кэмпбелл объяснили мне, 14-летнему, что кроме стрельбы и лихого мордобоя есть чувства, и скромный фермер из Новой Зеландии вызывает не меньший интерес, чем тот же фермер, но с... После первой части «Однажды в Америке» я пошёл на улицу с твёрдым решением стать уличной шпаной. «Ночной гость» с И. Смоктуновским отхватил у меня столько наград, что все не поместились в одну строку. То же самое с «Человеком, который хотел стать королём» Южина Хьюстона: сцена, где молодой, кудрявый и задорный Майкл Кейн обучает туземцев Кафиристана строевой подготовке, ещё долго снилась мне. «Спаси и сохрани» Сокурова я в 16 лет не понял, зато «Таксист», «Злые улицы», «Король комедии», «Мыс страха» оживляли мои довольно серые школьные будни неонами далёкого Нью-Йорка.

Я не любил реальность. В школьные годы я рос в теплице, любовался носом Гоголя в школьном учебнике по литературе и хотел себе такой же. В Речном училище, первый раз подравшись по-настоящему, узнав, что такое дедовщина на своей шкуре, – я понял, что нос Гоголя не лучший вариант из-за своей ломкости; придумал себе аппендицит, лёг на операцию и был неприятно удивлён, узнав, что неделя в стационаре –

не повод для академического отпуска, который желал использовать для подготовки к поступлению в университет и чтоб в армию не забрали. Обошлось. Но за эти 1,5 года я вдруг повзрослел и даже стал развиваться в эстетическом направлении.

Сейчас у меня на тумбочке рядом с магнитофоном лежит концерт для скрипки с оркестром ре минор Сибелиуса, совместные концертные записи И. Менухина и Ст. Грапелли, Pink Floud, Розенбаум, где-то за кроватью И. Кашин, военные марши и вальсы, включаемые утром, и «Песни и пляски смерти» Мусоргского, включаемые вечером. Репертуар неустойчивый, и все потому, что люблю музыку всю, люблю хорошую.

На литературной полке у меня относительное спокойствие. Отставка кабинета в последний раз была год назад. Тогда ушли Булгаков, Хармс, Эдгар По. Сейчас премьером назначен В. Набоков. Рядом Чехов, Ильф и Петров. С кратковременным визитом побывали Стругацкие, чей «Пикник на обочине» заставил меня пересмотреть «Сталкера» и обрадованно сказать: «Снимать можно, и Тарковский тут будет ни при чём». Конечно, Бабель.

Последнее сильное впечатление от кинематографии принёс мне, в частности, «Список Шиндлера», преступно просмотренный через 9 лет после премьеры. Рейф Файнс, Лиам Ниссан – те актёры, которых я всегда буду готов видеть в своих фильмах. «Бортан Фингг», «Вор» Чухрая и ещё, ещё...

О своих достоинствах говорить так же необычно, как в 22 года писать мемуары и рассчитывать на успех. Люди не любят говорить о чужих достоинствах – ни в лицо, ни за спиной, кроме, конечно, случаев грубой лести, некрологов, любовных признаний и сходных по духу с последней самохарактеристикой при претензии на выгодную вакансию. Сам же человек о своих достоинствах имеет такое же представление, как синоптики о погоде: «Вот что-то такое вроде бы есть, хотя черт его знает!»

А недостатки... Здесь совсем другая песня. Первый попавшийся друг на просьбу сообщить о моих недостатках, на глазах превращается в Цицерона, взоидет на трибуну и, забыв о своём косноязычии, впишет новые строки в великую книгу ораторского искусства. Сколько раз я слышал...

Если бы мне предложили экранизировать любое литературное произведение, я выбрал бы «Пикник на обочине» братьев Стругацких. Во-первых, Тарковский «Сталкер» отнюдь не исчерпал эту книгу, правильнее было бы сказать, что Тарковскому «Сталкер» был только навеян «Пикником на обочине» и является самостоятельным произведением искусства. Книга эта глубокая, философская, неоднозначная – и даёт простор для режиссёрской интерпретации. Мой фильм ни в коей мере не будет походить на «Сталкера», так как я намерен с большим вниманием отнестись к тексту книги и постараться вынести на экран то, что находится за Заной, – показать жизнь маленького городка, жители которого настолько привыкли к удивительной и страшной земле, что не могут и не хотят уезжать из этих мест. В моем фильме Зана – это сами люди, сросшиеся с ней и постепенно забывающие, что такое человечность. Атмосфера будничного, ежедневного кошмара – нормального для маленького городка, скручивает людей, как тряпку.

Именно сейчас, когда человечество блуждает в чудных лабиринтах своих фобий, жмет руку врагу и стеклянными глазами обходит друзей, когда чёрное подавляющим большинством признаётся за белое... когда мало кто удивится, если заявить, что де-

нги – это всё, и наше молодое поколение с лаем бросится за кошельком, откладывая добро, мораль, сострадание на потом, «когда будут деньги» – то есть, именно сейчас, я думаю, экранизация будет подобна звонкой пощечине для истерика...

Я хочу, чтобы после этого фильма человек задумался над вечными вопросами «а кто я такой? для чего я?» А думающий человек никогда не поднимет руки на ближнего, и разве это не то, о чём мы мечтаем?

Из дневников Андрея Стенина (Орфография и пунктуация автора сохранены)

9.09.06

Куда-то исчезло чувство юмора. Тяжело. Куда идти? Что делать? Зачем все это? Что хорошо, что дурно? Я ничего не понимаю.

Соковнин взял из меня кусок – звонок Хавкину. Порадовало как отклик. Хоть так. Чувство, что кричу в пустоту.

11.09.06

Падающие башни. Зуд репортера. Отдыхаю за работу в субботу. Так хорошо, что кажется порой – «а вот в Москве сейчас...» Неспеша катался на байке. Понравилось. Вернулся не как свинья чумазый. Даже странно. Человек создан для отдыха. Есть давняя идея – тема новеллы. Вижу кирпичный дом, тусклая лампочка без абажура, висит криво – светит вбок, на стенку, вечер. Коммуналка пуста, тишина. Много тишины.

13.09.06

Вчера провальный во всех смыслах репортаж – толкучка на концерте Мадонны. Утром Михайлин остановил машину и пожал руку. Лучшие репортажи получаются от безнадёги. Они злые – потому хорошие. Компромисс вреден, но изыщен. Или нет.

Сейчас вернулся с 7-летия редакции. Поел холодных закусок. Горячих ждать не стал. Не пил. Читал мемуары лётчика гражданской авиации.

18.09.06

Исключительно продуктивная неделя. Из событий не вылезал. Мадонна, ДПНИ, Андрей Козлов. Наверстал всё, что было потеряно, – веру в себя и уважение командования. Только вот простыл. Из носа сочится, голова, как пустая бочка с пчёлами. По всему Ъ теряет себя. Вот и хорошо. Одним конкурентом меньше.

Осень. Холодно вечером. Антициклон. Что-то взбадривает. Уходит летняя спячка.

19.09.06

Простуда печёт грудь. Кашляю. Голова отказывает. Работать нет сил. Даже обидно после победоносной недели. Главный в таких случаях затык – зачем делать то, что не-счётное количество раз сделано до тебя людьми и сделано лучше, чем представить могу. От кручения белкиного колеса, одним словом, удовольствия нет.

Прочёл «День опричника». Забавно. И больше ничего.

Сегодня крайние приступы мизантропии. Выдохнул с облегчением, когда закрылся в квартире. Не могу терпеть людей. Горячая ванна. Имитация бани. Для выздоровления. Не мёд же есть.

20.09.06

Репортёру нужно сливаться с местностью. Репортёр работает эффективно, когда его не видно. Глаза, уши – первое, язык – второе. На распросы в нашем обществе, где долгое время успешно боролись с мнимыми шпионами, народ – не только те, кто носит погоны, – реагируют с подозрением. Жалкие люди. Говорить с ними можно, но не представляясь. Будто зевака с зевакой.

Из-за болезненного состояния не рискнул выкатиться на байке. Потеею в ванной. Ем пасту. Ничего кроме вреда от всего этого нет.

23.09.06

Видел великолепный сон – есть у меня профессиональная фотокамера. Никон. Крупная, тяжёлая, сложная. И куча адаптеров к ней. Как лучи от. Лишнее подтверждение великолепия. Но самое важное – 8 кадров в секунду. Это как АК-74 рядом с кремневым пистолетом.

16.10.06

Проверка синхронизации.

Возвращаясь к ремеслу. С силовиками скоро отношения будут выстроены прекрасные – они дают информацию кому захотят и сколько захотят, а журы будут драть-ся под кормушкой. Хлопать глазами и нравиться ментам – нормальные журы от этого омертвеют и сойдут в утиль. А криминалом будут вестись маленькие девочки с журфаков, путающие ПМ с ПБ «Оса».

А ещё при всём – на работу плевать. Без патриотизма нет фанатизма. Прошла мокруха мимо, упала на соседа – очень хорошо! Буду сколачивать новости часа.

Всё это не по-настоящему. Реальность: хлопья снега цепляются за расставленные ветви, жёлтое пятно на пухлом сугробе под окном, шеренга немых фонарей и свист в чёрном морозном небе. Мягкая лапа смерти на горле, на горячих висках и тишина, тишина...

Время уходит, как трамвай в переулок.

3.12.06**6.54 PM**

Славлю Господа!!! Путешествие в поезде – это судорожные, выматывающие попытки ответить на вопрос – «что с моими родителями?» Телефон не отвечал... я рисовал картины грязного и полуголодного скитания по морозному городу, попытки найти родственников, поспешный отъезд обратно в Москву... А он – сволочь такая – просто-напросто не работал! Чудеса чудесатые!

Слежу, как угасают сумерки. Молочный рассвет. Кушаю рафаэлло.

14.40

В 14.00 стемнело.

7.12.06

Перечитываю с удовольствием «Красное колесо. Февраль». Безумно интересно было бы прочесть, как работали в дни февральской революции репортёры.

8.12.06

Метель и -15 °С. Ходить и гулять уже почти некуда. Кажется, что всё облазил.

Тянет в мороз и темень. Возле дома Вадика взобрался на большую кучу снега, откуда снимал низкую красноватую луну. Видел падающую звезду – похожа на облетающий снежок.

Ночные снимки на моей мыльнице делать практически нельзя. Акварели. Как это будет выглядеть на экране тяжело представить.

14.12.06

Цифровые фото на фотобумаге очень хороши.

Снять картину о февральской революции на основе «Красного колеса». Начало и конец ленты заретушированы, смазаны, как вырванные из тела книги и самих событий 17-го года. Первые кадры: дитё волочит салазки на ледяную горку, съезжает и снова волочит. Подобрать цвет – фильм цветной, но с желтоватым или коричневым оттенком. Без музыки. Может быть рояльные аккорды.

2.02.07

Приговор чурекам, взорвавшим метро два раза. Похожи на злобных обезьян. Муслимы. Много журавей, очень много журавей. Неумолимый Трунов. Ничтожно то государство, которое боится лишить жизни тех, кто убил не то что одного – 60 граждан России.

Сделал заметку. Постарался написать хоть немного смешно, придумал точный (по сути произошедшего) заголовок: «Террористов приговорили к жизни». В результате загл автоматически снимается, вместо него ляпается что-то кривое, бестолковое, соответствующее представлениям редактора об «иронии», по тексту рассыпаются кавычки, как бы говорящие «мы то сами так, конечно, не думаем», потом дело берёт в свои руки выпускающий, который выкидывает кавычки вместе с абзацами, где они стоят, а где их нет – переписывает авторский текст своими словами. Через полчаса после всего этого автор приходит к корректорам и просит вместо своего имени поставить псевдоним, потому что ему стыдно раскрывать себя под чужой глупой писаниной. Два пути. Можно писать сухо и телеграфно, небрежным стилем, чтобы дать редактору реально поработать: расставить прилагательные и поменять нейтральные глаголы на игровые. Или наоборот – излишне удобрить текст, чтобы редактор вычёркивал явное непотребство, а достойное пропускал. Однако есть чувство, что со здешними тёмными мудаками не пройдут оба варианта. Вообще, показывать свои литературные таланты на чужом тексте – неуважение к автору. Редактор должен заниматься исправлением явных ошибок. Если же ему не нравится эпитет или что-то иное, что, как он считает, портит текст, то редактор имеет полное и неотъемлемое право вычеркнуть лишнее. А за мною остаётся право поставить псевдоним. И если руководящие работники не понимают, что для газеты, где авторы не рискуют давать материалы под своим именем, подобная ситуация позорна до предела, СМИ обречено на упадок.

7.12.07

Время... Время... Время... Уходят минуты, часы, уходят дни... Куда-то пропадают года...

31.01.08

Вспоминая с теплотой, едва ли не со слезами несчастную Газету.Ru, с ужасом смотрю в будущее, связанное с проектом Акадо. Зачем я ушёл?

Но нельзя оглядываться иначе свихнёшься. От ежедневного стресса начал курить. Будущего у проекта нет. Если оно появится, это будет чудом. Осознание того, что мир полон волшебства, чудес, добрых сил, даёт возможность жить. На чудо надеется Василий Алексанян, больной тремя смертельными болезнями – туберкулёзом, раком и СПИДом в последней стадии, и ко всему прочему запертый в тюрьме. Когда ничего другого уже не осталось, человек живёт в ожидании чуда. А чего ему ждать кроме этого? Смерти? Плакать целыми днями, а заснув, рыдать во сне?

Чтобы в конце узнать, что настоящее спасение всегда было в смерти. Что чудо – это не банальное исцеление, после которого остаётся продолжить скотское существование, ничему не научившись, ничего не поняв, а окончание всего. Смерть – вот настоящее чудо, наравне с рождением. Между ними мгновения, ничего не значащие отточия. Удивиться в последний раз, осознав свою ошибку, и отойти.

Всё так.

Но я продолжаю верить в земные чудеса. Не в жёсткую гармонию чёрных дыр, а волшебников из леса.

16.03.08

Ещё четыре года назад, когда я шёл по коридору КП на какую-то пресс-конференцию, мне следовало остаться в той редакции.

Дневник, мой психоаналитик. Вечером на Бибирево подрался с пьяным мужчиной, водилой автобуса. Потом поехал к американскому посольству в надежде сделать несколько весёлых снимков. Но ничего не получилось – десяток участников побросали свои пестики не там, где я сидел в засаде, да и произошло это буднично и пошло.

Вот информация к размышлению – в то самое время, когда Коц и Стешин ездят в командировки, в Чечню, Сибирь, Припять, я даже на пошлые, давно никому не интересные митинги умудряюсь не попадать. Карьера моя пошла по ложному руслу.

16.02.09

Прекрасно снимает Пономарёв, вчера удивлялся подборке. Снегу навалило, теперь он тает. Всё думаю о 17-40L.

23.02.09

Обнаружил новый для меня фотографический приём – акцентирование цветом (красное на сером, например). Такой была карточка Лекая, которую я сначала не понял.

Утром снимал митинг коммунистов на Триумфальной. Пенсионеры. Много пенсионеров. Много пенсионеров с флагами. Потом пробежался до трамвая, который врезался в забор на набережной Яузы. Сломанный забор нашёл, трамвай нет. Увезли в депо, которое тут же. Собственно он туда и пытался заехать, когда слетел с рельс. То-

ропливо пошёл к метро «Преображенская площадь». Успел на акцию нацболов – возложение цветов к памятнику Жукову. Встретил Тулина. Акция кислая, вообще никакая. Несмотря на это, было много фотографов. Болтаемся сегодня одни и те же рожи по городу.

Подсматриваю, как снимает Денис Синяков. Относится высокомерно. Не так, конечно, как Зюганов к своим адептам.

13.03.09

Пишут, что в России уже не кризис, а катастрофа.

Вчера Марш несогласных. Ошибки такие: нет кадров сверху, на вытянутой руке; нет кадров с автомобилистами; с флагами нацболов; и вообще – мало кадров для такого события. Не могу отнести к ошибкам отсутствие угла, однако над этим необходимо поработать.

На Ходорковского опоздал, но только потому, что заседания начинаются в разное время. Сегодня на час раньше.

Reuters подборку жанровых карточек не взял. «Ничего не берём». Отправил в Ъ. Того говна под рубрикой «Жанр», что я делал ещё месяц назад, я себе больше не позволяю снимать. Всякие такие вывески и купола.

Шарифулина вчера приняли менты оказывается. И ещё парочку пишущих. Хватали целенаправленно корреспондентов якобы за незаконную фотосъёмку. «Незаконная фотосъёмка»! Как в Северной Корее. В России нет законов. То, что не исполняется, не зовется законом. В России – обычаи. Обычай хватать журналистов. Обычай – мент всегда прав.

Передача письма в Генпрокуратуру от жителей Химок. Ушёл без съёмки, плохое шоу. Фотографии Джеймса Нахтвея. Только их я могу смотреть, не насилая себя.

14.03.09

После знакомства с Нахтвеем снимать так, как снимал я, уже нельзя. Я и не собираюсь. Митинг Левого фронта, так называемый День гнева. Была роскошная провокация от МГЕРа. Отвёз съёмку в Reuters. Дукор взял одну карточку, сказав, чтобы я больше не привозил ему съёмку на 2 гига. Первая карточка в Reuters! Притом, что на той же съёмке были Натрускин и Воскресенский, – это наверное удача. Больше карточек взяли у Воскресенского. Потому что у него были лица. А мои ошибки таковы: нет лиц, большая дырка и опять-таки малый угол. На съёмке массовых задержаний надо брать дырку F10 сразу и без разговоров, потому что снимать часто приходится вслепую и мало ли какое интересное лицо вылезет сбоку.

15.03.09

Думаю о 5D. Нужен нормальный угол. Не удовлетворяет низкая скорострельность. Как вариант взять 10-22, но там конструктив худой. И картинка конечно хуже. Мылит и валит. Пошёл на учредительный съезд московской «Солидарности». Пошёл как оказалось не зря, потому что познакомился с Земляниченко из АР. Ждали МГЕР, но не увидели. У Земляниченко, кстати, 50 Mark 2.

Мероприятие скучное. Впрочем, как и два других – митинг Румопа против Метро и Русского ДПНИ на площади 1905 г. На последнем я даже не сделал ни одного кадра.

26.03.09

Когда я приехал в Цхинвал, я был ещё не вполне фотографом. Я писал плохо и снимал одинаково плохо. Теперь мне стыдно за то, что я привёз из Осетии. И так же за то, что я уехал оттуда так рано. Наверное, я просто устал плохо снимать. Я не знал настоящей радости от удачного снимка.

Я поздно начал. Мои ровесники работали уже тогда, когда я бесцельно шатался между университетом и общагой. А утром после Сбербанка я покупал банку «отвёртки». В то время как Ильницкий и Неменов работали в Афганистане, закутанные в платки.

Снимал бомжей на Ярославском вокзале. Это был очередной «Соц. патруль». Холодно, ветер, ледяная крупа. Потом зашёл в Басманный суд, где арестовывают банкира Гительсона. Менты всячески мешали снимать. То есть вообще – прятали банкира как умели, но мне похрену. Снял и неплохо снял, хотя едва не намяли бока два омоновца. Адреналин, блин!

Потом пикет у ВДНХ, которого не было. Менты были, я был, а либералы не пришли. Наверное, отменили.

13.04.09

К 9.00 еду на Новый Арбат.

Хорошая фотография рассказывает историю. А хорошая история – в сочетаниях предметов: тень от людей, тень на земле от шприца, сочетание шприца и тени, например. Голубая ель в пикете оказалась нефотогеничной. Это были всего лишь ветки. Даже менты не стали утаскивать. Не арестабельна. Скучно.

В России всё невыгодно, в России рентабельно одно воровство.

14.04.09

Только теперь, спустя год, я чувствую, что становлюсь фотографом.

Приговор Шкобарю перенесли на неделю. Еду на НАШИХ у бывшего грузинского посольства. +16°C.

29.04.09

Проезд военной техники снял чудовищно плохо. Та же самая ошибка, какая была на Марше несогласных в декабре, когда много суетился и кричал, что мне не нужно «как у всех». Гонялся за эксклюзивом, искал лучшие сочетания, в результате не получив ничего. Стыдно, что отправил этот мусор в РИАИ. Делать выводы. Настоящие профессионалы, Питалёв, Земляниченко, вообще снимали с одной точки, никуда не бегая. Опыт. Но три карточки в Ъ всё таки появились. Отправил им, подумав.

Событий шквал. Уволили генерала Пронина. Из ДПНИ ушёл Белов. Теперь вот вечер, и я еду на Юго-Западную, где строительный катаклизм с обрушением. Ещё в это же время плавучий ресторан догорает напротив Москва-сити, однако туда уже вряд ли успею.

11.05.09

Снова пожар, на Смоленской площади. Вчера вечером там же обрушился фасад. Ночью по Тверской бродили болельщики, праздную победу хоккеистов. Звонили из РИАИ, но я спал. Пожар снял и возвращаюсь. От одежды пахнет дымом. Душно. Ожидают грозу.

17.05.09

Три ошибки, которые я совершил на минувшем гей-параде. Мучают. ЗАПОМНИТЬ НАВСЕГДА:

1. БЫТЬ МАКСИМАЛЬНО БЛИЗКО К УЧАСТНИКАМ.
2. ВТОРАЯ КАМЕРА НА ПЛЕЧЕ.
3. БЫСТРАЯ ФЛЕШ-КАРТА.

26.05.09

Замечание редактора Reuters о том, что на пожаре надо снимать людей, их реакцию, применил вчера и буду применять впредь. Пожарные с рукавами банальны. Их тысячи на лентах в разных видах. Вот, Максимов вчера носился, лез на крыши и т.д. Всё хотел снять побольше пламени и дыма. То же у РИАИ. У тех вообще прослеживается манера «клубы дыма, снятые из Замоскворечья».

Позвонил на Киевскую, про квартиру. Вечером пойду посмотреть. А сегодня кругом пикеты. На одном, у Дома правительства, побывал, а на остальные забил. Тот пикет даже никуда не посылал, вгоняет в уныние. Сижу на скамейке у Симоновского суда, жду ареста мента Жирова, сбившего беременную. Сижу один, что с одной стороны хорошо, с другой – скучно. Климат нежаркий. На лужайке валяется поломанное ветром дерево.

Посидел два часа, продрог и ушёл.

19.08.09

Вчера не очень хорошо поработал на сносе Черкизовского рынка. Увлечение деталями, упустил общие виды. У меня рабочие на крыше с резаками и курочки Вернисажа размытые вдалеке, это оказалось не нужно, зандобились балки на кранах. Согласен в общем-то с этим, да. В Ъ поставили карточку Михеева именно с этим. Кадобнов почему-то моему звонку обрадовался, но карточки не взял. Стоит дежурная Шахиджаняна.

Днём поехал было на Водный стадион, на пикет защитников животных, но в метро позвонили из Ъ и предложили дуть в Басманный на арест какого-то Владимира Макарова. Чиновник по рекламе правительства Москвы, говорят, важная птица.

11.02.10

И оказалось, что «Русский репортёр» – Виноградов был на Гаити. Незамысловато прилетел на обычных рейсах и жил в палатке русских, описывая их быт. А у меня даже загранпаспорта нет. Сегодня был в УФМС и узнал, что заполнять нужно две анкеты подряд, поскольку мой послужной список в одну не помещается.

12.02.10

Сделал фотографии на загранпаспорт. Не хочу зависеть от конторы и что-то просить у неё. Загранкомандировку они мне не сделают. Хороший фотограф должен быть полностью автономен.

Предложили командировку в Дагестан – страшно скучную и ненужную, на стекольный завод, но хоть что-то, потому что в Москве оставаться просто нету никаких сил.

В Мосгорсуде снимал чеченца Мусаева, требующего реабилитации по делу о покушении на Кадырова.

В Хамовническом арест ментов-разбойников.

Получил от Кривобока обратно 24-70L. Хороший объектив оказался.

25.02.10

В Мосгорсуде приговор скинхедам из банды «Белые волки». Потом совершенно выморочное задание по съёмке рекламных экранов РИАИ. Середина дня, а я уже устал. Домой – обедать.

Астапкович снял лучше меня. Он работал издали телевиком без вспышки и выхватил интересные моменты, сосредоточившись на одной из двух клеток. Я работал 24-70 с прямой вспышкой, активно перемещаясь. И не поймал решающий момент.

20.06.10

В Киргизии я опять совершил те же ошибки, что и в прошлые мои командировки сюда. Я оказался скован. На это раз не отсутствием транспорта (хотя и это тоже доставляло порой неудобства), а отсутствием интернета. Я был привязан к Игорю Коваленко из ЕРА, а он – ко мне, потому что у меня был нетбук. И таким образом мы путешествовали вместе. В результате у меня на последних днях пребывания в Оше наметились серьёзные упущения, например, я не снял возвращение беженцев в посёлке ВЛКСМ. Это стало заметно при взгляде на работу Виктора Драчева из АРР, Сергея Грица из АР и других, которые там были. Я не снял разбор баррикад. Я вообще мало ходил. Вечером я сидел в гостинице и мучительно пересылал отснятое днём. Я бы хотел, чтобы такое больше не повторялось. Мы, фотокорреспонденты, интернет-зависимые люди. И нужно сделать всё, заранее позаботиться об этом, чтобы не быть пленником чьей-то воли.

Кроме того, я узнал о нетерпимом отношении Александра Земляниченко к постановочным фотографиям. По крайней мере он требует, чтобы в кепшке было указано, что какое-либо действие было совершено по просьбе. «Ополченец показывает журналистам...» «Женщина по просьбе журналистов показывает свой разрушенный дом» и так далее. И это правильно. Я сам сделал несколько таких кадров и сейчас сильно жалею об этом.

Необходимо быть честным. И никому ничем не обязанным. Волком-одиночкой. Так ты обретаешь свободу, без которой невозможно оставаться хорошим фотожурналистом.

Сейчас я в Бишкеке, в отличной гостинице Park Hotel недалеко от центральной площади, в номере за \$123. Дорого для меня, но, как сказал Сергей Ильницкий из ЕРА, после жизни в полевых условиях неформальный этический кодекс фотокорреспондента требует поселиться в самом дорогом отеле. По республике ходят слухи, что в Бишкеке 22 июня будут новые волнения. Скорее всего, это неправда. Здесь я просто отдыхаю. От жары, от непрерывных поездок по плохим дорогам, от гнусной прифронтовой пищи, от фотографии. Жду развития событий, и, если их не будет, вернусь в Москву.

21.06.10

Третий день я в Бишкеке, в уютном и дорогом Park Hotel. Два дня не притрагивался к камере, и уже хочется снимать. Наверное, я зря так долго не был в Оше. Там сегодня утром была проведена спецоперация, солдаты убили двух узбеков и сказали, что они были снайперами. Неугомонный Драчев, вдумчивый Земляниченко – ребята снимают историю, а я сижу в стороне. Завтра в 12.00 вылетаю в Ош. Входные закончились. Буду работать до референдума 27 июня.

1.07.10

После войны ощущаю пустоту. Невозможность получать удовольствие от простого существования, от мирной жизни, от жизни размеренной и понятной наперёд. Всё тут кажется таким мелким и незначительным. Клонит в сон.

12.11.10

Получил годовую премию. Не ожидал! Моментально стал добрым и отзывчивым к окружающим.

5.01.11

Вчера ночью умер отец. Мама позвонила в 7.30. Плакал весь день. Был солнечный радостный день. Я успешно покатался по городу на вождении. Потом снимал в павильоне на Тверском бульваре Е-Мобиль. Это мог быть прелестный день. Вечером взял билет на поезд и поехал. Плачу оттого, что что-то ушло безвозвратно. Укол из прошлого прямо в сердце, очень болезненный и неожиданный. Хотя я ждал этого, тайно боялся, дрожал и старался не думать. «Потом, потом...» Мне больно. Во мне шевелится человек, которого я, казалось, потерял, став циничным одиночкой и мизантропом. Я захотел семью. Одному пусто в этом мире. И страшно иногда от одиночества. Сверхчеловек не боится одиночества. Думая о смерти отца, я вспоминаю не его, а саму Печору, своё детство, которое было счастливым и которое утратил в 1999 году, переехав в Москву. Я вспоминаю школу, вечера, тёмные и снежные. Большие сугробы. Деревянный топор, который я сделал из клюшки и рубил им спрессованный снег во дворе. Если есть Вечное возвращение, то мне нечего бояться, потому что я снова и снова буду делать эту клюшку на кухне. Я был и буду там.

9.01.11

Меня спасает Бабель. Конармия, её сочный цвет, жестокая пышность, шагаловские мазки. Пытаюсь применить такое видение мира в фотографии. Крупные лица, огромные возвышающиеся кони, пот ручьями, широкие поля ржи и селедочно-луковая вонь изб. На сердце держу обручи. Стараюсь не думать. Говорю себе, что уже всё передумал.

Фотография здесь скудна. Гоняюсь за солнцем и луной. Красное солнце висит над горизонтом, огненным зрачком рассматривая скудную землю, и медленно проваливается вниз, как в сундук. Долго светится небо после него, пока не закроется крышка. Весь короткий день где-то сбоку висит тонкая луна, как на занавеске школьного спектакля. К трём часам дня в город приходит ночь. Освещение скудное, повсюду на улицах пятна тьмы. Бренчат автобусы, скрипит снег, мягко катят машины. Их много в этот год. Лохматые дерзкие собаки стерегут помойки.

Если писать, то когда невозможно не писать. Когда есть что сказать. И говорить коротко, о самом главном. Не дать чувству, давшему толчок к писанию, потонуть в словах. Всё творчество Бабеля – это две тонкие книжки. И этого достаточно. К слову нужно относиться, как к сокровищу, а не разбрасываться им, сооружая невообразимые конструкции, как Набоков, или наваливая его в гору, как Достоевский. Избыток слова – признак болезни.

Но каждому – своё.

Преследует несколько месяцев обрывок мысли, давно оторвавшийся от конкретного содержания: «завтра поеду...». Паразит живёт в голове и выскакивает под вечер.

И тут же другой – из Макбета: завтра, завтра – а вот и конец жизни. Впрочем, при Вечном возвращении всё это не страшно.

Что было бы, если бы Пушкина убили сейчас? Тёмный январь, свет отключили, на обрывках проводов тяжёлый налипший лёд, как плети висят, перебивают кости проходим тяжёлые провода, как ломы. В переулке мороз сжал щёки ледяными ладонями. В глаза крошило снегом. Свечи в окнах. Неясный силуэт. А Пушкина застрелили где-то на окраине города. Надо собираться и ехать на электричке. Но они не ходят. Холодный вокзал, внутри гулкий как оцинкованное корыто, покрытое инеем. Кто-то сходит с ума. Машина, телегруппа. Пушкинская метель, вполне ничего себе. Менты роются, кружатся по полянке вместе с метелью. Серые волчьи бушлаты. Тоска и скука. Что у дома – не знаю, не поехал. Другая группа работает. Там многолюдно, жарко, весело. Домой и спать. Какой-то сон. О жаркой равнине.

– Что делаешь?

– Ничего. Жду, когда кого-нибудь убьют.

Свет в квартире погас, когда я набирал ванну. В соседнем доме не горело ни одно окно. Я взял на кухне кривую свечу, разделся и бросил одежду на пол. Мне позвонили. Через пятнадцать минут в прихожей стоял редакционный кучер. Он светил мне фонариком, пока я одевался, а потом повёл меня по тёмной лестнице.

Нет. Лучше писать правду. Выдумка придёт сама, не надо её звать, она не родная дочь мне.

19.01.11

Приехал в Москву. В дороге «Доктор Живаго», который я, кажется, начинаю любить. Поначалу вызвал отвращение язык.

Вечером был на шествии антифашистов по Пятницкой улице. Всё прошло мирно, хотя разбили пару витрин. Всё это начинает приедаться.

Веду тихое существование какого-то испуганного домашнего животного. Тоскую. Из тоски рождаются хорошие книги.

Человек умирал, он знал, что осталось недолго, но всё равно не мог найти в себе смелости и сделать что-то хорошее и безумное. Раньше, юношей, он думал так: вот буду умирать, и проживу это время так, как хочу. Но теперь не мог. Он не мог поднять руку, сделать шаг, сказать слово. Руки его были стянуты, ноги утопли в грязи, а изо рта вырывалось какое-то мышинное попискивание.

28.01.11

Я наслаждался одиночеством, как Заратустра. Много лет. Но теперь я устал от самого себя. Перелом произошел со смертью отца. Я увидел себя в пустой квартире вечером – и ужаснулся от этого видения. Некуда пойти, никто меня не ждёт, никого нет рядом. Холодная пустота. Меня перестали раздражать шумящие за стеной соседи. Я радуюсь этим звукам жизни.

Одиночество просто пожирает меня!

3.03.11

Сию в Бенгази. РИАИ просит дать зарисовку. В другое время я бы рад вернуться на минуточку к писанине, но теперь в этой круговерти и среди изжоги писать совсем не хочется. Некогда просто. Когда закончатся деньги – уеду.

12.03.11

Вернулся в Бенгази. Бомбежки Рас Лануфа расстроили мои нервы. Вчера, когда бежали с чек-пойнта, возле аэропорта наша машина врезалась в грузовик. Набил шишку на лбу и сломал зуб. Некоторые парни остались снимать.

16.03.11

Вернулся в Каир. В Ливии в сравнении с Козыревым я отработал отвратительно. Нет опыта подобных съемок. Цепь ошибок, непонимание ситуации, страх. Оглядка на других журналистов, которые бежали первыми, и я вместе с ними.

18.03.11

Город мусорщиков напуган столкновениями с мусульманами, и съёмка сорвалась. Возвращаюсь в Москву. Анализировать ошибки. Первое, что необходимо уяснить, – снимать надо много с самого начала, потому что, как показывает практика, дальнейшее развитие ситуации приводит к тому, что снимать становится труднее. «Вернись и сниму» – никогда не работает. Не вернешься и не снимешь. Снимать – это в конце концов моя работа, не такая уж трудная. Остановить машину и снять.

Питалев в Японии. Съёмка там опасна и бесплодна: однообразные развалины и спасатели в респираторах. Даже Нахтвей, который сейчас там, не смог вытянуть из этого хаоса хорошую историю.

Возвращаясь с войны, люди становятся модниками. Я купил арабский платок и собираюсь найти в дюти-фри хороший парфюм, чтобы его надушить.

И надо отстраниться от других фотографов. Например, если Пономарёв сейчас в Бахрейне, это вовсе не значит, что мне нужно срочно бежать туда же. Be yourself.

Just stop and analyse situation and to be done depending on the situation.

20.03.11

Ночью проснулся и посмотрел в окно. Город лежал в снегу. Я очень удивился, увидев Каир таким. Потом проснулся ещё раз и обнаружил, что нахожусь в Москве.

22.08.11

Вот что я писал 3 марта 2011 года в Бенгази, ожидая транспорта на запад.

«Бенгази, shit!» Крупные фотографы опережают меня на шаг. У меня нет опыта или нет удачи? Ошибки повторяются. Я не успеваю быть там, где происходят события. Иногда это всего лишь сотни метров. Я о чём говорю?! Я даже боюсь рассказать. Здесь труднее, чем в Каире. Там – это лёгкая прогулка. В Каире всё было просто, ясно куда идти и когда, что делать.

Живу другой жизнью. Она близка мне. В Москве я чужой. После Каира я почувствовал, что существует другая жизнь, другой мир – с Моренати, Лангари, Томашевичем. В Ливии я понял это, кажется, окончательно. В Москве с этим знанием мне будет трудно оставаться. В Москве можно отдохнуть несколько недель и опять...

Возвращаемся в Рас Лануф. Арабы странно относятся к культуре питания – если предполагается ночёвка – берут котёл и делают пищу на костре. Наши в таких случаях обходятся консервами.

По ночам здесь холодно. Спать на улице настоящая пытка. Да и днём не особенно жарко, около 15 градусов, дует ветер, пыль, песок забивается всюду. Мои объективы

хрустят. В ушах песок. Я чувствовал бы себя лучше в бронежилете и каске. Физически, конечно, хуже. Нашел бы здесь Бабель тему для рассказа?

Я думал, что вернусь туда к падению Триполи. Но я был беспечен и пропустил этот момент. Всё случилось очень быстро, а у меня даже не было тунисской визы. Я был глуп, самонадеян и слаб. Вдвойне обидно, что там оказался Пономарёв. Не слезаю с мотоцикла, пытаюсь забыть горечь поражения.

12.10.11

Утро. Аэропорт Борисполь. Вчера был ужасный день. Больше всего я боюсь и ненавижу коллег, когда их много на маленьком пятачке. Как было вчера в суде над Тимошенко. Меня трясло. Я старался молчать, но всё равно меня ненавидели даже молчащего. Какой-то иностранец стал выталкивать меня и шипеть «fuck». Потом была давка снаружи, когда сторонники Юли стали напирать на ментов. В гущу я даже не полез, снимая с ограждения длинным объективом. Что не согласуется с ранее мною одобренными принципами – снимать вблизи. Потом на меня напала Ващук – не прислал быстро карточки из суда. Отвратительная гостиница «Спорт». Я дремал днём и увидел тётку, которая открыла дверь и запросто спросила, нет ли в номере второго пододеяльника. Мне отказались заполнить командировочное, и пришлось ехать в очень нелюбезное представительство РИА «Новости» на улице Станиславского. Это была одна из самых плохих моих командировок. Хуже я только съездил в Сочи для Газеты.ру.

30.10.11

В Бишкеке снег. Выборы. Не отпускает Киргизия. Плохие выборы, скучные карточки, которые даже рассматривать не хочется. Какие-то они куденковские, то есть стандартные агентские карточки, которые не запомнить. Сам зевотный Куденко в Турции на землетрясении, снимает каких-то коров, треснувшие стены домов и детей, глядящих в камеру.

Живу в отеле Holiday, 90 евро номер. Живу так прилично и чисто, что подумал тут окончательно стать метросексуалом – то есть хотя бы чистить постоянно обувь и пахнуть парфюмом.

24.11.11

В Каире. Поехал с трудом, до последнего сидел на диване и страдал. Потом что-то щёлкнуло (это было сообщение о «марше миллионов» на следующий день) – и я купил билет. В дороге пил «бейлис» – чудесный напиток! Наглотался газа, наплакался. Одел белую куртку, поэтому хожу грязный, хуже гопников с Тахрира. Далеко не метросексуал, каким ощущал себя в Бишкеке. Пустынные ботинки, джинсы, куртка и платок – всё в слое сажи. Белое не надевать в следующий раз! Поселился в отеле Ismalia за 100 фунтов. Угол площади Тахир и улицы, где происходили столкновения.

13.02.12

В Тегеране всё дорого, как в Москве. Много богатых и бедных. Нарочитая религиозность. Лицемерие. Такой будет Россия, если сбудутся мечты отца Всеволода Чаплина и ему подобных мракобесов.

В Москве неделями морозы. Здесь около +5, +8 градусов. Снимаю на второй марк.

Устал от больших и быстрых машинок. Думаю про мультиэкспозицию, ею займусь по приезде в Москву. Снимать буду на плёнку. Кстати, эффект плёночного кадра (тёплые и мягкие тона, насыщенность светом дальних и ближних планов сразу) появляется в цифре, если снимать через тонированое стекло.

17.05.12

Стамбульский протест приятен. Молодёжь, старпёров нет практически. Нет каирских бомжей. Песни, пляски. Успел на два дня бунта. Теперь терплю в номере. Вылезаю для фичера и шаурмы.

В России своя Удомля. Протест, который был бы продолжен камнями и стычками, пожарами и погромами в любой другой стране, закончился парой задержаний за выкрики и фразой «Мы хорошо выступили и надеемся что они больше не вернуться».

Жалкое зрелище.

20.06.13

Все в Стамбуле. Боюсь улетать. Страхи из-за прошлого глупого отъезда. Молчаливый протест на Таксиме и всё. Пережил многих российских журналистов. Малков в Дамаске. Гусев в Тегеране. Беспорядки в Бразилии. Туда лететь так далеко, что кажется умрешь раньше, прямо в кресле или на пересадке.

4.07.13

В ключевой день египетской революции был отравлен и ходил по знойному Каиру в жутком состоянии. Еле добрался гостиницы ночью.

6.07.13

Это страшно пережить. Вчера я праздновал труса. Я охотно раздавал советы, много бегал, но не был там, где были Козырев и Ману Брабо. Я не подошёл поближе. Я пил смуси, когда происходили события у офиса президентской гвардии. Я бегал в тылах, когда бились у Хилтона. Я думал, что я там, где нужно. Если не знаешь, что делать – делай шаг вперёд. Вчерашний насыщенный день – полная дыра. Я ничего не сделал. И не знаю, как включить это в опыт. Мне и сейчас было бы страшно туда идти. И не знаю – пошёл бы я опять.

7.07.13

Козырев говорил, что большое будущее за документалистикой. Но я все думаю о его мужестве. Ведь он работал без каски. В тот же день на мосту ограбили пишущего. И надо отказаться от сомнительных компаньонов, к которым я отношу пишущих и испуганных. Они вяжут по ногам. Техника работы которых не совпадает с моей. Не терять бдительности одним словом.

13.07.13

Думаю над неудачами. Надо было быть одиночкой? Вчера я ощущал свободу, оторвавшись от Мацарского и Фомичева на марше к Ильтихадии. Спутники связывают ненужными обязательствами. И не придают уверенности при этом.

Приятные моменты – Мозес Салман со мной поздоровался. Я же хожу букой, потому что стесняюсь своего языка. Мозес снимает на Олимпс. Посмотрел на цены.

Это будет дорого – сменить систему. Тем более что мои Фуджи потёрты и побиты, а в X-Pro попала и высохла там вода из полицейского водомёта.

Лечу через Стамбул. Пересадка 8 часов.

19.08.13

Стараюсь не совершать ошибок. С ними больно потом жить на протяжении длительного времени. Как это было после моей прошлой поездки в Каир, после которой жизнь моя была отравлена.

Сегодня египетские арабы позволили себе расслабиться и быть самими собой. Белый человек в колониальном шлеме и со стеклом больше не довлеет над ними. И поэтому можно обращаться к бесценному опыту предков, которые ели руками и подтирались камушками. Ещё два года назад каждый второй таксист с Каира мог объясниться по-английски. Сегодня приходится показывать дорогу жестами. При этом водитель слушает восточный рэп и хлопает в ладоши, мчась по встречной полосе ночью со светом в лучшем случае в салоне или подсветкой колёсных арок. Айс-капучино приносят тёплым.

21.08.13

Переехал в Новотель. Дешевле, но интернет существенно хуже. Вид на реку, все прекрасно, сушу носки.

Ничего не делаю. Затишье. Выходить никуда не хочется. Арабы надоели. Становятся все хуже. Дичают. Иностранцам здесь не рады. Хотя совсем недавно было наоборот.

Каир интересный город. Только здесь я ходил по улицам и говорил, что это самый-скупный город на земле, где ничего не происходит. Но это не так. Далеко не так.

21.08.13

Делай что «должно и будь что будет.

Будь живым и немного больше.

Бог – это ты плюс сантиметр от тебя

6.09.13

«Сегодня мы обходили границу – говорит начальник пограничного участка. – Были без оружия. Шли вдоль самой проволоки. Турецкий пограничники очень трусливые. Видели нас и сразу отходили на триста метров».

«После того, как танк сделает несколько выстрелов` Надо сразу отходить. Могут прилететь мины».

Радиоперехват поймал переговоры боевиков: «Надо ударить по скоплению».

Где-то там, на склоне лесистого холма до сих пор лежат трупы боевиков. Подойти к ним опасно для обеих сторон.

18.09.13

У него был очень странный взгляд. Как будто из глубины веков. Не умный, а какой-то древний. Наверное, если прожить тысячу лет – будут такие глаза. Эта карточка не передает его в полной мере. Другие были слабы композиционно я их удалил и боюсь не восстановить. Но на них его глаза были видны очень хорошо. Мне даже стало страшно. Этот человек говорил на арамейском. Языком Иисуса. Он остался в городе,

который полностью обезлюдел. Жил в своей комнате. Вынес солдатам и нам лукошко алычи. Смотрел, улыбался и уходил. Потом мы ушли. Забыли про него. Через три дня военные рассказали, что старика убили. Выстрелом в затылок. Снайпер сделал это. Старик был не совсем нормальным. Рассказывают, что он стоял и парикмахерской. Пустой и разбитой. И требовал, чтобы его постригли. Тело не могли забрать шесть часов. Двое были ранены, когда пытались сделать это. Очень странный взгляд.

Майор спецназа Назир. При встрече он целовался дважды, прикладываясь колючей щетиной. «Спасибо Россия!» – приветствовал он нас. Его убили через пять дней после этой карточки. Со своим отрядом поднимался на скалы, окружающие Маалулу, делать засаду на боевиков, прибывающих из Ливана. Они стояли с одеялами, привязанными к рюкзакам. Когда мы в очередной раз приехали в Маалулу, военные нас не пустили. Шла широкомасштабная операция. На наших глазах подбили два танка. Артиллерия и авиация громила скалы. В щелях и пещерах прятались сумасшедшие исламисты Фронта Аль Нусра, которые носят чёрные повязки и особенные кожаные тапочки на толстой резиновой подошве. Там майора Назира сразила очередь из ДШК. Товарищи быстро отступали и не сумели забрать тело. Несколько попыток вытащить майора провалились. Через пар-у дней им завладели боевики. Говорят, Аль Нусра уже выложили на Youtube видео.

20.09.13

Я начинаю понимать Гражданскую войну в Испании.

10.12.13

Вчера был удивительный день. Утром шёл снег, густой и тихий. Я проснулся ещё в сумерках. Думая о соревновании с Куденкой, пришёл к умиротворяющей мысли – 50 фотографов на одном событии и ты не можешь быть лучшим. Никто не может быть лучшим, когда столько фотографов в одном месте. Будь собой и забудь о других. Делай своё дело честно и вдумчиво. Руководствуясь этим, я пошёл гулять. Обогнул периметр блокированного правительственного квартала. Киев заснеженный, тихий, безлюдный, утренний. Было мирно. Я молча шёл, снимал и наслаждался. Думал, что не такой уж я плохой фотограф. Потом пришла первая смс-ка от Мацарского. Странная. «Работаешь в крутой конторке теперь». Стал загружать Газету.Ru. Стоял в живописном лагере оппозиции, окружённом частоколом, как какой-то форт. Эти секунды пока загружалась страница... А потом... Ликвидация РИА Новости. И мир изменился. Я не знал что думать. Очень странно и пугающе неизвестно. Лосева привела семь доводов, почему нельзя было убивать РИА.

20.01.14

В утреннем отупении снова поехал в Шереметьево. На Украине кажется всё очень серьёзно. Из-за реорганизации РИА не решился волновать начальство раньше и ехать заранее. И так повезло, что отпустили. Теперь бегу впопыхах.

23.01.14

Из-за моих хождений с Мацарским пропускаю события. Кажется, уже делал себе такое замечание. Вчера и сегодня это привело к серьёзным упущениям в работе. Те снимки, которые могли быть сделаны и которые есть у других, – нет у меня. У меня

нет ментов совсем. Это очень плохо. Быть одиночкой, запомни это! Что касается ситуации с отличным снимком Варламова, то мне просто не повезло – я стоял и ждал запуска фейерверка очень долго. Сознательно ждал, но ушёл без него, потому что замёрз.

Здесь много фотографов, и очень хороших. Чувствую себя неуютно. Ребята снимают смело и так, как я даже не догадываюсь сделать. Даже Козырев снимает скучно на фоне таких мастеров – молодых и дерзких.

27.01.14

Неплохой и спокойный день после лихорадки прошлых. Утром с Почуевым были в Минюсте, который захватили какие-то парни в масках. Сходил на Грушевского. Обрастаю потихоньку грязью, потому что постираться нет никакой возможности. Вернее, нет возможности просушиться. Гостиница Козацкая мшистый совок. Здесь живут многие журналисты, но в комнатах холодно и вода горячая идёт не сразу, надо сливать воду минут 15-20.

30.01.14

Утром снимал палаточный лагерь регионалов. Снимал в двух палатках. Снаружи сколько ни ходил – не нашёл хороших карточек. Много шума, лишних деталей, людей. Бессюжетно. Кроме того, очень холодно, около 20 ниже нуля. Правда, ясно и дым хорошо выделяется в воздухе, густой такой. После регионалов пошёл на Грушевского, где поработал над портретами чумазных оппозиционеров на заледенелых баррикадах. Художника не было.

Хотелось бы напомнить себе, чтобы меньше откровенничал с незнакомцами. Не таять, быть собранным и настороженным. Поболтать можно с друзьями.

Компромисса с властью пока никакого не получилось. Амнистия в обмен на освобождения улиц и зданий – этот вариант оппозиция и радикалы из Правого сектора единогласно отвергли.

В номере холодно, лежу под одеялом и пью горячий чай. Ем сушёную рыбу.

31.01.14

Переехал из Козацкого в квартиру, где раньше жил Максимов. Дешевле (\$50) и куда лучше. Некоторые коллеги уезжают. Сегодня почти ничего не снял. Были на крыше. Затишье. Стираю вещи, сварил хинкали и сделал салат из помидор. В квартире тепло и вещи можно высушить.

Когда уезжают – чувствуешь тоску и одиночество. Сижу в пустой квартире один. Зашторенные окна.

1.02.14

Признаюсь, что многие упущенные кадры из-за моего увлечения фиксами. Для быстрых полевых съёмок – JPEG и 24-70. Хватит эстетства. Так работает Нахтвей.

2.02.14

Ничего не происходит. Днём гулял и делал фичер. Красивости. Стал подражать Нахтвею – его ярким цветным снимкам. Старик снимает на 24-70, и он прав. Сам реабилитировал 16-35. Зураб Джавахадзе даёт совсем неинтересные снимки. Куденко

снимал хорошо, но посылал много мусора, за которым не видно хороших снимков.

Второй день смотрю сериал «Есенин». Игра на крике и вытаращенных глазах – это касается всех актёров современных сериалов. Какой-то театральный карнавал и совсем не кино. Очень плохой уровень. Притом все злые, то есть очень современные, как будто только из метро. Особенно это касается молодых.

3.02.14

Есть такое явление во всякой революции – Человек со Свистком. Он появляется в период между схватками. Это человек, одержимый синдромом вахтёра в окончательной стадии. Как только отгремят бои и на баррикадах воцарится хрупкий мир – на сцену выходит Человек со Свистком. Его задача – нести порядок в этот мир хаоса и разрушения. Он выступает в роли вашей потерянной совести.

Выдающийся инженер человеческих душ Юрий Мацарский обнаружил и описал этот причудливый таксон в Каире. У двери нашей гостиницы внезапно стал появляться грязный наркоман. На шее у него висел свисток. Свист раздавался непрерывно. Он махал руками, регулируя дорожное движение. И делал это с достоинством лорда. За углом его приятели оживлённо шмонали прохожих, идущих через площадь Тахрир. Они искали оружие, взрывчатку, алкоголь. Это были Революционеры. Я не понимаю арабского, но все они непрерывно говорили, как старые большевики, описывающие перед пионерами свои бессмертные подвиги на полях гражданской войны.

На самом деле это были обыкновенные оборванцы, которых сдувало в канаву при первых выстрелах. Воевали чумазые и простые ребята, а очень сложные всегда ошивались в тылу, где дули в свистки. Журналисты в чужой стране вообще-то народ трусливый, но в какой-то момент Михаил «Русский генерал» Фомичев не выдержал и стал бить по рукам арабов, вперебой лезущих в багажник автомашины. «Убрали лапы и пошли нахер все!» – убеждал Михаил и надо сказать убедил.

Бывают очень странные требования. Например, я снимал в сожжённой и начисто разграбленной генеральной прокуратуре Киргизии. В то, что когда-то было комнатой, вошли мужчина и женщина. Как я понял – работники прокуратуры. Поведя жалами, они обратились ко мне: «Как вам не стыдно стоять на двери! – воскликнула женщина. – Сойдите немедленно!» Вынесенная народными массами дверь, на которой я стоял, лежащая посреди комнаты и обугленных столов, шкафов и прочего скама. Это было смешно, но я не засмеялся.

Во время погрома на овощебазе в Бирюлево привязался тощий скинхед разновидности «карлан обыкновенный». Его шатало от ударных порций ягуара. Тем не менее он решил высказаться. «Как тебе не стыдно», – сказал он. Я не понял его. «Как тебе не стыдно фоткать, здесь же нормальные пацаны. Тебе должно быть стыдно!» Этот человек только что мародёрствовал, на минутку.

Если я слышу, что кто-то громко кричит: «Отойдите немедленно от людей, у них горе, имейте совесть!» – значит, дело происходит в России и это почти всегда чиновник, выбежавший из кабинета и мелькающий, чтобы не стать крайним.

Теракт в метро 29 марта 2010. После работы оперативных служб станция Лубянка открывается. Я снимаю как люди несут цветы. Появляется Человек со Свистком – пресс-секретарь какого-то столичного вице-мэра. Начинается лекция об этике и эстетике от человека, который одевается в «Снежной королеве».

На киевском Майдане сейчас происходит то же самое. Появились такие строгие

дяди в дублёрках – тип овоща-обывателя, которые сурово сгоняют с баррикад, требуют пропуск и неодобрительно цокают языками.

Расфрендил весь Фейсбук после того, как посмотрел ленту AP. Моренатти поразил, но потом я стал понимать – почему. Затемнять вокруг и выделять светом нужное – приём очень эффектный, но это нечестно. Так можно любую пустую по сюжету фотографию сделать шедевром. Наверное, я пришёл к пониманию – обработка фотографий должна иметь свои пределы, иначе это мошенничество.

18.02.14

Шереметьево. Жду рейса на Киев. Сумбурный день – утром у Мосгорсуда снимал сначала Васильеву потом Удальцова. На машине по дороге домой – пожар в Афиолле. Дыма не было, ничего не снимал. По дороге услышал, что в Киеве начинается. Приехал домой. Вроде бы отбой. Пожарил стейк. Поехал в РИА разговаривать со Шпаковой. Был там два часа. Шпакова дала добро на поездку за свой счёт. Спокойно собрался дома. Но говорят, что аэропорт Борисполь закрыт.

23.02.14

Первый относительно спокойный день. Утром снимал цветы, днём – поход за продуктами в супермаркет на Олимпийском, потому что мой любимый Глобус закрыт и возможно надолго. Из магазинов вывозили всё, что могли. После обеда поехали на снос памятника чекистам. Колотили по нему молотками. Вечер посвящен телевизору и горячему чаю. Подумал про Харьков.

27.02.14

Осознание того, что 20 февраля при кровавых событиях ты работал неправильно, ошеломяет. Трусость пополам с глупостью. Не точить лясы и балагурить следовало, а работать. Время уходит. Событие уходит, когда кажется, что оно будет длиться столько, сколько нужно тебе. Не надо было идти на Грушевского. Надо было идти вперёд с кем-то из людей. Или вбок, где снимал Супинский и остальные. Мне очень стыдно. Я кричал, что впереди нет картинки, а есть смерть. Я вообще много кричал, когда другие молчали и делали. Позор.

Лечу в Симферополь на двухмоторном самолёте. Утром был в Раде.

3.03.14

Смотрел съёмку Ацы на Институтской и понял, почему я все пропустил. Надо было идти за медиками. Там были фотографы. Они снимали. И достаточно большое количество народу ходило туда-сюда, чтобы можно было пойти с ними. Вот какая ошибка. Её уже никак не исправить. Мучаюсь. Улица Институтская как градация степени смелости.

По размышлению, всё не так плохо. Те, кого мы проклинали и презирали – нас спасут. И откатят – время и деньги, как без этого. Золотая табакерка в кармане, шарф на поясе.

22.06.2014

Город Славянск...

Два месяца назад я приехал сюда с мечтой о лучшей жизни. С песней на устах:

*Спроси у жизни строгой – какой идти дорогой?
Куда по свету белому отправиться с утра?
Иди за солнцем следом – хоть этот путь неведом.
Иди, мой друг, всегда дорогою добра.*

И застал вечно молодого и накачанного позитивом Василия Максимова.

Славянск Василия Максимова – это холодное пиво, камуфляжные шорты, возгласы молочниц по утрам «свежее пиво!», шелуха семок на крыльце... Потом вдруг ни с того ни с сего Василий засобирался и укатил на бричке в закат, одетый с ног до головы в Thor Steinar – и настала эпоха классика чёрно-белой фотографии Михаила Почуева. Славянск по-почуевски – это свободное пользование электричеством, жирные обеды по смешным ценам, торфяной пуэр, телеканал «Ностальгия», какие-то две мутные девки в съёмной квартире... Почуевский Славянск – это город, где царит гармония великолепных экспопар, бушует вечная весна и краны с горячей водой. Но однажды позвонили из редакции, «порожняк позвал в дорогу» – и Михаил поспешил в Москву, чтобы обессмертить пресс-конференции мутноглазых упырей и восходы солнца над Химкинским водохранилищем.

Так я остался с полковником Курцем (позывной – «Хомячок»). Тут стало существенно хуже. Начались миномётные обстрелы, пропала вода, электричество появлялось исключительно в виде молний. Позже полковник впал в депрессию, вызванную отказом от спиртного и вынужденным переходом на молочно-ягодную диету.

Славянск без водопровода и электричества приуныл. Мы оказались в кольце окружения из вшей и эпидемий. Поначалу купались в бассейне, но от тонн невымытых тел купальня зацвела, и там завелись жирные жабы и крокодилы.

Ненадолго в город привезли гуманитарную психологическую помощь – корреспондентов «Комсомольской правды» с позывными «Штешин» и «Коц». Казалось, что вот сейчас наступит облегчение. Поначалу так и было. Казалось, возвращаются счастливые чёрно-белые почуевские дни. Все встречные-поперечные клялись, что своими личными глазами видели ремонтные электрические бригады на улицах и даже охотников за крокодилами с большими сачками. Грядущие орды вшей по слухам были остановлены на подступах, и внутри Славянска их ждали огромные цистерны с керосином на запасных тайных путях. Какие-то землекопы даже бодро вырыли яму в центре города и замотали изолентой водопровод – типа воду вот прямо щас пустим и шоб не протекал. Славянск бодро шагал в светлое будущее.

Ждали, верили. Пока что мыли ноги боржоми и промывали унитазы сливками.

Вот это позволяло держаться и не плакать по утрам, вспоминая сон как притчу: «вот подходишь к крану, он весь в паутине, и ты крутишь ручку!» – режут ангелы. И врата рая, за которыми течёт молоко и ток, захлопываются у тебя перед носом.

Сейчас Славянск – это город зеро. Нет Фельдмана, нет блестящих виртуозов «лайтрума» (прямых наследников фламандской школы живописи) – никто, кто бы мог осветить «Град» и дать отрезку времени своё имя. Изредка прошелестит по тёмным улицам...

05.07.2014 (Запись из фейсбука Андрея Стенина)

Мы едем и видим растрелянные автомобили на обочине. Это не страшно. Смотришь вперёд и думаешь, что не выберешься. Потому что если думаешь о хорошем –

ничего не выйдет. Двадцать машин из тех, что попались нам на пути, – не смогли. Мы смогли.

17.07.14

Я лежал навзничь на куче какого-то жалкого армейского барахла и мучительно вслушивался в разговор в соседней палатке. Там кто-то из комиссии по телефону докладывал первые результаты. Обрывки фраз о «запредельном тангаже» скупно текли сквозь ткань, нужно было встать и подойти ближе, но в палатку могли войти, и я делал вид, что дремлю.

Донецкая степь остывала после полуденного зноя. Внизу, в болотистой долине, вокруг обломков ходили люди в белых рубашках, они трогали алюминиевую рванину и перекрикивались. Солдаты купались в пруду. Трещали кузнечики. Небо бледнело, навевая прохладу. Я сидел наверху в истоптанной жёлтой траве и невообразимо тосковал. Мне хотелось лечь в постель, отвернуться к стене, и глубоко заснув, видеть вокруг только лица любящих меня людей.

Вчерашний день помнился в тумане густой суеты. Раздувшиеся от жажды и усталости, мы наконец добрались до места. Самолёт лежал на склоне и был похож на разодранную птицу. У тропинки в тени дерева ничком лежал лётчик в белой рубашке. Украинцы выносили наверх чёрные мешки, набитые жареным мясом. Из мешков торчали острые чёрные кости.

На месте крушения малайзийского самолёта Boeing 777 в районе города Шахтёрск Донецкой области. 17.07.2014

Столкновения сторонников евроинтеграции Украины с бойцами сил правопорядка у здания Администрации президента Украины, Киев. 01.12.2013

Участник акции в поддержку евроинтеграции Украины на площади Независимости в Киеве. 28.11.2013

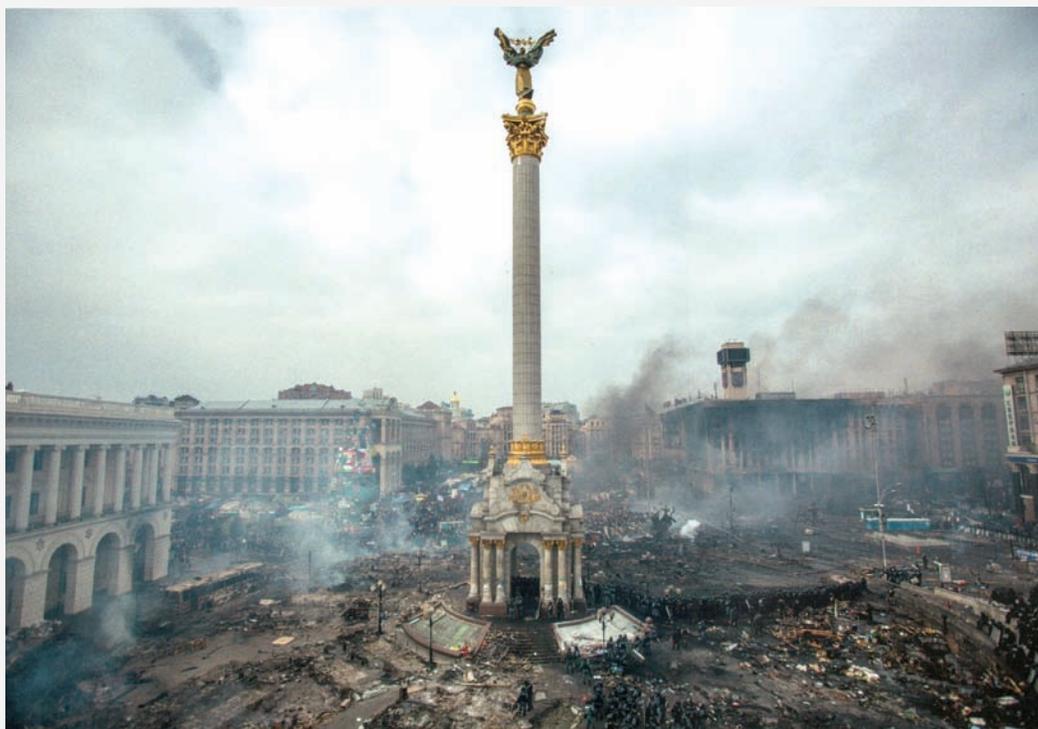
*Участник акций
в поддержку Украины
на улице Грушевского
в Киеве. 22.01.2014.*

Сотрудники спецподразделения милиции «Беркут» и коммунальных служб во время штурма лагеря сторонников евроинтеграции на площади Независимости в Киеве. 11.12.2013

Сторонник оппозиции на площади Независимости в Киеве. 04.02.2014.

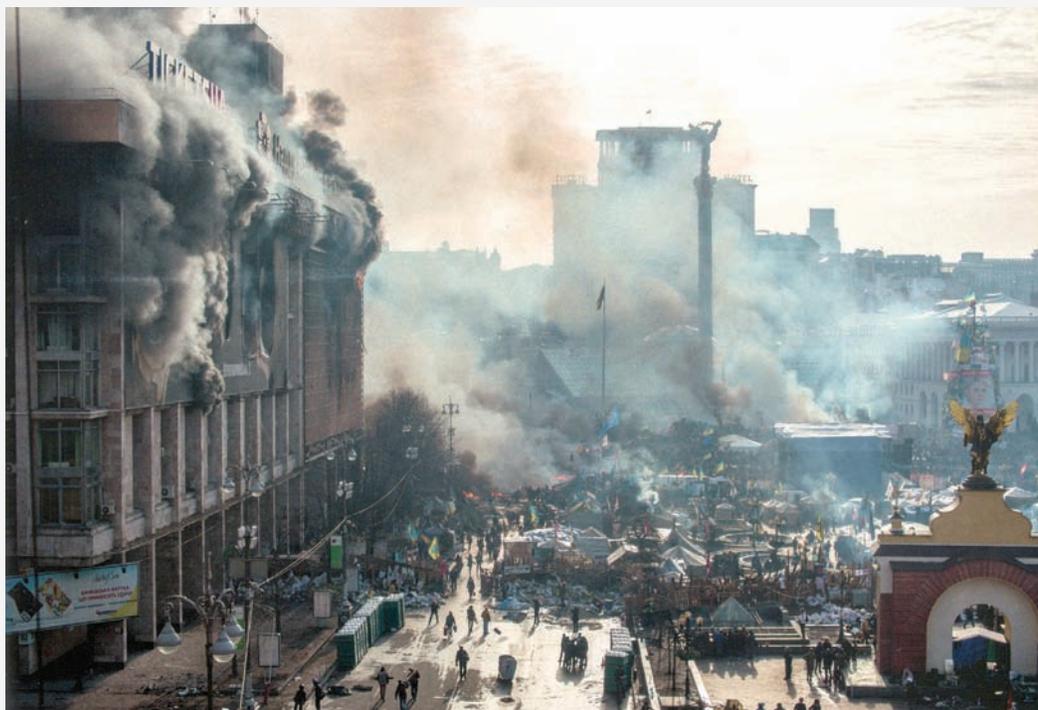
Дым от пожаров и сторонники оппозиции на площади Независимости в Киеве, где начались столкновения митингующих и сотрудников милиции. 19.02.2014

Столкновения сторонников евроинтеграции Украины с бойцами сил правопорядка во время беспорядков возле здания Администрации президентской Украины на Банковой улице в Киеве. 01.12.2013

Митингующие во время столкновений с сотрудниками правоохранительных органов на улице Грушевского в Киеве. 23.01.2014

Дым от пожаров на площади Независимости в Киеве, где начались столкновения митингующих и сотрудников милиции. 19.02.2014

Дети в автомобиле.
Жители города
Славянска, который
подвергается
обстрелам
украинскими
силовиками
эвакуируют детей из
города. 02.06.2014

Учащиеся школы №13 Славянска укрываются от артобстрела в подвале школы. Во время занятий в школу попал снаряд. 28.05.2014

Последствия артобстрела Славянска украинскими военными. Хозяйка горящего дома входит в голубятню. 30.06.2014

Бойцы ополчения во время боя за пограничный населённый пункт Кожевня под Снежным. 22.07.2014

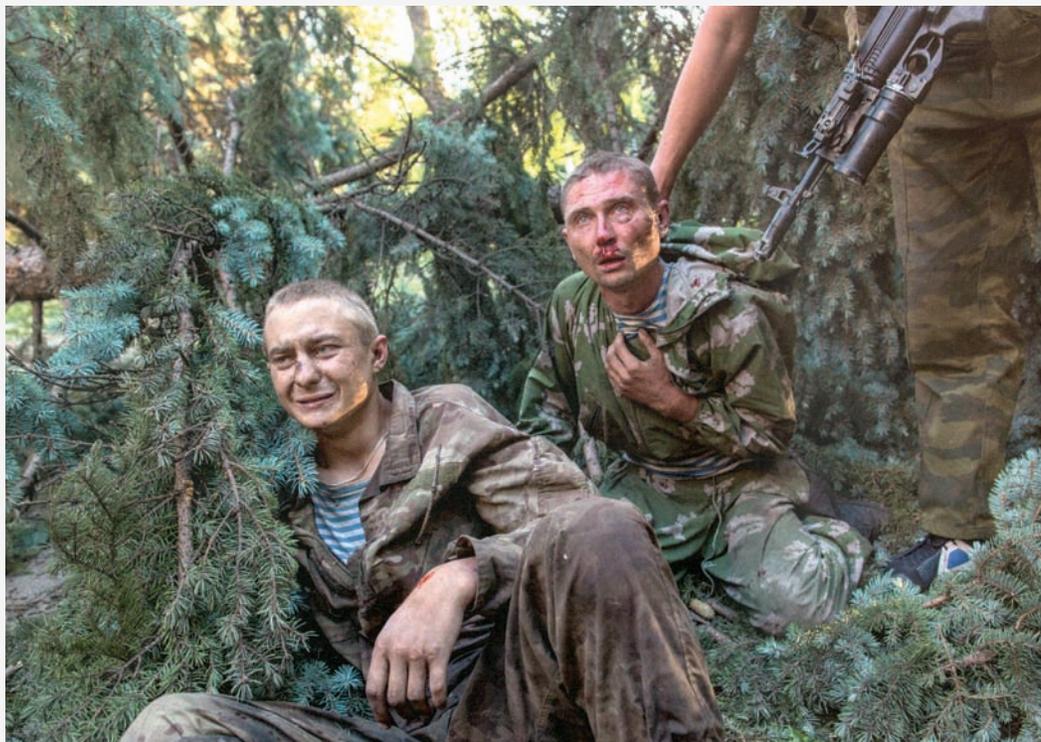

Женщины в доме, разрушенном в результате ночного артобстрела со стороны украинских военных на окраине Славянска. 20.05.2014

Последствия артиллерийского обстрела украинскими военными микрорайона Артёма в Славянске. 29.06.2014

Раненые украинские десантники, взятые в плен в ходе боя за город Шахтерск. 31.07.2014

Сергеев Борис Михайлович, Панкратова Ольга Николаевна (Санкт-Петербург).
«Святые благоверные князь Пётр и княгиня Феврония Муромские». Мрамор

Мишанин Илья Павлович
(Москва). «Романтики».
Мрамор, гранит

Краюхин Николай Сергеевич (Санкт-Петербург). «Север в трёх измерениях». Мрамор

Апрасиди Мария Владимировна, Турбасов Дмитрий Валерьевич (Санкт-Петербург).
«Птица». Мрамор

Разманов Сергей Александрович (Сыктывкар). «Остров». Мрамор

Выборов Александр Вениаминович (Сыктывкар). «Северный цветок». Гранит

Выборов Александр Вениаминович (Сыктывкар). Памятник Герою Российской Федерации Алексею Александровичу. Гранит

Евдокимов Михаил Валентинович (Санкт-Петербург). «Северное солнце». Мрамор

Хромых Александр Евгеньевич (Санкт-Петербург). «Северный ветер». Мрамор

Посещение рабочих площадок Симпозиума Главой Республики Сергеем Гапликовым

Светлана Грачёва

Грачёва Светлана Михайловна – доктор искусствоведения, декан факультета теории и истории искусств, профессор кафедры русского искусства Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина, член Санкт-Петербургского Союза художников РФ.

«Для мастера не может быть решенья вне мрамора...»

Когда думаешь о скульптуре, то сразу же вспоминаются имена самых великих ваятелей прошлого, сумевших воплотить в камне или в бронзе, или в дереве, или в каком-то другом материале свою любовь, страсть, отношение к миру... Фидий, Донателло, Роден... Этот ряд можно бесконечно продолжать. И всё же, когда представляешь скульптуру из мрамора, то самым непревзойдённым остается Микеланджело – титан итальянского Возрождения. Художник и поэт. Это он написал – «Для мастера не может быть решенья вне мрамора...». Всё его творчество – это преодоление материала. Его мрамор трепетный, как человеческая плоть, мощный, как природная стихия, прекрасный, как божественное мироздание. То, что создано им и другими мастерами прошлого, невозможно превзойти. Мы всегда будем только стоять у подножия его пьедестала, осознавая своё собственное несовершенство, восхищаясь гениальностью, дарованной ему свыше.

Современному скульптору, берущемуся за мрамор всегда будут мерещиться химеры прошлых великих достижений предшественников. Как сложно не оказаться в роли некоего мастера Симоне из Фьезоле, который, по свидетельствам Дж.Вазари,

безнадёжно испортил глыбу прекрасного каррарского мрамора, на которую махнули рукой флорентийцы и которая пролежала несколько лет недалеко от Санта Мария дель Фьоре, до тех пор, пока за неё не взялся Микеланджело и не изваял свою величайшую статую «Давид».

Как известно, расцвет эпохи Возрождения связан не только с гениями титанов, но и с деяниями их покровителей. Микеланджело не состоялся бы без Медичи. Но тот же великий Буонарроти когда-то заметил, что «тот, кто следует по стопам другого, никогда не опередит его». Неужели нашим современникам стоит только следовать по стопам? Как бы грустно не звучали эти слова, в нашем мире это остается по-прежнему актуальным. Без серьёзного, умного, деликатного заказчика по-прежнему весьма затруднительны крупные художественные открытия.

Эти пафосные мысли приходят в голову, когда оказываешься свидетелем каких-то неординарных событий, выхватывающих нас из рутины буден. Казалось бы, в современном мире никому нет дела до высокого искусства и прагматичные интересы вытеснили романтическое отношение к действительности. Поэтому с некоторым подозрением начинаешь относиться к любым проектам, ожидая от них очередного обмана. Но как отрадно иногда обманываться. И тому подтверждение – скульптурный симпозиум под названием «Север в трёх измерениях», проходивший в г. Ухте с 4 по 27 июля 2017 года, был организован ООО «Газпром трансгаз Ухта» и посвящён 50-летию основания этого предприятия.

Здесь нужно подчеркнуть особую роль его генерального директора А.В. Гайворонского, который выступил инициатором этого амбициозного проекта, нацеленного на преобразование культурного пространства г. Ухты, пока, к сожалению, больше ассоциирующегося с трагической историей Ухтпечлага и вахтовым методом добывания полезных ископаемых. Как современный руководитель нового типа А.В. Гайворонский прекрасно понимает, что без культурного освоения пространства, невозможна полноценная жизнь людей в столь тяжёлых климатических и производственных условиях. Кстати, необходимо подчеркнуть, что соприкосновение с предприятиями ООО «Газпром трансгаз Ухта» вызывает у людей, далеких от производственной сферы, т.е. у абсолютных дилетантов в этих вопросах, невероятное восхищение уровнем современного технологического оснащения, качеством работ и слаженностью исполнительского искусства работников. Образ измождённого и перепачканного липкой грязью пролетария-энтузиаста, размахивающего киркой и лопатой, преодолевающего километры бездорожья в вечной мерзлоте (то, что сформировано советским кинематографом времён индустриализации) канул в Лету. Все, что касается производства в Ухте, поставлено на современный уровень, и оснащено новейшими технологиями. Тем очевиднее кажется разрыв между производственной и культурной сферами. Разрыв, который невозможно не замечать, разрыв, который не может не деформировать сознание людей, разрыв, который следует стремительно сокращать. Вахтовый метод тут не приемлем. Важно возвращение к базовым культурным ценностям. Очевидно, что усилиями одних энтузиастов, таких как, например, отец Антоний Головин, который почти двадцать лет при помощи друзей и односельчан пытается возродить храм в Онежье, или монахинь Кылтовского Крестовоздвиженского монастыря, спасающих свой храм, изуверски поруганный во времена Ухтпечлага, не обойтись. Отрадно, что современные руководители понимают это, понимают они также, что культурный слой – это вещь очень тонкая и протяженная во времени, и создать его одномоментно, как

Панкратова Ольга Николаевна (Санкт-Петербург).

можно было стремительно разрушить храмы и монастыри на земле Коми в период сталинского террора, не реально. Требуется время, требуются люди, требуются ресурсы...

Таким образом, проведение скульптурного симпозиума «Север в трёх измерениях» стало частью развёрнутой культурной программы ООО «Газпром трансгаз Ухта», нацеленной на возвращение культурной памяти, на преобразование современного культурного пространства Республики Коми (отметим, что одним из успешно реализуемых на протяжении ряда лет проектов стал также проект «Клюква» (авторы А.Р. Разманова и О.В. Орлова). Куратором этого симпозиума выступила искусствовед О.В. Орлова, много лет работающая в Национальной галерее Республики Коми (г. Сыктывкар). Благодаря усилиям О.В. Орловой и её коллег в Сыктывкаре на протяжении нескольких лет проводились международные скульптурные симпозиумы, результатом которых стал уникальный парк скульптуры, находящийся рядом с галереей. В этом парке собраны замечательные произведения мастеров из Коми, Финляндии, Венгрии, Польши, Москвы, Санкт-Петербурга и других стран и городов. Опыт О. Орловой, позволяющий воплощать столь сложные проекты, в которых важна согласованность производственной, культурной составляющих и проблемы «человеческого фактора», очень важен.

В ухтинском симпозиуме приняли участие профессиональные скульпторы из Санкт-Петербурга, Москвы, Сыктывкара. Среди них Б.М. Сергеев, О.Н. Панкратова, Н.С. Краюхин, И.П. Мишанин, А.В. Выборов, А.Е. Хромых, М.В. Евдокимов, С.А. Разманов, М.В. Апрасиди, Д.В. Турбасов. Эти имена совершенно не случайны в данном

списке, так как заказчик достаточно тщательно отбирал кандидатуры в соответствии с представленными эскизами будущих проектов. На протяжении трёх недель авторы трудились над созданием произведений в материале (белоснежный уральский мрамор, доставленный в Ухту из Карелии, и гранит).

Для этого процесса была оборудована площадка на территории УАВРа «Газпром Трансгаз Ухта». Скульпторы были полностью обеспечены спецодеждой, питанием и всеми инструментами. Работа длилась по 13-15 часов в сутки. Как вспоминали потом работники УАВРа, ничего подобного и более захватывающего они в своей жизни не припоминают. А именно – рождение из огромных блоков камня задуманных авторами образов. Восхищались также эти выдавшие виды сильные люди огромной работоспособностью и самоотдачей скульпторов (что греха таить, мало кто из современных людей представляет по-настоящему всю сложность этой профессии). Важно подчеркнуть также, что создание монументальной скульптуры из камня меньше чем за месяц требует фантастических усилий, невероятного ежедневного труда, точного «попадания в цель». Поскольку ошибки при работе в материале так же трудно устранимы, как и ошибки в производственном процессе.

Результатом симпозиума стало создание десяти монументальных и парковых скульптур из уральского мрамора и гранита, которые станут достойным украшением городов Ухты и Сыктывкара. Новшеством и несомненным достижением этого симпозиума стало то, что за сравнительно небольшой срок были выполнены серьёзные произведения (все они большого размера – около двух метров в высоту и весом до 3,5 тонн) в долговечном материале (мрамор и гранит), которые сразу же были ус-

Евдокимов Михаил Валентинович (Санкт-Петербург).

тановлены на разных площадках г. Ухты. Т.е. все выполненные объекты нашли своё практическое применение.

Так, наиболее значимым событием стало открытие скульптурной композиции «Святые благоверные князь Пётр и княгиня Феврония Муромские» перед храмом Новомучеников российских, в земле Коми просиявших (авторы – известные петербургские художники, заслуженные скульпторы РФ Б.М. Сергеев и О.Н. Панкратова). Эти святые считаются покровителями семьи, любви и верности. Авторами было задумано, чтобы созданный ими образ нёс прославление семейных ценностей, верности и целомудрия, любви и преданности в браке, отношение к рождению и воспитанию детей как преданных Родине граждан. Благородные и патриотичные идеи в полной мере удалось воплотить авторам.

Для этого монумента характерна цельность объемов и обобщённость форм, глубокое понимание специфики материала, лаконичная выразительность образа, раскрывающего трепетность и нежность чувств персонажей. В двухфигурной композиции ясно просматривается идея предстояния, молитвы, обращения к Богу и друг к другу. Фигуры объединены единым движением и словно вырастают из мощного блока камня. Их ладони соединены в молитвенном жесте, их лики просветлены. Белоснежный цвет и плотная структура уральского мрамора, искрящегося на солнце, придают образу дополнительную чистоту и возвышенность. Скульптуре, ясно читающейся со всех ракурсов, найдено очень точное место в архитектурно-художественном ансамбле храма Новомучеников. Она прекрасно воспринимается на фоне красно-кирпичных стен собора, и на фоне неба. Отметим также точное найденное соотношение пропорций скульптуры и архитектуры. «Пётр и Феврония» стали достойным завершением современного художественного ансамбля в одном из новых районов Ухты.

Эта скульптура стала серьёзным этапом в творческой биографии опытных мастеров, многие годы работающих в области монументальной православной скульптуры (они являются авторами скульптур Ксении Блаженной в Твери, Нила Столобенского (Нило-Столобенская пустынь), Св.Николая у истоков Волги. Б. Сергеев и О. Панкратова известны и своими многочисленными станковыми композициями, в которых они плодотворно разрабатывают проблематику византийской и древнерусской культуры, её традиций и пластического совершенства. «Пётр и Феврония» воплощает лучшие черты петербургской школы, связанной с традициями таких выдающихся ваятелей как А. Матвеев, Л. Холина, А. Игнатьев.

Для установки на Комсомольской площади в г. Ухте выбрана скульптура И. Мишанина «Романтики», выполненная в традициях реалистической советской скульптуры 1970-х годов, олицетворяющая чистоту устремлений молодости, романтический порыв. Эта скульптура стала важной частью городской площади, с уже сложившейся исторической застройкой.

Работа Н. Краюхина «Север в трёх измерениях» установлена у оздоровительного комплекса «Жемчужина Севера» в новом районе Ухты, безусловно оживит довольно однообразное архитектурное пространство. Скульптор представляет академическую школу с её тяготением к идеализированному изображению людей и животных.

Белоснежную мраморную скульптуру М. Апраксина и Д. Турбасова «Птица», символизирующую образ Республики Коми (несущую в себе элементы её эмблематики) решено подарить к 100-летию юбилею образования Республики Коми.

И, конечно, несколько произведений войдут в ансамбль нового городского парка

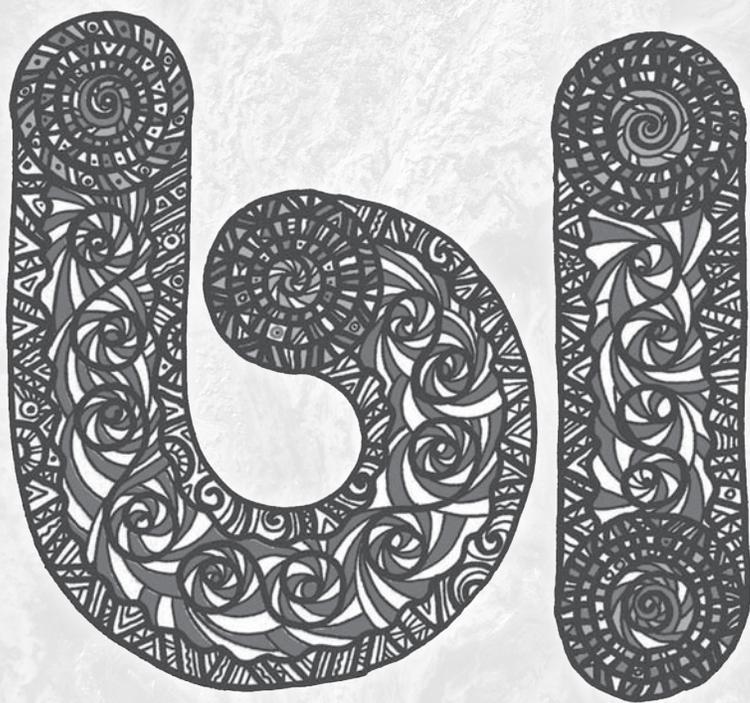

Мишанин Илья Павлович (Москва).

скульптуры, расположенный на вновь оформляемой набережной, недалеко от нового офисного здания «Газпром трансгаз Ухта». В этом парке установлены работы А. Выборова «Северный цветок» (гранит); А. Хромых «Северный ветер»; С. Разманова «Остров» (мрамор) и М. Евдокимова «Северное солнце» (все – мрамор). Эти композиции отражают различные тенденции современной скульптуры, создаваемой в камне. Они представляют и реалистическое направление (А. Выборов), и условно-символическое, нефигуративное искусство (М. Евдокимов, А. Хромых). Мраморное изваяние С. Разманова «Остров», в котором с одной стороны сохранены фигуративность и изобразительные приёмы (скульптура показывает образ человека Севера с птицей в руке, медведя у его ног), а с другой – оно содержит в себе символические обобщённые черты (образ Севера, сильного духом человека, его взаимосвязь с окружающим миром). Нужно сказать, что эти произведения могут стать серьёзным заделом для формирования будущего большого парка как произведения ландшафтного и садово-паркового искусства.

Важно подчеркнуть, что Ухта не избалована парковой, пленэрной скульптурой. Поэтому такое активное внедрение этого пространственного вида пластических искусств в городскую среду, благодаря проведённому симпозиуму «Север в трёх измерениях», не может не сказаться благотворно на атмосфере города, на улучшении качества жизни его горожан, на формировании нового имиджа Ухты не только как производственного центра, но и небольшой северной Флоренции, места, в котором созданы все условия для достойной и уютной жизни людей разных социальных слоев и возрастов. Это, безусловно, должно повысить культурную привлекательность региона в целом.

Фото Сиваковой Марины, Орловой Ольги, Сергея Тарахова.

**ТОМ ГИЖЫСЬЯСЛӨН
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖУРНАЛ**

ВÖТÖН НИСЬÖ ВЕМÖСÖН

Медводдза лун (Вой)

Садьми горөдөмысь. Сійö кынтіс лолөс. Повзи да шебраси юр вывті. Видлі унмовсьны. Унмөй эз лок. Кыски юрлөс улысь часі. Дас кык час вой. Тайö кадö ме эг на садьмы. Колö гижны тайөс лоөмторъяслөн небөгö. Сэтчö мыйсюрö пасъявля. Жугыльтчи. Небөгыс шкапын. А ме – шебрас улын. Крөвасьянь шкапыс ылын. Со тадзи меным мойвиис. Пасъя лоөмторсö асывнас. Öнi колö узыны. Ме унмовси. Вöтын аддзи ачымöс – узя. Шуи отсавны аслым. Босьті книгасö шкапысь. Ланьті ме шебрас улын. Воді да унмовси джоджын. Но и но. Вöтын аддзыны вöt – артмас крепыд ун. Крепыд унмын ме крепыда вötаси. Сійö крепыда узис. Матыстчи сы дорö. Юалі вöt йылысь. Сійö узис. Ме горөді. Эз кыв. Медъя. Восьті öдзöс. Сы сайын вöлі джуджыд джуджда. Эг чеччышт. Көсья тай вöлі век кежлö ланьтны. Косі. Вунөді, көні ме. Юалі крепыд унлысь: «Көні ме?» Сійö вочавидзис, тані пö. Сідз, көнкö, и эм. Джудждөдчи. Вöлі джуджыд. Меным эз кажитчы. Ляпкөдчи. Крепыд ун крепаммис. Сылы тайö кажитчис. Сійö лои нöшта крепыдджык. О! Унмөй лои крепыдджык. Сійöс колö кокньöдны. Эз артмы. Ме эг вермы джудждөдчыны. Ме öд абу вöt. Колö мөвпавны вöt моз. Вöt полö шыясысь. Крепыд ун полö гора шыысь. Крепыдсыс-крепыд ун полö горасыс-гора шыысь. Колö крепыда-крепыда мөвпыштчыны. Горзыны ме ог вермы. Верма пальöдны ставнас керкасö. Ме восьті öдзöс. Джуджыдсыс-джуджыд джудждаысь кыпаліс горасыс-гора шы. Ме шызи. Крепыдсыс-крепыд ун садьмис. Ме тшöтш.

Мөд лун (Удж вылö мөдөм)

Садьми. Эг, буракö. Куйлышта. Ме гажтöма ышловзи. Гашкö и, жугыля. Будильник чарöстіс да. Чеччи. Мырдөн пасьтаси. Мысси. Юи кофе. Вунөді вöчны яеснича. Кыдзи позьö юны кофе яесничатөг. Шог абу. Ме вöчи яеснича. Бөр босьта кывъясöс. Шогыс эм. Кофе бырöма. Меным мойвиис. Гөбөчын заптöма уна сёян-юан. Кутшөм гөбөчын? Ме öд ола мөд судтаын. Эг думыштли. Медъя. Сёя яеснича кофетөг. Муні лавкаö ньöбны ва. Ньöби ва. Локті гортö. Гортын нин воис юрö: позис ньöбны и кофе. Вавыс вөлöма сола. Шемöсми, мыйла абу дуб. Вунөді сёйны яеснича. Мөді удж вылö. Лэччи медводдза судтаö. Гөгөрвои: ола коймөд судтаын. Прөвериті. Вөлөм, ола нельöдын. Лэччи бөр. Вөлөмкө, көмтөм. Лифтыд на оз уджав и. Мөді поскөд. Коймөд судтаын паныдалі каньöс. Ме көмтөм, сійö пижамаа. Каньыд шуис, тэ пö йой, ме сійöс тадз жö нимті. Некор эг кужлы сёрнитны канькөд. Кайи нельөд судтаö. Көмаси. А пасьтавсьöма мөдтор. Восьті шкап. Уджалан көлуйöс нусьöма пєславны. Уси шогö да пөрөдчи узыны.

Комиөдіс Алёна Шомысова.

«ВОРСӨ ГАЖА СУНИСЪЯСА КИСЬ...»

ПЫЖ

Юын тӧдчӧ гӧрбыля мыш,
Кывтӧ изйӧн чукйӧдӧм пыж.

Мӧдлапӧлӧ ректас да бӧр –
Юсӧ вундӧ амыся гӧр.

Весиг здук-мӧд прӧста оз ов,
Изсӧ новлӧ оз ӧти во.

Важмӧм пыжлӧн рыжмӧма ныр,
Пытшкас муртса ваыс оз пыр.

Соссӧ уджӧ некод оз пудж,
Пыжӧн юсӧ некод оз вудж.

Йӧзыс важӧн абу нин тан,
Бырӧм сиктлӧн кусӧма бан.

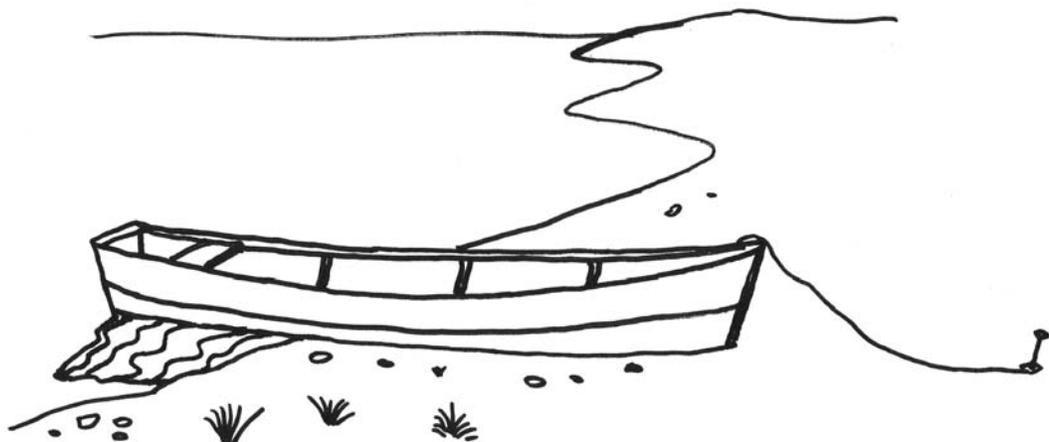
Кыръя вадорсӧ кырӧдӧ кад,
Вужъяс йылӧ ӧшйӧма сад.

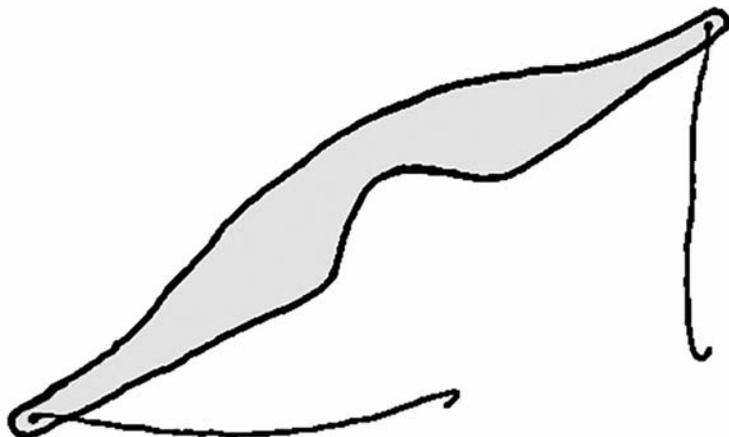
Воййыв костӧд буалысь тӧв
Войнас ытшкӧ турунзьӧм чӧв.

Тані колип некор оз съыв,
Сӧмын кисьтӧм вичколӧн кыв –

Тырӧм лола жыннӧнлӧн шы
Пыжсӧ бовйӧдлӧ, быттьӧкӧ гы.

Изйӧн сӧвтӧм жуялӧм пыж
Чужан сиктлысь бергӧдӧ мыж.

КАРНАН

Ылісянь некод оз кыв
Жугыля сьылём.
Восьлалё карнана ныв
Тыр төлысь вылөд.

Ведрас васё оз ну –
Кыскалё олём
Шойччитөг уна вой-лун,
Пуктыны полё.

Ганяс кө отарладор –
Югыдсё кисьтас:
Шуд-гажён солькъясьысь шор
Йөз лолё письтас.

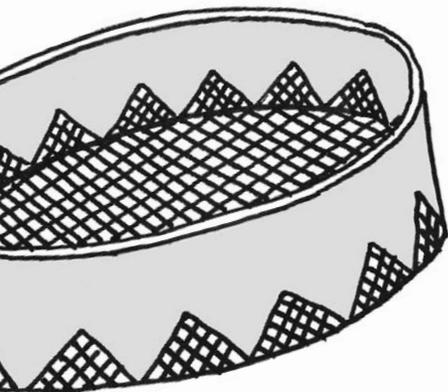
Ганяс кө мөдарлабок –
Пемыдсё кояс:
Вевтыртас войтырөс шог
Юкалысь дейён.

Нуысьыс некод оз ло –
Карнаныс мынас,
Ордымысь кеждчём лов
Енэжө сынас.

Кодарё катовтас кад,
Сэтчө и нёрас,
Бытьёкө копрасьысь бадь
Визув ю дорас.

Гыалё энкөла ю,
Лайкъялө карнан.
Кутшөм нё вевттьыяс му
Сьөднас ли дзарнас?

ВӨНЬ

Ичөт жырсө топөдөма лөнь.
Нывлөн кийин пансьө югыд вөнь.
Ворсө гажа сунисьяса кись,
Регыд нюмсермунас воддза визь.

Еджыд вывти кыссьө сунис – гөрд,
Быттьө нэмьяс вомөн – нывлөн рөд.
Со нин вөньын артмө рөдвуж пас,
Сийө пуктас омоль мөвплы тас.

Сунис туйыс артмө пельк да вольк,
Уджач кийин бырө гөрөд моль.
Өни и рытсөр, и асья гож –
Кыан вөнь – аньтуйө нуысь вож.

ПОЖ

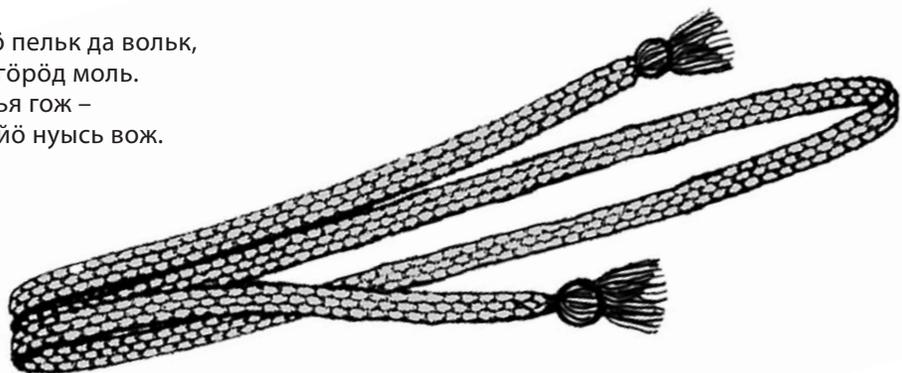
Воссьюма енэж кумыслөн дзирья,
Мудзлытөг пызыналө пож
Пөртмасын биа посни лым чирьяс –
Ыпьялан шонділысь гож.

Пызыналө пожийыс посни син пырыс
Нэмьясөн сөдзтысьысь кыв.
Гылөдөм кывсө пырысьтөм-пырысь
Чукөртө войтырлөн мыв.

Сөмын тай пожлөн веркөсас содө
Кывйыслөн кисьмытөм тусь.
Эновтөм из моз дорышас водө,
Йөз дорө муө оз усь.

Сэтшөмсө пожийыс енэжас көдзө –
Кодзулө пөрөны сэн,
Кадыс кө найөс дырөн оз көдзөд,
Өгралөм налысь оз вен.

Войтырыс босьтас найөс ас лолө,
Кылас кө кывйыслысь вын.
Вөр-ватөг кызди мортыс оз овлы,
Кывтөгыд мортыс – пу джын.

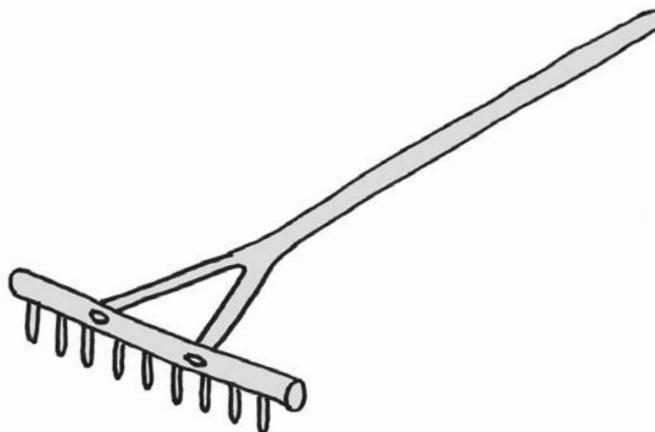

КУРАН

Куртö куран паськыд ва дор видзсö,
Зіля нистö турунсö пу пиньыс.
Войт оз коляв куран косьмöм идзсö,
Быттьö тайö уджыс – олöм киньыс.

Чöвтöм зорöд ньöжйöника летö,
Чорыд пиньнас нистö сiөн-сiөн.
Чача кодь и зорöд сэсса петö,
Вöчöма кö кужысь мортлөн киён.

Чуркöс зорöд – джуджыд югыд вичко,
Сибöдчöма бердас мудзöм куран,
Выльöн ытшкöм нимкодясьысь видз кодь,
Сигöралöм уджысь вылын юра.

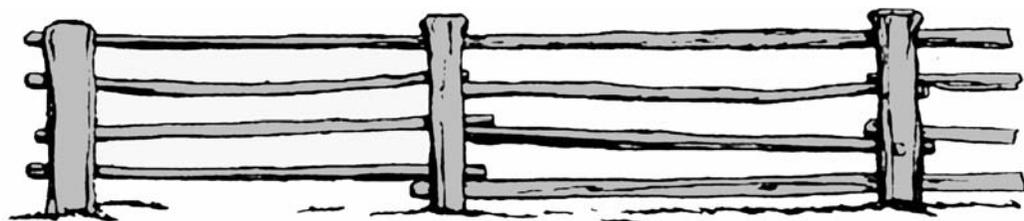

ПОТШÖС

Зумыд потшöс ассьыс йöрсö видзö,
Быттьö мортöс асыкалöм вöнь.
Зэр да гожйыс потшöс пиö сидзö,
Но оз сатш лёк видзöдласа ньöв.

Гогналöма потшъяс лэчыд черён,
Мичыс татчöс вөр-ва кодь жö рам.
Потшöсыслөн тшэпитчытöм серö
Коми мортлөн сайöдчöма сям.

Мездысьны оз вермы öти думысь:
Кызди бура дорйыны ас йөр.
Прасла воссяндыра сёлөн нюмыс.
Он и тöдлы, зумыштчöма бөр.

И КОЛЬӨНЫ МИЯНЛЫ ТӨВРУ...

ГОРТАС пыригмоз Вера посводзсянь на кыліс гора триньгөм да, эз весиг пөрччысь, котөрөн уськөдчис телепон дорө, босьтіс трубкасө, шыасис:
– Алло.

Но некод эз вочавидз.

– Алло, – гораджыка нин выльысь шуис Вера. – Алло! Нинөм оз кыв! Коді нө колө?

Трубка чөв оліс. Вералы дышөдіс виччысьны, и сійө тэрыба шуис:

– Колө кө, звөнитөй выльысь, – да клопкис-пуктіс трубкасө местаас.

Сэсса колис улөс вылө книга-тетрадь тыра нопсө, тэрыба вежсис, мода вылас, мед мамыс рытнас оз пиняв, паньыштіс шыд – да бара матыстчис ноп дінас. Сэні, школаө ветлан югыдлөз нопьяс, Вералөн куйліс библиотекаысь босьтөм куим книга: Сергей Есенинлөн да Федерико Лоркалөн кывбурьяс, Ремарклөн куим ёрт йылысь роман.

Роч поэт Есенинлысь гижөдьяссө Вера радейтө важөн: ичөтдырйиыс на нывкалы лыддылыс найөс ыджыд мамыс – школаын литература велөдысь. А сэсса, быдмыштіс да, Вера и ачыс нин тшөкыдджыка босьтіс киас стеклө өдзөса шкапысь куим тома гижөд чукөрсө. Сэн жө, стеклө сайын, сулаліс пөлөзнича синма, русыд юрсиа поэтлөн мича фотоыс. А Лорка йылысь Вера төдмаліс неважөн. История урок дырйи велөдысь висьталіс: 1936 воө Гранада кар дорын сійөс лыйлісны Испанияса фашистьяс. И лыддис нориник кывбур – быттө ёсь ем, пырис сійө Вералы сьөлөмас да колис нэм кежлө паметяс:

*И тополя уходят –
но след их озёрный светел.*

*И тополя уходят –
но нам оставляют ветер.*

*И ветер утихнет ночью,
обряженный чёрным крепом.*

*Но ветер оставит эхо,
плывущее вниз по рекам...*

Талун, урокьяс эштөм бөрын, Вера пыраліс школа библиотекаө да босьтіс некымын книга – тшөтш и Лорка кывбурьяса кызіник том, да тэрыба – өдйөджык нин мед заводитны лыддысьны – мөдөдчис гортас...

Өшиньыс Вераяс керкалөн видзөдө кыз пуа, пельыса садө. Ныв радейтө пукавны өшинь водзын да видзөдны, кызд шенасьоны төв йылын увьясанань пуяс, лыддысьны либө мыйкө ньөжйөник мөвпавны асьыс. Со и өні, киас книга босьтөмөн, Вера пуксис лыддысьны. Заводитіс Лоркасянь – сэтшөм окота сылы лои төдмавны тайө смоль сьөд юрсиа, чиган синма мелі-мелі испанеч-поэтыслысь сьөлөм вөрзьөдысь

кывбурьяссө. Ок эськө, позис кө нэмтө сөмын вот тадз пукавны шоныдөн онялысь керкаын өшинь водзын, кывзыны ывлавывса зэр шылысь нориник шөпкөдчөмсө, видзөдны аръяыв пуяслысь му вылө гылалысь корсө либө еджыдик лым бобувьяссө – да, нинөм йылысь сэсса төждысьтөг ни мөвпавтөг, лыддысьны, лыддысьны...

Но талун Вералы эз лыддысьсы. Юрсыйс некидз эз пет өнтая звөнитчысьыс. «Чөв олысь» звөнок эз нин вөв медводдзаөн. Кодкө куим вежон чөж нин дөсадитчис Вераяслы. Первой чайтисны, гашкө пө, номернас сорсисны. Но сэсса Вера казяліс: шыасьлісны кө верстьөяс – мамыс ли, ыджыд мамыс ли – төдтөм морт пыр жө пуктыліс трубкасө. А телепон дорө кө матыстчыліс ачыс Вера, звөнитысьыс трубка эз пуктыв, но и асьсө эз явитлы – оліс чөв. Телепонысь өдва кыліс сөмын сылөн лөниник, пыді лов шыыс. Медводдза кык-куим татшөм «дурөмыс» өна скөрмөдіс Вераөс. Коркө, урок вөчигөн, манитіс да, ковмис весиг вель ярскөба крапйөдлыны-шуавны трубкаысь сөдзөдчысь лөняс:

– Тырмас нин йөйтавнытө! Коді ті? Мыйла онө шыасьөй? Дугдөй татчө звөнитчыны, йөзсө шызьөдны!

Та бөрын вежон кымын эз звөнитны, да Вералы лои весиг гажтөм. А мыйысь гажтөмтчис, сійө и ачыс эз төд – телепон триньгөмысь, али төдтөм мортлөн чөв олөмысь, али трубкаысь өдва-өдва кылысь лов шыысь. Ныв весиг жалитыштис, мыйла сэтшөм скөра пиняліс мортсө, өд сійө нинөм лөксө эз вөч...

Но коли вежон да, триньөбтөм бөрын телепон бара вочавидзис Вералы төдса чөв-лөньөн. Вералөн радыс! Тайкө оз чеччав – чайтис өд, воддза чорыд сөрни бөрад мортыд некор нин сэсса оз звөнит. И, көть ставыс коли важ моз – трубкаысь эз кыв ньөти шы – ачыс ныв шыасьліс небыдджыка нин, нинөм лөксө эз шуав. Дырөн Вера велаліс тайө тыдавтөм ни кывтөм звөнитчысь дорас, лунысь-лун виччысис, кор нин звөнитлас, кывзысис лов шыас...

Оз, некутшөм лыддысьөм талун, буракө, оз нин ло: төдтөм морт йылысь помтөм мөвпьясыс синмө пыран гутьяс моз дөсадитчисны Вералы. Водзас эськө-й куйліс Лоркалөн книгаыс, но думнас ныв лэбаліс ыліті.

И друг бара кыліс гора триньөбтөм. Вера сыркмунліс да уськөдчис телепон дорө:

– Алло, алло, – майшасьөмөн шуаліс сійө, но трубка бара мыйкө дыра оліс чөв, а сэсса друг Вера кыліс кыськө быттьө ылысь, ру пытшкысь, лөниник, небыд мужичөй гөлөс. Вера кывзысьыштис да гөгөрвоис: сійө лыддис кывбур, Есенинөс – сылысь радейтана поэтсө!

*Я спросил сегодня у менялы,
Что даёт за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «Люблю»?..*

Кывбур помасис. Здук-мөд мысти трубкасө пуктисны, да кыліс дженъыдик тутсөм. Вера пуктис жө трубкасө да шемөса вешийс телепон дорысь. Сө юалөм быттьө косявліс Вералысь вежөрсө. Коді сылы звөнитчө? Коді чөв олө, а талун со збоймөдчис да лыддис муслун йылысь кывбур? Кытысь төдө тайө мортыс Вералысь лыддысьны радейтөмсө, медся муса поэтсө? Мыйла оз висьтась, оз восьт сылы асьыс сьөлөмсө? Классысь ни весиг школа пасьтала Вера оз төд ни өти татшөм небыд гөлөса зонмөс! Но и но... Дивө тай...

Та бөрын Вераөс быттьө вежисны: лун-лун сійө виччысис төдтөм мортлысь звөнитөмсө – виччысис, кор помасяс урок да поэяс өдйөджык котөртны гортас, вич-

чысис, кор триньобтас телепон, да шыасяс мелі, небыд гөлөс... Кутшом эськө кывбур сійө талун лыддяс?..

И сійө звонитчис – быд лун либө лун кост мысьт, ёнджыкасө сэк, кор школа бөрын Вера вөлі гортас өтнас, да дзик некод эз вермы торкны том йөзлысь радейтом йылысь «сёрнисө». Мелі гөлөса зон висьталіс Вералы уна тодса да тодтом гижысьлысь кывбурьяс, весиг Шекспирлысь сонетьяссө лыддис. А корсюрө телепон трубкаысь, быттө визув ёль, писькөдчис шуда либө нор, кыпид либө шог радейтом йылысь сыланкыв... Но медьёна Вералысь сьолөмсө вөрзёдіс өти кывбур:

*Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Её любил,
А потому, что я томлюсь с другими.*

*И если мне сомненье тяжело,
Я у Неё одной молю ответа,
Не потому, что от Неё светло,
А потому, что с Ней не надо света.*

Оломыс Вералон быттө путкыльтчис. Велөдчөм да книгагяс дзикөдз вуніны, весиг нывьяскөд шойччан луньясө дугдіс петавлыны ывлаө – быттө көрталөма, пукаліс гортас да виччысис, помтөг виччысис, кор триньобтас телепон да кузь сьөд проводті ныв дорө писькөдчас тодса гөлөс. А өтчид, телепон эз звонит куим лун да, весиг школаас эз мун, нинөм эз сөй, нормис. Төдны кө эськө, кытчө звонитны, юавны, мый лои... Но кысь төдмалан, ачыс кө оз висьтась?!

А сэсса бара звонитіс, и коркө, өти татшөм рытө, Вералы вежөрас кытыськө воисны кывьяс. Кытысь – сійө и ачыс эз төд, быттө кодикө шөпкөдіс пеляс. Ныв пуксис пызан сайө да, мед оз вун, тэрыба гижаліс кыв бөрся кыв:

*Тайө вөлі
Уна сё во сайын,
Кор синьясө видзөдіг,
Медводдза лэбачьяс
Медводдзаясь мунісны лунвылө,
И ме тэныд шуи –
– Ар нин...
А шондіыс шыасис меным
Чөв-лөньөн...*

...Колис кад. Вера өшинь сайын ар важон вежсис енэжсянь лымийон пожнасьысь төлөн. И та кадө кывбур лыддысь зон дугдіс звонитны Вералы. Дзикөдз дугдіс. Вежон, дас лун – шап вылын сулалысь телепон быттө кынмис. Вера лөкаліс сы вылө, весиг сёрнитіс ловья морткөд моз, быттө тайө ловтом ни кывтом ёкмывысь мыйыськө вөлі мыжа:

– Но мый нө тэ чөв олан? Мый лои? Шу мыйкө, шу! Сьолөмөй потас!

Но телепон эз шыав. Вера майшасис, эз төд, кыз асьсө бурөдны, кусөдны морөс сотысь дойсө – дугдывтөг ветлөдліс вежөсысь вежөсө, кутчысьліс быдсыма уджас, но киас нинөм эз өшйы, көть стенмас кай. Ыджыд мамыс казяліс тайөс да чукөстіс мөдар вежөссянь:

– Верук, мый нө сэн витөд пельөссө корсян? Воны жө-д татчө, виль кывбурьяс «Парма горысь» лыддышт!

Вера нем думайттөг босьтис ыджид мамыс кыысь газет да гөгөрвотөма видзөдліс сэтчө йөзөдөм гижөдьяс вылас. И друг юрас вирдыштис: «А мый эськө, нуа кө ме ас-сьым кывбурьясөс редакцияө? Гашкө, и найө туясны йөзөдөм вылө, да сійө, коді звөнитчис меным, лыддяс да шыасяс?!»

Вера тэрыба пырис аслас вежөсө да мичаа гижис листө некымын кывбур, сэсса пасьтасис да петис ывлаө...

* * *

Районса газет редакцияын Вералы индісны витөд номера өдзөс вылө – сэні пө миян поэтъясыс пукалоны, налы пө и сет кывбуртө, мед видзөдласны. Витөд жырйын пукаліс олома нин, пемыдлөз костюма мужичөй да мыйкө тотшкөдіс-гижис компьютерө. Воча пызаныс вөлі прөст. Пыригмозыс Вера чөвтліс сэтчө синсө да друг чуймөмөн казяліс сэтысь ассыс фотосө, а орччөн джуджыдкөд чукөрөн куйлісны кывбура книгаяс – Есенин, Лермонтов, Лорка...

– Коді тіян тані пукало?! – вирыс шыбитчис Вералы чужөмас. – Кодлөн тайө книга-ясыс?

– Бур лун, дона ныв, – нюмъяломөн вочавидзис олома морт. – Тайө миян Артёмлөн, том кывбур гижысь да журналистлөн, пызаныс. Сөмын сійө өні абу. Больничачын куйлө, реанимацияын. Ветліс ылі сиктө командировкаө, да машинаыс вильыд туй вылад путкыльтчөма, Артём ёна доймалөма... А мый нө эськө колө?

Но Вера сійөс эз нин кывзы. Мөд судтасянь тэрыба лэччигмоз сійө кизясис, шапкаасис да котөртис больничалань. Сьөлөмыс морөсас лөкысь нөйтчис – тайкө вомөдыс чеччыштас. Мый өні лоис, мый лоө водзө – сы йылысь Вера эз мөвпав. Воис больничачө, котөрөн кайис мөд судтаө, шөйөвошөмөн муніс кузь коридорөд. Сэсса ад-дзис «Реанимация» гижөда пөдса стеклө өдзөс да ньөжйөник матыстчис сы дорө.

Сэні, ыджыд сөстөм больничача жырйын, джуджыд койка вылын куйліс бинтөн көрталлөм юра сім чужөма зон да видзөдіс Вералань. Вера паныдасис ськөд видзөдласнас да быттө измис места вылас, нинөм эз сяммы вөчны ни эз кыв еджыд калата мортлысь сы дорө шыөдчөмсө:

– Коді ті? Тані реанимация, татчө оз позы!

Өдзөс стеклө вылө кисө пуктөмөн Вера сулаліс да видзөдіс куйлысь вылө, а юрас мыйлакө помтөг бергалісны кытыськө воём кывьяс:

И кольөны миянлы төвру...

И кольөны миянлы төвру...

Журналлөн редколлегия:

Елена Афанасьева, Алёна Шомысова, Любовь Ануфриева, Алёна Старцева.

ART

www.artlad.ru

2018

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПОДПИСКА

БЫСТРО! УДОБНО! ДОСТУПНО!

Уважаемые читатели!

Теперь вы можете оформить годовую подписку на электронную или печатную версию журнала «Арт» (при условии получения в редакции журнала), не выходя из дома. Достаточно перечислить 200 р. по указанным ниже реквизитам, в сообщении указать e-mail и ФИО подписчика.

Наши реквизиты:

ИНН/КПП 1101485466/110101001 р/с 40603810328004070042
отделение Сбербанка России № 8617 БИК 048702640 к/с 30101810400000000640
e-mail: artkomi@mail.ru

Журнал «Арт» можно приобрести

в сети магазинов «Ридер»,
магазине «Ордым» (Дом печати, г.Сыктывкар, ул.К.Маркса, 229),
в магазине «Дом книги»
и в книжном киоске торгового центра «Дом быта».

Оформить подписку вы можете
во всех отделениях ФГУП «Почта России»

Подписной индекс: П4453

Лыдды «АРТ», и ставыс АРТмас!

ART ART

<http://www.artlad.ru/>

Подписной индекс: 13543

ART ART